

19-20

Karta

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВООБРАЩАЮЩИЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

Иного нет у нас пути?..

Российский независимый
исторический и
правозащитный журнал

Адрес: 390000, Россия,
г.Рязань,
пл.Костюшко, 3.
Для писем: 390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.
Телефон: (0912)77-51-17
E-mail: karta@glasnet.ru
<http://www.glasnet.ru/karta>

Учредитель:

Редакция независимой
газеты "Рязанский вестник".
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о регистрации
№ 01949.

Главный редактор
Андрей Блинушов

Редакция:

Юлия Середа
Сергей Романов
Вадим Шубин
Петр Митцнер
Виктор Лозинский

Мнения авторов не обязательно
совпадают с точкой зрения
редакции.

Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.

По вопросам подписки на
"Карту" обращаться
в редакцию.

Над номером работали:

А. Блинушов, Г. Блинушова,
С. Романов, М. Кошкина,
Ю. Середа, И. Сивцова.

Компьютерная верстка:
Ю. Середа

Отпечатано ТОО "СЕРВИС"
Рязань,
ул. Интернациональная,
д. 1 "Г".

Заказ № 20.
Печать
офсетная.
Тираж
2000 экз.
Подписано
в печать
25.11.1997

Российская "КАРТА" основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала "KARTA", выходящего с января 1982 года, и рязанского общества "МЕМОРИАЛ", учрежденного в октябре 1989 года.

В НОМЕРЕ:

"Они защищают права и свободы других" <i>Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки по поводу арестов региональных правозащитников в России</i>	3
Ю. ШМИДТ Снова фальсификации и обман <i>Информация по делу Александра Никитина</i>	5
Д. КАМИНСКАЯ, К. СИМЕНС Институт уполномоченного по правам человека в России <i>Дискуссия на радио "Свобода"</i>	7
Е. ЗАХАРОВ Правозащита и власть: "pro" и "contra" <i>Полемика</i>	9
А. ЖЕПЛИНСКИ Укрепление контроля за службами безопасности в Центральной и Восточной Европе <i>Очерк для общественных организаций</i>	11
"И все же, я бы простил..." <i>Из истории инакомыслия. Рязанско-Саратовско-Петрозаводское дело. Интервью с участником дела Е. МАРТИМОНОВЫМ</i>	15
"Это было немножко смешно..." <i>Из истории инакомыслия. Рязанско-Саратовско-Петрозаводское дело. Интервью с участником дела А. УЧИТЕЛЕМ</i>	22
О. ПОПОВ Встречи в Рязани <i>Из истории инакомыслия. Вокруг Рязанско-Саратовско-Петрозаводского дела</i>	31
В. НОВОДВОРСКАЯ По ту сторону отчаяния <i>Воспоминания диссидента</i>	37
В печать и в свет! <i>Из истории инакомыслия. Интервью с Борисом СТРУГАЦКИМ</i>	46
Дети для фюрера и Штази <i>Судьбы столетия</i>	53
М. РОГАЧЕВ Иной мир <i>Художественная самодеятельность в ГУЛАГе</i>	65
Н. МОРОЗОВ К вопросу о численности жертв геноцида <i>Исследование</i>	73
В. ДЬЯКОНОВ "Я, лагерная пыль, свидетельствую..." <i>Фрагменты воспоминаний о ГУЛАГе</i>	75
А. ШЕРЕНАС Лесоповал <i>Фрагмент книги воспоминаний</i>	78
Н. МОРОЗОВ "Это сильная книга" <i>Рецензия на книгу А. ШЕРЕНАСА "Воркутинские лагеря смерти"</i>	79
С. ШИМОВОЛОС Места лишения свободы Нижегородской области 1918-1953 гг. <i>Карта-схема</i>	80
В. АБАНЬКИН Утерянные возможности <i>Почта "Карты"</i>	82
В. АУЛОВА Два воспоминания о БАМе <i>Почта "Карты"</i>	82
Журналу "Карта" — 5 лет.	83

На первой стр. обложки: "Мертвая дорога" Салехард-Игарка. Автор фотографии неизвестен.
Выставка Т. КИЗНЫ "Время империи" (Варшава, 1997).

"КАРТА" В INTERNET:
<http://ngo.ryazan.ru/karta>

Этот номер "Карты" выпущен при содействии
 Программы малых грантов Российско-Американской
 Проектной Группы по правам человека и Фонда Форда

Журнал "Карта" поддерживали:

Фирма "Бриг-Ф"
 (Рязань)

Фирма оргтехники
 Антониуса Гуттермана
 (Германия)

OPEN SOCIETY INSTITUTE

Институт "Открытое
 Общество" (Москва),
 Фонда Джоржа
 Сороса

Немецкий Народный Союз
 по уходу за могилами
 жертв войны и репрессий

Фонд «Евразия»
 (Вашингтон)

The Eurasia
 Foundation

Международное историко-
 просветительское и
 правозащитное общество
 «Мемориал»

Общественный Центр Karta
 (Варшава)

Агенство США
 по Международному
 Развитию

Полиграфическая фирма
 Петера Ломмана
 (Германия)

Институт Демократии в
 Восточной Европе
 (Вашингтон-Варшава)

Фонд Польско-Чешско-
 Словацкой Солидарности
 (Варшава)

17-18 номера "Карты" вышли в свет при финансовой поддержке
 Правозащитного фонда "За гражданское общество"

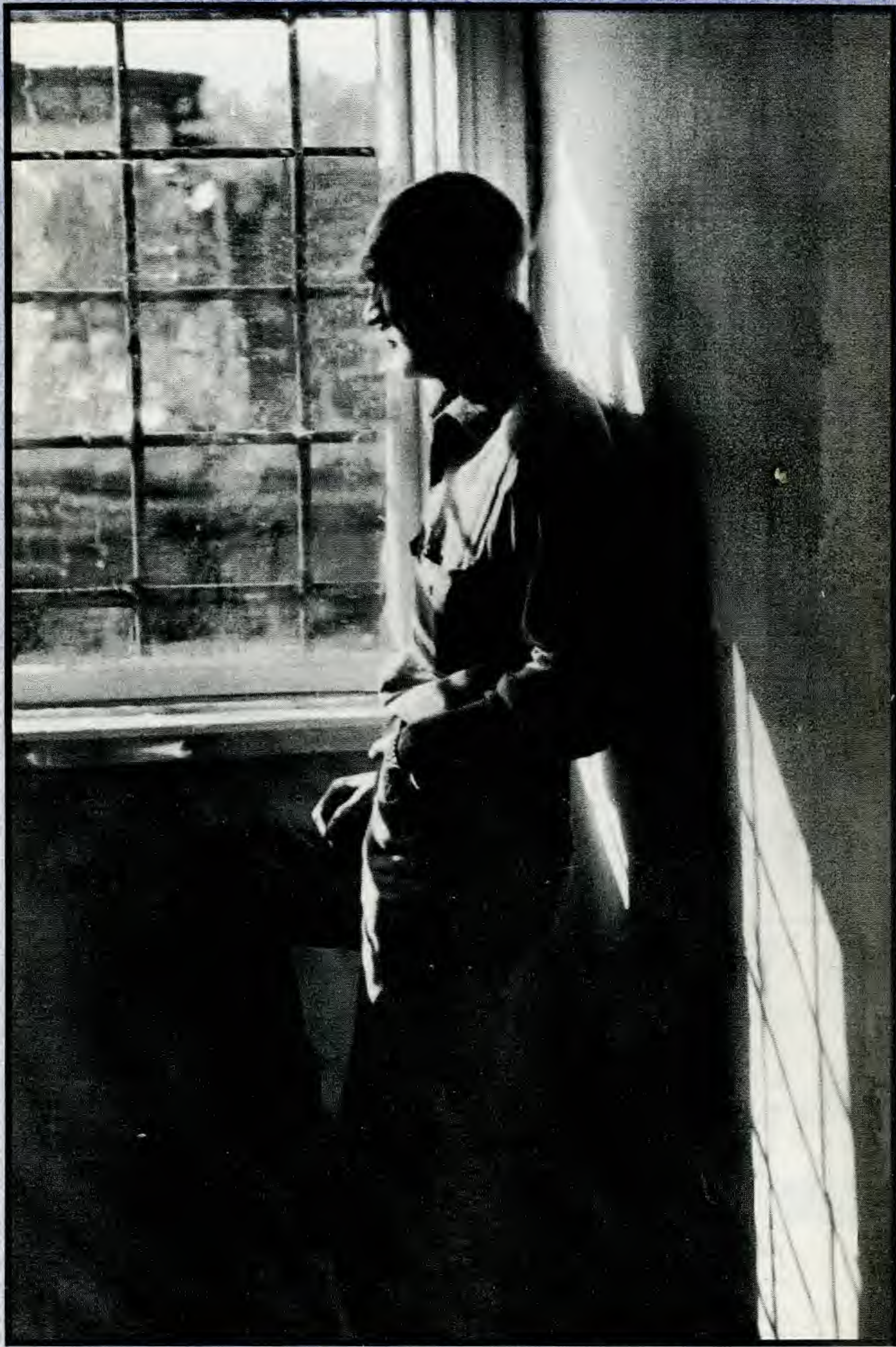

ФОТО С. РОМАНОВА

"Они защищают права и свободы других"

Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки по поводу арестов региональных правозащитников в России

Хьюман Райтс Вотч — международная правозащитная организация — крупнейшая такого рода организация со штаб-квартирой в Соединенных Штатах. Хьюман Райтс Вотч имеет консультативный статус при ООН с 1993 г. Со времени своего образования в 1978 г. ее Хельсинкское отделение контролирует и способствует соблюдению прав человека в странах, подписавших Хельсинкские соглашения 1975 года.

Уважаемый господин Скуратов!

Прошу Вас принять наилучшие пожелания от имени Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки.(...)

Последние годы правозащитники в России действовали более или менее свободно, не встречая особых препятствий со стороны властей. Однако, с конца прошлого года по меньшей мере пятеро из них были арестованы и подверглись уголовному преследованию в российской провинции.

Есть все основания полагать, что уголовные обвинения были выдвинуты против них с единственной целью — наказать их за осуществление своего права на свободу слова и за то, что они защищают права и свободы других граждан. **Учитывая быстрый рост правозащитного движения в России, мы предполагаем, что все большее число правозащитников в российской провинции столкнется с подобными преследованиями.**

Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой роста нарушений прав человека.

В начале этого года представители Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки обращались к Вам с просьбой пересмотреть дела Рафаэля Усманова из Магадана, Юрия Шадрина из Омска, Юрия Падалко из Иркутска.

Сегодня я обращаюсь к Вам, чтобы выразить свою озабоченность по поводу еще двух дел: против Олега Пазюры из Мурманска и Василия Чайкина из Краснодара.

Г-н Пазюра, бывший морской офицер, стал активистом Мурманского правозащитного центра в 1994 г. Его арест 26

мая 1997 г. напомнил случаи с Усмановым, Шадриным и Падалко, в каждом из которых правозащитники остро критиковали работу местных прокуратур и судов. В случае с г-ном Пазюрой мишенью критики явился г-н Корданец, председатель Мурманского областного суда. Г-н Пазюра был арестован и обвинен в клевете, неуважении к суду, угрозе убийства и других угрозах.

В случае г-на Чайкина, члена Краснодарской краевой ассоциации по защите прав человека, который подверг острой критике местные правоохранительные органы, произошло нечто иное. Г-н Чайкин был арестован 17 апреля 1997 г. и обвинен в половой связи с несовершеннолетней. Однако, г-н Чайкин полностью отрицает подобные обвинения и утверждает, что они были сфабрикованы органами милиции, мстящими ему за публичную критику.

Хотя Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки не занимает какой-либо позиции до полного расследования по выдвинутым обвинениям против г-на Пазюры и г-на Чайкина, мы уверены,

что обстоятельства ареста и те преследования, которым подверглись оба правозащитника со стороны милиции и органов прокуратуры еще до возбуждения против них уголовных дел, дают основания для сомнения в обоснованности выдвинутых против них обвинений.

Организация Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки уверена, что объективное, независимое расследование по обвинениям, выдвинутым против этих людей, проведенное Вашим ведомством в полном соответствии с российской Конституцией и международным правом, — как и в отношении правозащитников, упомянутых выше, — может с большой вероятностью привести к выводу о беспочвенности этих обвинений.

Мы считаем, что основной причиной столь поспешного уголовного расследования в от-

ношении правозащитников является недостаточное понимание местными прокурорами, судьями и другими представителями власти важности права на свободу слова и допустимой степени ограничения этого права.

Как известно, право критиковать работу правительственных учреждений, судов и других гражданских служб защищено статьей 29 Конституции России, статьей 10 Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) и статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП). Заметим, что даже незаслуженная или неточная критика в преобладающем большинстве случаев также находится под защитой этого права.

Ограничения на осуществление права на свободу слова или штрафные санкции за его осуществление, в соответствии со статьей 10 ЕКПЧ, разрешаются только в тех случаях, когда они "необходимы в демократическом обществе... в целях ... защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц... или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия".

Следует заметить, что критика и общественный контроль деятельности правительственных чиновников и представителей силовых структур, а также выступления неправительственных организаций в судах и прессе играют огромную роль в демократическом обществе и гарантируют соблюдение закона органами власти.

Ограничение свободы слова может, таким образом, считаться "необходимостью в демократическом обществе" только в исключительных случаях. В тех же случаях, когда эти ограничения допустимы, Европейский суд по правам человека руководствуется тем, что вмешательство в это право должно быть "пропорционально поставленным целям судебного разбирательства" (Silver case, 25 марта 1983 г.).

Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки выражает сомнение в том, что ограничение свободы слова посредством привлечения к уголовной ответственности за клевету, оскорбление или неуважение к суду тех, кто его осуществляет, является "необходимым в демократическом обществе", особенно учитывая то, что действия, квалифицируемые как "клевета", подсудны также и в рамках Гражданского кодекса России.

Мы также считаем, что даже если вмешательство в осуществление свободы слова наступило в связи с клеветой, оскорблением и неуважением к суду, уголовное преследование, с далеко идущими последствиями для обвиняемого, не является пропорциональным по отношению к целям этого преследования. Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки категорически против задержания лиц до суда только на основании обвинений в клевете и неуважении к суду.

Что же касается чисто уголовных обвинений, выдвинутых против правозащитников, таких как угроза убийства или половая связь с несовершеннолетними, то Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки ожидает, что Вашим ведомством будут предприняты особые меры, чтобы гарантировать непредвзятость судебного расследования.

Это необходимо для того, чтобы оградить правозащитников от репрессивной практики прокуроров, судей или органов правопорядка, допускающих нетерпимость к общественной критике в свой адрес.

Кроме того, Генеральная прокуратура должна гарантировать соблюдение закона со стороны правоохранительных органов и прокуратуры. В делах г-на Пазюры и г-на Чайкина представители правоохранительных органов и региональных прокуратур допустили серьезные нарушения процессуальных норм.

Например, г-н Пазюра был арестован группой из пяти милиционеров, которые без предъявления ордера на арест ворвались в его квартиру. Г-н Чайкин, согласно заявлениям его защитников, был лишен встречи с адвокатом в течение более чем месяца после ареста.

Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки также считает, что меры пресечения должны избираться в соответствии с необходимостью и что задержание не должно автоматически применяться к каждому, кому предъявлены уголовные обвинения. По этой причине мы призываем Вас освободить до суда и г-на Пазюру, и г-на Чайкина.

Г-н Генеральный прокурор! Я уверена, что Вы осведомлены о том, что произвол и нарушения законности довольно часто встречаются в российской правовой системе. Выступления общественных и, особенно, правозащитных активистов должны побуждать местные органы прокуратуры, представителей правоохранительных органов и судей к соблюдению закона.

Цель общественного контроля — добиться гласности и ответственности властей за свои действия; контроль является ключом к соблюдению законности, то, к чему Россия так энергично стремится.

В духе всего вышесказанного мы призываем Вас предпринять следующие шаги:

освободить г-на Пазюру и г-на Чайкина из предварительного заключения;

назначить независимого прокурора для объективного расследования обвинений, выдвинутых против г-на Пазюры и г-на Чайкина; желательно, чтобы назначение было сделано Генеральным прокурором, для гарантии того, что обвинения против обоих не будут сфабрикованы по политическим мотивам в качестве меры возмездия; предпринять соответствующие шаги после проведения расследования;

дать распоряжение всем прокуратурам России воздерживаться от уголовных преследований в отношении лиц, обвиненных в клевете и неуважении к суду;

уведомить прокуратуры о том, что необходимо освободить из-под стражи тех, кто ожидает суда только за клевету и неуважение к суду;

организовать встречу с представителями правозащитного движения, как это предлагает Валерий Абрамкин — директор Московского Общества содействия реформе уголовного правосудия, для того, чтобы обсудить проблемы и возможное сотрудничество, обсудить возможности проведения образовательной работы с представителями прокуратур в регионах, чтобы разъяснить роль неправительственных организаций в демократическом обществе.

Телефон/факс нашего представительства в Москве:
(095)265-4448,

адрес для писем:

103064, Москва, а/я 409.

Жду Вашего ответа.

Искренне Ваша,

Холли Картнер,

*исполнительный директор Хьюман Райтс Вотч/
Хельсинки*

Юрий ШМИДТ

Снова фальсификации и обман

Сотрудник экологического объединения "Bellona", бывший морской офицер Александр Никитин обвиняется ФСБ (бывшим КГБ) в измене родине в форме шпионажа и разглашении государственной тайны. По утверждению ФСБ, доклад объединения "Bellona" № 2:96 "Северный флот — потенциальный риск радиоактивного загрязнения региона", который был написан Никитиным в соавторстве со своими коллегами из объединения "Bellona", по утверждению чекистов, содержит "государственные тайны". Доклад был объявлен в России "запрещенной литературой". (См. журнал "Карта" № 17-18 — прим. ред.)

9 сентября 1997 года Александру Никитину предъявлено очередное новое обвинение, пятое по счету. По существу, оно не отличается от предыдущего: практически это тот же текст, в который внесены минимальные изменения.

Сам факт того, что с момента возбуждения дела прошло почти два года (!), что перепредъявление обвинения происходит уже пятый раз, свидетельствует о явной растерянности следствия, о его тщетных попытках доказать недоказуемое и добиться осуждения невинного человека.

В декабре прошлого года защита информировала прессу о том, как УФСБ и прокуратура Санкт-Петербурга не подчинились требованию заместителя Генерального прокурора России об освобождении Никитина из-под стражи и попытались путем фальсификации дат на документах создать видимость того, что на момент получения ими этого обязательного для немедленного исполнения указания дело якобы уже было передано в суд.

Понимая, что факт фальсификации может приобрести огласку, следователи "нашли выход": они просто изъяли все документы, свидетельствующие о движении дела после 11 декабря

1996 года, то есть совершили служебный подлог. Мы выяснили это 17 сентября, в день объявления нам об очередном окончании предварительного расследования.

Обнаружив подлог, обвиняемый, не приступая к ознакомлению с делом, заявил ходатайство о восстановлении изъятых документов. Когда это будет сделано, он начнет знакомиться со всеми материалами.

Пока невозможно дать исчерпывающую оценку результатам дополнительного расследования, однако обращает на себя внимание ряд существенных обстоятельств.

Так называемое дополнительное расследование продолжалось свыше семи месяцев (с 13 февраля по 17 сентября 1997 года). Все это время Никитин был существенно ограничен в правах: под предлогом необходимости его безотлучного присутствия для участия в следственных действиях (его никуда не вызывали месяцами) следователь не разрешал ему даже кратковременных выездов из Санкт-Петербурга, в том числе для оказания помощи больной матери и девяностотрехлетнему деду.

Два с лишним месяца после возвращения из Генеральной прокуратуры дело лежало без движения. Только в конце апреля Никитина пригласили ознакомиться с постановлением о

назначении дополнительной экспертизы.

17 июня предъявили новое обвинение, после чего Никитин попросил одну неделю для подготовки собственных показаний. В ответ на эту законную просьбу (в итоге показания с анализом и сравнительными таблицами составили свыше 30 листов компьютерной распечатки) следователь Уткин предложил представить показания не позже следующего дня.

Поскольку обвиняемый настаивал на своих правах, Уткин объявил, что вынужден закончить дело без допроса и завтра объявит об этом официально. Однако "завтра" он был уже в Генеральной прокурату-

Александр Никитин в зале суда.

ФОТО "BELLONA"

ре, где под предлогом "необходимости удовлетворить просьбу обвиняемого и предоставить ему гарантированное законом право дать показания" попросил продлить следствие на... 3 (три!) месяца, мотивируя это тем, что после дачи Никитиным показаний "придется проводить дополнительные следственные действия по их проверке".

Первым "следственным действием" Уткина после получения искомой отсрочки стал уход в длительный отпуск. Подготовленные Никитиным к 24 июня (как и было обещано) собственноручные показания удалось передать помощнику Уткина только через месяц.

Естественно, никаких следственных действий "по их проверке" не было вплоть до 9 сентября, когда хорошо отдохнувший Уткин вызвал Никитина для предъявления нового, а фактически старого, обвинения. То есть следователь опять откровенно обманул Генеральную прокуратуру.

Единственным значимым отличием нового обвинения от предыдущего является изменение правовой мотивировки секретности собранных Никитиным сведений. Еще в ходе первого этапа следствия защита доказала полную некомпетентность экспертов восьмого управления Генштаба. Записав в общей части заключения от 10 сентября 1996 года, что они "руководствовались Законом РФ "О государственной тайне", свои выводы о секретности сведений они не обосновали ссылкой ни на одну конкретную статью, ибо при всем желании не смогли найти даже приблизительно подходящую.

Понимая, что ссылки только на секретный и нигде не опубликованный приказ министра обороны недостаточно, эксперты сослались на п. 6 Указа Президента РФ N 1203 от 30 ноября 1995 года. И попали пальцем в небо, ибо этот пункт относит к секретным сведения о долгосрочных прогнозах и планах развития вооружения, содержание целевых программ НИР и ОКР и так далее. Он не имеет ни малейшего отношения к данным об авариях на АПЛ.

Пытаясь как-то исправить положение, эксперты дополнили очередное заключение (явно не без подсказки ФСБ) ссылкой еще на один пункт Указа Президента № 1203 и ст. 5 Закона

РФ "О государственной тайне". Однако ни одна из этих норм опять не имеет никакого отношения к содержанию инкриминируемых текстов. Не говоря уж о том, что все вменяемые ему действия Никитин совершил в августе-сентябре 1995 года, т. е. до издания Указа. В соответствии со ст. 54 Конституции России и общепринятыми фундаментальными принципами права любой нормативный акт, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

Повторив, что наличие государственной тайны в собранных сведениях подтверждается приказом министра обороны N 071 от 1993 года, содержание которого нам до сих пор неизвестно, эксперты сослались также на аналогичные пункты более свежего приказа N 055, вступившего в силу 1 сентября 1996 года. И хотя к этому времени Никитин досиживал седьмой месяц своего заключения, следователь, ничтоже сумняшеся, вменил ему... нарушение этого самого приказа. Этот факт вообще не поддается никаким комментариям!

Все предложения защиты по составу экспертной комиссии, все выдвинутые нами вопросы были отклонены. Все гарантированные законом процессуальные права обвиняемого в ходе очередного дополнительного расследования были попорчены точно так же, как и на предыдущих стадиях.

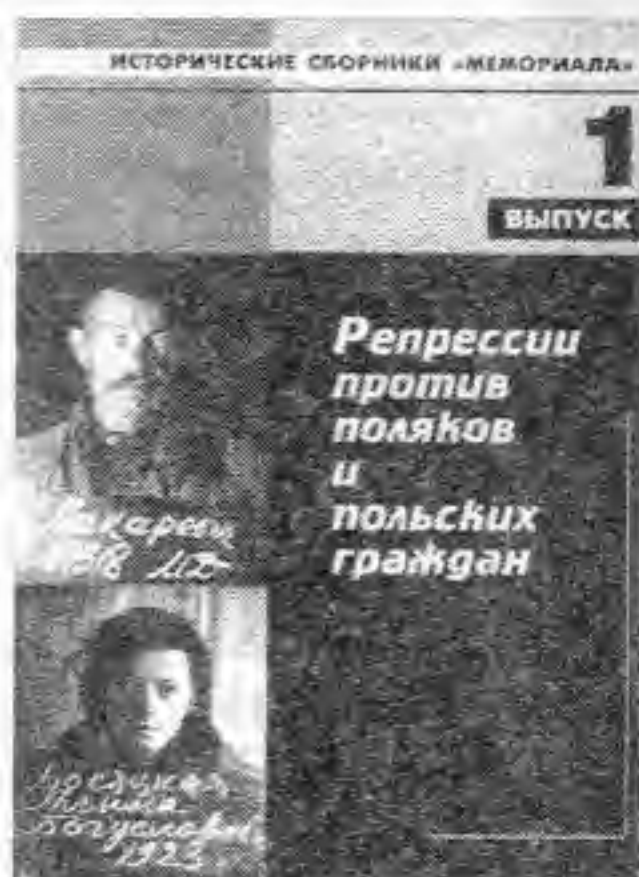
Общезвестна оценка "дела Никитина" мировым общественным мнением, выраженная в обращениях российских государственных и общественных деятелей и авторитетных международных организаций. Невзирая ни на что, ФСБ упорно стремится довести это давно рассыпавшееся дело до суда.

И мы опять задаем вопрос: на что они рассчитывают? Конечно, эта служба не так всемогуща, как прежде, но ее возможности добиться своего путем оказания незаконного давления, например, на тот же суд, все еще достаточно велики.

Уверенность ФСБ в том, что столь откровенное поправление правовых норм сойдет им с рук, внушает большую тревогу не только за исход дела Никитина, но и за судьбу всего нашего общества.

Санкт-Петербург

Ежегодно в Общество "Мемориал" в Москве поступают сотни писем от граждан Польши с просьбой помочь им в получении документов, подтверждающих, что они (или члены их семей) находились в СССР в тюрьмах, лагерях и на поселении, содействовать поиску сведений о погибших и пропавших без вести близких. Приступив к этой работе, мы очень быстро поняли, что ее эффективность в значительной степени зависит от уровня компетентности наших запросов. В связи с этим остро понадобилось изучение репрессивных кампаний против поляков в СССР как исторического явления. Именно эта настоятельная необходимость дала начало многим работам, представленным в настоящем сборнике.

Исследования были основаны прежде всего на изучении документов. В центральных архивах России — Архиве Президента Российской Федерации (АПРФ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Архиве Федеральной службы безопасности (ФСБ) России, Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Центре хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) — были изучены документы различных органов и войск НКВД СССР, руководящих партийных и государственных органов СССР. С 1993 г. исследования проводятся в рамках международной программы "Восточная Европа — общая судьба", соисполнителем которой с российской стороны является Научно-информационный и просветительский центр (НИПЦ) "Мемориал".

Большинство работ, публикуемых в сборнике, было представлено в виде докладов на научной конференции, организованной осенью 1994 г. координатором программы — польским общественным Центром "KARTA" (Варшава).

Авторами статей выступили не только исследователи из НИПЦ "Мемориал", но и сотрудники Института всеобщей истории Российской Академии Наук, Академии ФСБ России, ЦХИДК и РГВА.

Репрессии против поляков и польских граждан: [Сб. статей]. Вып. 1. — М.: Звенья, 1997. — 25 с. Сборник можно заказать по адресу: Москва, Малый Каретный пер., 12, НИПЦ "Мемориал"

Дина КАМИНСКАЯ, Константин СИМЕНС

Институт уполномоченного по правам человека в России

Дискуссия на радио "Свобода"

Дина Каминская: Если мы будем говорить конкретно о должности российского уполномоченного по правам человека, то его задача сводится к защите тех гражданских прав и политических свобод, которые закреплены в главе 2-й Конституции России.

Константин Сименс: Да, это верно. Хочу также отметить, потому что это существенно, что перечень прав и свобод, закрепленных в российской Конституции, совпадает с теми, которые общепризнаны в международном праве. Это — гражданские, социальные, экономические права и политические свободы.

Гражданские права, их еще называют личными, гарантируют человеку физическую и духовную свободу от контроля государства. К этой категории прав относятся гарантии неприкосновенности личности, жилища, корреспонденции, телефонных разговоров.

Экономические права включают в себя право собственности, свободы предпринимательской деятельности.

К социальным правам относятся те, которые регулируют трудовые отношения, пенсионное обеспечение, пособия по безработице и прочее.

А к политическим свободам относятся те права, которые гарантируют гражданам возможность принимать участие в управлении государством, то есть формировать органы власти и местного самоуправления, принимать участие в их деятельности. К этой категории относятся также свобода проведения митингов и демонстраций, свобода слова и печати.

Защита всего этого комплекса прав и свобод и входит в обязанности уполномоченного по правам человека.

Д.К.: На Западе такой институт существует уже почти два века. Уполномоченного по правам человека там принято называть омбудсменом. В России такая должность вводится впервые за всю ее историю. Естественно, впервые же был принят закон, регламентирующий деятельность российского омбудсмана. Поэтому перед авторами закона стояла очень сложная задача: создать нормативный акт, который определяет задачи, функции, полномочия, порядок деятельности должностного лица, которому не было аналогов в российской истории. Ведь его статус не укладывается в традиционную схему трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной.

К.С.: Да, вы правы. Однако во всех демократических странах институт омбудсмана прекрасно сосуществует с принципом разделения властей. Поэтому авторы проекта закона могли использовать, да в значительной степени и использовали, западный опыт. Но подготовленный ими российский закон, в определенной мере, учитывает особенности

российской действительности, а именно: отсутствие традиций уважения к правам человека, и я бы даже сказал — отсутствие понимания значимости этих прав.

Д.К.: Итак, институт уполномоченного по правам человека занимает особое положение среди государственных органов, которые также выполняют эту задачу. Я имею в виду суд и прокуратуру.

Суды — наиболее эффективный инструмент контроля за соблюдением прав человека и защиты этих прав. Значительны и возможности прокурорских органов. Особое положение уполномоченного предопределяется тем, что для него защита прав человека является единственной функцией, в отличие от судов и прокуратуры, для которых она лишь одна из многих функций.

К.С.: Да, основное отличие омбудсмана состоит в том, что его главная и единственная задача, как сказано в статье 1-й закона, это: обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами.

Д.К.: Отличие, о котором вы говорите, действительно существенное. Но, на мой взгляд, куда более существенно отличие характера средств, которые может использовать уполномоченный для выполнения своих функций. Чем же они отличаются от тех, которыми располагают суд и прокуратура?

К.С.: Несомненно, что разница в этом вопросе носит принципиальный характер. Уполномоченный рассматривает жалобы на действия государственных органов и должностных лиц, нарушающие права человека. Но, и в этом действительно принципиальное отличие, у российского омбудсмана (как и у его западных коллег) нет властных полномочий.

По полученным жалобам, а в случае наличия у него информации о грубых или массовых нарушениях прав, по собственной инициативе уполномоченный может предпринимать такие действия: возбудить производство по жалобе, указать заявителю на меры, которые он вправе предпринять для защиты своих прав, передать жалобу по подведомственности, то есть должностному лицу или органу, который может разрешить жалобу по существу либо может возбудить уголовное преследование против нарушителя. Как видите, диапазон мер, которые омбудсмен может использовать, довольно широк, но, повторяю, никакими властными полномочиями он не наделен. Сам, своим решением, восстановить нарушенные права он не может.

Д.К.: Насколько я понимаю, в этом и заключается главная специфика работы омбудсмана. На Западе, с самого возникновения этого института, для восстановления нарушенных прав

омбудсмен использовал только такие средства, как предание гласности результатов проведенного по жалобе расследования и обращение в компетентные органы с представлением о привлечении нарушителя к уголовной или административной ответственности.

Практика деятельности западных омбудсменов свидетельствует, что эти средства весьма эффективны во многом потому, что сами омбудсмены пользуются в этих странах высоким авторитетом и доверием и общества, и власти. И по установившейся традиции их заключение, их представление, как правило, принимается органами власти и исполняется ими.

К.С.: Когда в Государственной Думе шла работа над проектом закона об уполномоченном по правам человека, возникли разногласия по вопросу — наделять или не наделять его правом принимать властные решения. Противники того, чтобы наделять уполномоченного правом принимать властные решения, — а они победили в этом споре — ссылались на то, что в странах Западной Европы почти не бывает таких случаев, чтобы государственные органы или должностные лица не выполнили рекомендации омбудсмана. Но ведь общеизвестно, что, к сожалению, сегодня в России должностные лица разного уровня, даже министры, и даже целые ведомства не исполняют некоторые властные акты: законы, указы президента, решения судов. Так какая судьба ожидает в таких условиях необязательные рекомендации уполномоченного, как вы думаете?

Д.К.: То есть вы не считаете правильным такой безвластный статус омбудсмана. Но, может быть, правы те, кто утверждает, что нет необходимости создавать в России еще одну чиновничью должность и структуру? Что России сегодня действительно нужен такой омбудсмен, инструментами которого станут гласность и моральный авторитет в обществе и во властных структурах? И что именно на таком пути деятельность уполномоченного по правам человека будет способствовать установлению традиций безусловного уважения к правам человека, которые являются неперенным атрибутом зрелого гражданского общества и правового государства?

К.С.: Да, безусловно, именно авторитет омбудсмана, уважение, которым он окружен, в значительной мере предопределяет эффективность его деятельности. В России уполномоченному лишь предстоит завоевать такое положение. А пока что эффективность его деятельности в значительной степени будет основана на предоставленном ему законом праве взаимодействовать с органами судебной власти.

Д.К.: Действительно, закон закрепляет за уполномоченным право обращаться в Конституционный суд с жалобами на нарушение конституционных прав и свобод теми законами, которые применяются в конкретных делах. Такое право может стать, пожалуй, одной из действенных мер, которое сможет осуществлять уполномоченный для защиты прав и свобод человека, не так ли?

К.С.: Да, это так, конечно. Но должен сказать, что не менее эффективной возможностью осуществлять защиту прав человека станет предусмотренное законом право соучаствовать в деятельности судов общей юрисдикции, то есть тех, что рассматривают гражданские, уголовные, административные дела. Правда, уполномоченный не наделен правом рассматривать жалобы на решения судов. Да и это было бы просто вмешательством в деятельность судебной власти.

Хочу здесь сказать, что в версии закона, принятой в первом

чтении в 1994 году, имелось положение, согласно которому уполномоченному давалось право принимать жалобы на решения судов в тех случаях, когда в ходе судопроизводства были допущены нарушения прав человека. В таких случаях (по первой версии закона) уполномоченный мог обратиться в соответствующие судебные инстанции с представлением о проверке решения или приговора, вынесенного судом.

Д.К.: Но ведь в окончательной версии закона нет ничего о праве уполномоченного принимать жалобы на решения или действия судов. За ним закреплено только право знакомиться с решениями или приговорами, вступившими в законную силу, и обращаться в суд или прокуратуру с ходатайством о проверке таких решений или приговоров.

К.С.: И все же право уполномоченного знакомиться с делами, ходатайствовать об их пересмотре в тех случаях, когда в ходе судопроизводства были нарушены права человека, — все это сможет, на мой взгляд, содействовать скрупулезному соблюдению в судах прав и гарантий, более тщательной проверке при рассмотрении дел в вышестоящих инстанциях.

Д.К.: Чтобы уполномоченный по правам человека действительно мог успешно выполнять задачи, которые на него возлагаются законом, ему должна быть обеспечена полная независимость. Закон, который мы обсуждаем, такую независимость уполномоченному обеспечивает. Согласно статье 2-й, уполномоченный по правам человека неподотчетен никаким исполнительным органам государственной власти или должностным лицам. Ни президенту, ни правительству. Они не могут ему ничего запретить или приказать. Уполномоченный защищен также и от произвола правоохранительных органов и судов тем, что по закону ему гарантирована личная неприкосновенность. Он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности и не может быть задержан или обыскан без согласия Государственной Думы.

К.С.: Да, с этим все ясно. Но в отношении законодательной власти дело обстоит сложнее. Ведь уполномоченный не только назначается на пять лет постановлением Государственной Думы, он может быть и досрочно освобожден от должности таким же постановлением. И надо сказать, что закон дает возможность Госдуме освободить от должности неудобного ей уполномоченного. В законе зафиксированы три причины, по которым уполномоченный по правам человека может быть досрочно, без его собственной просьбы, отставлен от должности. Первое, — если он занимается политической деятельностью или является членом общественного объединения, преследующего политические цели; второе, — если он осужден по приговору суда; третье, — если он по состоянию здоровья или по иным причинам не мог исполнять свои обязанности на протяжении не менее четырех месяцев. Вот этот последний пункт и открывает перед Госдумой возможности избавляться от уполномоченного, когда ей вздумается, ибо в законе не написано, кто и согласно какой процедуре может признать его неспособным исполнять свои обязанности.

Д.К.: Вы, наверное, в этом вопросе отдаете предпочтение варианту закона, который был принят в первом чтении в 1994 году? В соответствии с тем вариантом, стойкую неспособность уполномоченного исполнять свои обязанности могла констатировать только независимая медицинская комиссия.

К.С.: Да, я оцениваю положение, которое вы процитировали, весьма положительно. Хочу добавить к нему, что в версии

закона 1994 года была предусмотрена еще одна гарантия против произвольного освобождения уполномоченного от обязанностей, которой в законе, принятом сейчас, нет. По той версии уполномоченный по правам человека мог быть освобожден по обвинению его в политической ангажированности только в том случае, если этот факт установлен специально для этого созданной комиссией.

Д.К.: Право Госдумы отстранять уполномоченного досрочно, конечно, можно оценить как некоторое ограничение его независимости. И тем не менее, не согласитесь ли вы с теми, кто полагает, что есть все основания утверждать, что принятый в 1997 году закон об уполномоченном по правам человека все-таки в достаточной степени гарантирует независимость омбудсмана от всех трех ветвей власти?

К.С.: В принципе, я должен с этим согласиться, несмотря на свои критические замечания. Этот закон, конечно, не лишен некоторых недостатков, но все же главное заключается в том, что он создает юридическую основу для деятельности уполномоченного по правам человека в России. Хочу еще раз подчеркнуть, что специфика этого института такова, что успех деятельности омбудсмана зависит не только от того, **какими правами** его наделяет закон. Эффективность его работы во многом будет определяться тем, **насколько российское общество осознает важность соблюдения прав человека.**

Первый омбудсмен РФ Сергей Адамович Ковалев. Отстранен Думой за антивоенную позицию во время чеченской войны.

ФОТО НИПЦ "МЕМОРИАЛ"

Евгений ЗАХАРОВ

Правозащита и власть: "pro" и "contra"

Странное впечатление оставила статья Э. Поляновского "Раскол. Правозащитники и власть", напечатанная в №№ 103, 104 "Известий". Странное не только потому, что автор очень поверхностно судит о взаимоотношениях между российскими правозащитными организациями, допускает фактические ошибки (скажем, стукач Александр Петров-Агатов отнюдь не был автором текста "Темной ночи"), что им предельно упрощаются сложные геополитические процессы, протекающие на территории бывшего СССР, да и вообще в Восточной Европе и Азии, но и потому, что автор, явно сочувствующий правозащитному движению, как будто не понимает его основных приоритетов.

С чего начинаются все основные документы по правам человека?

Каждый человек имеет право на жизнь. Любой, кто считает себя правозащитником, обязан в первую очередь защищать именно это право. Упрекая Сергея Ковалева в том, что он пошел на сотрудничество с властью, автор словно не замечает всех, кого это "сотрудничество" (кстати, весьма непонятное и неудобное для власти) спасло в прямом смысле слова. Прежде чем бросать Ковалеву подобные упреки, следовало бы вспомнить, скольких жизней это сотрудничество сохранило в одной только Чечне.

Видимо, есть резон вспомнить некоторые общие закономерности. Говоря о взаимодействии правозащитных организаций с властью, необходимо иметь в виду **объективно обусловленный антагонизм между гражданским обществом и государством.**

Любое государство (в том числе и в цивилизованных странах), исходя из приоритетов стабильности и порядка, стремится расширить сферу своего влияния, увеличить зоны регулирования и регламентирования жизни людей, уменьшая свободу выбора. Такова природа государства. Государственный чиновник всегда считает, что он априори мудрее простого человека и лучше знает, как тому жить. **Этой экспансии государства противостоит гражданское общество** — совокупность всех негосударственных структур, самоосознающая себя, структурированная часть народа. Его политический смысл состоит в самоотождествлении себя с доминирующим фактором общественного прогресса, в понимании своего природного верховенства над государством.

Развитое гражданское общество, будучи интеллектуальным оппонентом государства, заставляет его ориентироваться на общественные интересы, общественное мнение в главных аспектах внутренней и внешней государственной политики.

Правозащитные организации, будучи типичным продуктом развитого гражданского общества, делают объектом общественного внимания и анализа нарушения прав человека, т.е. того представления о справедливости, которое сложилось в данном обществе, и сводят эти нарушения до минимума. Их главная функция — контроль над действиями государственного аппарата в части реализации и обеспечения прав человека — основной обязанности государства. Заметим, что поэтому правозащитник не может не быть государственным.

И Россия, и Украина заявляют о своем стремлении стать правовыми демократическими государствами, они являются участниками большинства конвенций ООН по правам человека, членами Совета Европы. Последнее обязывает следовать в законодательстве и законоприменительной практике нормам европейского права.

И несмотря на всю декларативность этих заявлений и действий, они создают почву для сотрудничества. Поэтому старая формула правозащиты в тоталитарный период — «защита прав граждан от организованного насилия, осуществляемого государством», — должна быть дополнена: «и содействие государству в защите прав граждан».

Взаимоотношения правозащитников и власти должны строиться путем диалога, и, что важно подчеркнуть, диалога нелукавого и толерантного по форме, и до тех пор, пока государство способно на диалог, правозащитные организации должны его вести. Тема его — реальное обеспечение прав человека, которые провозглашены властью главным приоритетом, а характер его очень, на мой взгляд, точно определил тот же Сергей Ковалев, написавший еще в 1988 году о «честном сотрудничестве неединомышленников»: **во всем том, в чем я согласен с властью, я готов с ней честно сотрудничать, а когда она допускает ошибки, я буду противостоять ей, используя имеющиеся законные методы.**

Исключительно важна независимость правозащитных организаций от государства. На мой взгляд, **правозащитные организации не должны субсидироваться за счет государства и не должны получать какие-либо специальные льготы, кроме общепринятых для неправительственных организаций.** Однако независимость не должна переходить в конфронтацию. Меня смущает прокурорский по отношению к государству тон многих правозащитников, их стремление во всем обвинить власти, и такое отношение Э. Поляновский явно считает единственно правильным.

А ведь источник власти, источник нарушений прав человека — сам человек и те структуры, которые он создает. Мы имеем то государство, которое мы заслужили. Но людям свойственно искать причины своих бед где угодно, кроме самих себя. И не менее нелепым, чем желание г-на Кивы надеть на правозащитников чиновный мундир, выглядит и борьба г-на Э. Поляновского за чистоту диссидентской крови: есть «чистые», они с властью не сотрудничают, а вот есть «нечистые», которые... Тут читатель должен представить себе лапу власти имущего, который щедро награждает... Сахарова? Ковалева? Мемориальцев? За что бы власти их так любить — за правду, рассказанную всему миру?

Нелепыми также представляются утверждения о невозможности работы в комиссиях по правам человека. Как будто есть универсальное лекарство от всех болезней! В огромной России в разных регионах ситуация может кардинально

различаться: в одних работа в такой комиссии и нормальный диалог с администрацией вполне возможны, в других — совершенно исключены, и тогда можно было бы создать альтернативные общественные комиссии, что, собственно, и предлагала Московская Хельсинкская группа. Однако Э. Поляновский об этом и не упоминает.

Совершенно понятно, что наше гражданское общество еще не сформировалось, не осознало своих интересов и возможностей. Еще слабее оно было в 1991-93 гг., когда демократические институты еще только зарождались и, условно говоря, все делилось на тех, кто за ГКЧП и коммунистов, и тех, кто против. Наивно думать, что общество далеко ушло от тех времен. Поэтому странно выглядят упреки автора Сахарову и Ковалеву, которые пытались сделать так, чтобы власть не играла в демократию, а становилась демократической. Судя по реакции на выступления Сахарова на Украине, очень многие люди, далекие ранее от политики, вышли на митинги против ГКЧП 19 августа именно под влиянием выступлений Сахарова на Съезде. О роли Ковалева в борьбе против войны в Чечне уже было сказано. Наше общество медленно и с отступлениями осознает свои интересы. Даже грамотная вербализация этих интересов — для нас уже благо. **Главная беда сейчас состоит в том, что не только гражданское общество, но и государства у нас слабые, не развившие свои институты, не создавшие системы противовесов внутри своих структур.**

Поэтому так трудно занять определенную, постоянную позицию по отношению к тем или иным представителям власти. Это отношение все время в движении. Около Ельцина в августе 1991 года правозащитники были на месте, не правда ли? В 1993 году альтернативы не было, хотя обе стороны, мягко говоря, не восхищались. А после Чечни?

И тут я хочу подчеркнуть еще один момент, который, мне кажется, автор статьи не продумал совсем. В числе московских правозащитников, которых автор упрекает в сотрудничестве с властями (российскими), он называет и Семена Глузмана, который живет и работает в Киеве, на Украине. Но ведь в наших странах совсем не идентичные ситуации! После распада СССР прошло около шести лет. За это время процессы в разных странах СНГ и Балтии, при ряде общих тенденций и черт, существенно расходятся. Украина имеет власть слабую и лукавую, стремящуюся скрыть свою слабость и создать видимость соблюдения международных правовых норм. Но, в отличие от России, у нас силовыми методами парламент не разгоняли, не расстреливали его из танков, войска в Крым, когда тот решил обзавестись собственным президентом, не посылали.

На Украине (особенно после высказываний господ Лужкова, Жириновского, Затулина, Зюганова и других) все время возникает впечатление, что Россия ставит под сомнение ее территориальную целостность (а пример Чечни никого не вдохновляет), причем эти опасения на западе страны гораздо острее, чем на востоке. Тем не менее, по данным опросов общественного мнения, ответы на вопрос о принадлежности Крыма у львовян и жителей, например, Донецка совпадают до единиц процентов (89:81). В такой ситуации для украинских правозащитников вопрос о том, насколько оппонировать власти, а насколько ее поддерживать, стоит особенно остро. Любой здравомыслящий человек на Украине прекрасно понимает, что посягательство на суверенитет страны неминуемо вызовет такие

глубокие потрясения, с которыми и война в Чечне не сравнится. Поэтому украинские правозащитники просто не могут себе позволить уйти в полную оппозицию власти до тех пор, пока она сохраняет мир и межнациональное согласие в стране и идет на диалог с правозащитными организациями. Однако, это условное согласие постоянно нарушается то одной, то другой сторонами по конкретным поводам.

Думаю, что слабость и коррумпированность госструктур, как на Украине, так и в России, — основной источник нарушений прав человека в наших странах. Это очень опасно, так как слабое государство легко (и часто парламентским путем, как продемонстрировала Беларусь, а за полвека до нее — Германия) срывается в диктатуру. Чем скорее развивается гражданское общество, тем меньше опасность диктатуры и, как следствие, военных конфликтов.

Слабое государство, вернее, чиновники, которые осознают недостаточность и недейственность государственных структур, часто вполне искренне пытаются найти точки соприкосновения

с неправительственными организациями, — не для того, чтобы купить правозащитников, а чтобы понять, как то же самое делается в других странах, или чтобы третий сектор помог им решить определенные проблемы, не решаемые государством. И такое бывает часто.

Поэтому, на наш взгляд, сейчас самое главное — не становиться в заранее заданную позу, не надевать белую тогу и с высоты непонятно откуда взявшегося у автора пьедестала браться судить о “чистоте” диссидентской крови. Решение, которое в наше сложнейшее время принимают правозащитники или правозащитные организации, только тогда ответственно, когда оно индивидуально и исходит из конкретной обстановки в стране, регионе, городе, мире.

Иногда честно только одно: жесткая оппозиция. Иногда такое решение нечестно и даже губительно. Период, когда все знали, кто свой, кто чужой, — миновал. Хотелось бы, чтобы навсегда.

Харьков

Анджей ЖЕПЛИНСКИ,
член польского Хельсинкского Фонда,
профессор Варшавского университета

Укрепление контроля за службами безопасности в Центральной и Восточной Европе

Очерк для общественных организаций

Службы безопасности играли ключевую роль в структуре бывших коммунистических режимов Восточной Европы и, по крайней мере, частично ответственны за экономический, социальный и моральный кризисы в этих обществах. В условиях отсутствия свободного рынка, свободы слова и свободных выборов службы безопасности отвечали за осведомленность властей о действительном состоянии экономики и отношении народа к текущим политическим и экономическим решениям.

Во многих из этих обществ службы безопасности играли ведущую роль также в борьбе против идеологических соперников коммунистических партий, среди которых оказались местные христианские церкви. Для осуществления этих задач службами безопасности использовались сотни тысяч сотрудников и информаторов на предприятиях, в профсоюзах, легальных политических партиях, школах и общественных организациях всех уровней, а также среди священников, юристов, журналистов и врачей. Все это требовало разветвленной структуры служб безопасности сверху донизу. А поддержание такой структуры нуждалось

в намного больших полномочиях, чем требовалось службам безопасности западных стран — полномочий, не ограниченных законом. Восточноевропейские службы безопасности действовали секретно и не подлежали никакому общественному контролю. Разумеется, в этих условиях совершалось немало преступлений против человечности. После краха коммунизма организации вроде “Мемориала” или Хельсинкских комитетов начали документировать такие деяния с целью предъявления исков к правоохранительным органам.

После краха коммунизма

После краха коммунизма ни одна страна региона, за исключением бывшей Германской Демократической Республики, не смогла создать совершенно новую систему служб безопасности. Это, отчасти, касается также органов разведки и контрразведки. Доказательства невысокого профессионализма чиновников служб безопасности, например, чехословацкой СТБ, чьи методы были разоблачены после ее роспуска в 1990 году, почти не изменили ситуацию. Бывшие

органы безопасности, за исключением Беларуси, были заменены службами, внешне похожими на соответствующие западные структуры. Однако новые службы, за исключением, пожалуй, Чехии, комплектовались из функционеров бывшего режима. За последние годы подбор кадров не претерпел значительных изменений, несмотря на новые возможности комплектации, благодаря сокращению штатов.

В 1996 году две трети офицеров Польского управления защиты государства в свое время работали в коммунистических органах безопасности. Наличие бывших коммунистических функционеров в службах безопасности является болезненной проблемой. Нельзя забывать, что они добровольно пошли на службу государству, нарушавшему основные права и свободы человека. Кроме того, их профподготовка велась в соответствии со стандартами этого государства, и они занимали свои должности благодаря своему соответствию этим стандартам. В силу этого, они до сих пор не избавились от навыков, полученных при бывшем режиме. К тому же, службы безопасности в регионах исполняли функции, свойственные не только разведке и контрразведке, но во многих отношениях действовали и как правоохранительные органы. Некоторые из них имели право производить розыски, аресты, задержания и допросы. Тот факт, что службы безопасности сохраняют многие из этих полномочий и через пять лет после краха коммунистического режима, придает особенное значение тому, чтобы их деятельность подлежала бдительному надзору со стороны общества.

Общественный контроль

До сих пор слишком мало общественных организаций привлечено к наблюдению и контролю за деятельностью служб безопасности из-за недостаточного опыта. Роль этих организаций во времена коммунизма, в основном, заключалась в международной огласке отдельных случаев, многие из которых не были тщательно проверены.

Однако сегодня общественные организации должны не только защищать основные права и свободы человека, но и участвовать в публичных дебатах о роли и объеме полномочий служб безопасности. Они должны также помогать устанавливать юридические гарантии, позволяющие предупреждать переоценку службами безопасности своей роли, и исключать злоупотребления своими полномочиями. Кроме того, общественные организации должны быть в состоянии вести судебные иски о прекращении дела или компенсации за нарушение общественных свобод, а также собирать сведения о деятельности соответствующих служб.

Наилучшие возможности успешно вести общий надзор за службами безопасности имеют общественные организации:

- 1) пользующиеся уважением в своих странах, достаточным для получения сведений от потенциальных и реальных жертв нарушений прав и свобод со стороны служб безопасности;
- 2) имеющие опыт отслеживания нарушений прав человека обычной полицией;
- 3) имеющие хотя бы некоторый опыт судебной защиты прав и связи с юристами, среди которых есть специалисты по конституционному и уголовному праву;

4) обладающие опытом отслеживания законодательного процесса;

5) имеющие тесные контакты с прессой и членами правительства, а поэтому способные реально помогать парламентским контрольным комиссиям;

6) постоянно сотрудничающие с другими общественными организациями в собственных странах, регионах, а также на Западе;

7) способные получить общественную поддержку действий по защите жертв служб безопасности, в том числе журналистов, которые разоблачают нарушения закона службами безопасности;

8) способные просвещать людей об их законных правах и необходимости ограничения полномочий служб безопасности.

В некоторых странах Восточной Европы действует, по крайней мере, одна общественная организация, удовлетворяющая большинству указанных требований. Среди них Хельсинкские комитеты или родственные им организации в Албании, Болгарии, Польше, Румынии, Словении, Венгрии, Хорватии и Чехии. В России такими организациями являются: "Мемориал", Фонд защиты гласности и "Общественный контроль". Эти организации имеют несколько партнеров в регионах, особенно в бывших советских республиках.

Чтобы удовлетворить указанным выше требованиям, общественные организации должны также иметь в виду следующее:

1) общественная организация, стремящаяся наблюдать за службами безопасности, должна иметь группу из двух-трех лиц со специальной подготовкой, позволяющей возглавлять и вести наблюдение за этими службами, группу из нескольких юристов, способных вести судебные иски против служб безопасности, и группу экспертов по конституционному и уголовному праву, помимо сети помощников по всей стране;

2) в стране должны действовать юридические гарантии права граждан контролировать чиновников;

3) необходимо отработать принципы, на которых будет основываться деятельность общественных организаций в этой сфере.

Для чего необходим контроль?

Надзором за поведением служб безопасности общественные организации вносят свою лепту в построение и укрепление гражданского общества. Эта деятельность необходима для обеспечения свободного доступа к официальной информации и свободы распространять подобную информацию. Как и во многих регионах мира, службы безопасности в Восточной Европе склонны действовать под завесой секретности. Это приводит к засекречиванию действий, которые они не должны скрывать, например, незаконное поведение со стороны некоторых офицеров. Поэтому следует разъяснить отдельные принципы, в соответствии с которыми общественные организации могут оценивать деятельность служб безопасности и определять рамки своей деятельности.

1) Службы безопасности играют в обществе роль, определенную законом, а именно, защищают национальную безопасность.

2) Национальную безопасность можно защищать, не подрывая верховенства права, демократии и прав человека.

3) Должны существовать законодательные ограничения на слежку за лицами и организациями, сбор и хранение сведений о частных лицах и организациях, а также запрет службам безопасности срывать или вмешиваться в политическую деятельность лиц и организаций.

4) Право на информацию о целях правительства, его действиях и расходах является важной гарантией предупреждения злоупотреблений со стороны государственной власти.

5) Не должно налагаться никаких ограничений права на информацию по причине национальной безопасности, если правительство не может доказать, что подобное ограничение предписано законом и необходимо в демократическом обществе. Подобные ограничения должны распространяться на четко определенные категории сведений, а интересы защиты национальной безопасности должны быть очевидными.

6) Правительства не должны препятствовать журналистам или представителям общественных организаций посещать территории, если имеются основания считать, что там совершаются или совершались нарушения прав человека.

7) Сведения, собранные государственным органом, не должны считаться личным достоянием чиновников данного органа.

8) Если информация получила огласку, даже незаконным способом, право общественности на информацию не должно отменяться какими бы то ни было требованиями прекратить дальнейшую ее публикацию.

9) Службы безопасности, нарушившие основные права и свободы, не должны отстаивать тезис, будто разоблачение и критика этих нарушений угрожают национальной безопасности. Напротив, общественные организации должны постоянно напоминать службам безопасности об их обязанности уважать конституционные права человека.

10) Судебные и парламентские средства контроля способны обеспечить деятельность служб безопасности в соответствии с законодательством.

11) Право на справедливый суд и должное судопроизводство должно уважаться, даже если речь идет об интересах национальной безопасности.

Модификация законодательства

В этой главе я упомяну о возможных формах модификации законодательства, исходящего из указанных выше принципов. Кроме того, по моему мнению, на этих же принципах должна строиться и деятельность общественных организаций по контролю над службами безопасности.

В молодых демократиях укрепление правовых основ новой политической системы жизненно необходимо. Озабоченные вопросами контроля над службами безопасности, общественные организации должны воспользоваться возможностями переходного периода. Они не должны ограничиваться специальным законодательством о службах

безопасности, но уделять внимание также законодательству о государственной и служебной тайне, полиции, праве общественности на информацию, гарантиях и компенсациях жертвам неконституционных действий.

Законопроекты о службах безопасности обычно готовит правительство. Как правило, общественные организации могут ознакомиться с этими законопроектами уже после их передачи на рассмотрение парламента. Тогда перед общественными организациями встают две задачи. Первая заключается в оценке проекта с точки зрения обеспечения прав человека и представлении поправок. Общественная организация должна заручиться поддержкой этих поправок хотя бы со стороны одного депутата.

Вторая задача касается просвещения общественности в отношении угрозы, связанной с отдельными положениями правительственного законопроекта. (Мы исходим из того, что все законопроекты выносятся на рассмотрение парламента, в том числе и законы о службах безопасности, а доступ к ним заинтересованных лиц и организаций не ограничивается).

Когда общественная организация получит данный проект, лучше немедленно собрать мнения заинтересованных групп, в том числе специалистов по конституционному и административному праву и уголовному процессу. Общественные организации должны воспользоваться своими международными контактами, чтобы получить сведения о содержании и применении подобных законов в других странах.

Далее общественная организация может уточнить анализ проекта. Если правительственный проект не является совершенно неприемлемым, заключение должно содержать не только указания на возможные недостатки. Оно должно, скорее, предлагать конкретные поправки и давать соответствующий комментарий к ним. Если это сделано, оппозиционные депутаты глубже заинтересуются нашим мнением. Заключение нужно передать парламентской комиссии, которой поручено отредактировать окончательный текст документа, и, если возможно, парламентский орган по анализу и исследованиям должен официально зарегистрировать это заключение.

Когда заключение представлено, то общественная организация, настроенная крайне критично в отношении проекта, должна искать поддержки международных организаций по защите прав человека, например, Хельсинкских комитетов, Международной Хельсинкской Федерации, Международной комиссии юристов, Совета Европейского Директората по правам человека, Управления демократических институтов и прав человека ОБСЕ, комиссара ООН по правам человека.

Сразу после представления заключения наступает удобный момент привлечь внимание общественности. Пресса может оказаться чрезвычайно эффективным способом, но журналистов сухие юридические формулы интересуют меньше, чем конкретные примеры нарушений или возможных нарушений конституционных прав человека со стороны служб безопасности.

Чтобы заручиться поддержкой парламентариев в отношении своих рекомендаций, общественная организация

должна участвовать во всех заседаниях парламентской комиссии по вопросам законодательства. Она должна убедить хотя бы одного парламентария подписать предложенные ею поправки и официально вынести их на парламентские дебаты и голосования. Немало пользы принесет и поддержка партийного лидера, имеющего определенное влияние на парламентариев.

Общественная организация не должна отчаиваться, если ее поправки отвергнут при голосовании в парламенте. Ее участие в парламентской деятельности предусматривает признание политического компромисса. Такая организация должна хорошо подготовиться к борьбе за включение поправок в будущие положения проекта. В странах с двухпалатным законодательным органом общественные организации имеют возможность повторно отстаивать свои рекомендации в верхней палате.

Даже если парламент примет закон о службах безопасности, не способный защитить конституционные права граждан, работа общественных организаций ни в коей мере не является напрасной. В странах, где гражданам разрешено обжаловать конституционность законов в конституционных судах, общественные организации могут потребовать отмены законов, позволяющих службам безопасности лишать граждан их законных прав. К таким нарушениям можно отнести прослушивание телефонов или иной перехват частной корреспонденции без предварительного разрешения суда или другого органа, независимого от исполнительной власти. Если общественная организация проиграет иск в конституционном суде (или в случае отсутствия такового), она может направить заявление в Европейскую комиссию по правам человека в Страсбурге или в Комитет ООН по правам человека в Женеве.

Общественная организация должна составить или опубликовать комментарий к подобным законам, чтобы влиять на их применение. Наконец, при формировании нового правительства, общественные организации могут снова потребовать реформирования законодательства.

Если службы безопасности, по мнению общественных организаций, нарушают конституционные права человека, прежде всего нужно убедить жертвы злоупотреблений подавать иски в суды и оказывать им необходимую помощь. Нужно также сообщить о конкретном нарушении в парламентский комитет, контролирующий деятельность служб безопасности.

В некоторых странах региона парламентский контроль над службами безопасности отсутствует или является сугубо номинальным (в Румынии, например, деятельность шести из девяти служб безопасности не регулируется законом). В таком случае общественные организации должны начать кампанию за законодательное регулирование, которое ограничило бы полномочия служб безопасности, действующих секретно. Например, общественная организация может представить собственный законопроект. Она должна, по мере сил, убедить премьер-министра или президента представить данный законопроект в парламент. Законо-

проекты по вопросам безопасности имеют больше шансов на принятие, если их представляет исполнительная ветвь государственной власти, чем парламентарии.

Любые попытки улучшить контроль над службами безопасности не должны игнорировать законодательство о государственной и служебной тайне, полиции, доступе граждан к официальной информации, а также защите жертв антиконституционных действий. После краха коммунизма такое законодательство было принято, в определенной степени, в Венгрии и Чехии. Даже если законы коммунистического периода о государственной тайне остались на бумаге неизменными, их считают настолько враждебными свободе слова, что редко применяют.

С другой стороны, и поныне действуют типично коммунистические законы о государственной тайне. С точки зрения принципа защиты свободы слова, они такие "тяжелые", что их практически не применяли после 1989 года. Однако, пока нет официального текста закона, конституционное право граждан остается под угрозой.

Новая государственная власть готовит собственные законопроекты такого рода. Однако новые проекты не лучше предыдущих. Например, в Польше в начале 1995 года в парламенте был представлен законопроект, вводивший несколько ограничений на защиту государственной тайны, но одновременно усиливавший санкции за нарушение остальных. После 1989 года властям было "неудобно" применять против журналистов коммунистический закон о защите государственной тайны. Тем не менее, вполне реальна угроза того, что они примут новый закон. Своей критикой, в соответствии с изложенными в этом документе принципами, Хельсинкский фонд прав человека, в конечном итоге, помог дискредитировать данный законопроект, который отвергла верхняя палата парламента.

Похожими на законы о защите государственной тайны остаются уголовные кодексы, объявляющие преступлением любую критику государственной власти. До последнего времени эти положения не применялись. Но сейчас старые законы применяют, если новые властители считают, что их власть тает или оказывается под угрозой. Подобная тенденция позволяет службам безопасности снова выходить за рамки своей законной компетенции. Закон о полиции и уголовные кодексы слишком слабо или никак не защищают от подобных нарушений, позволяют вести слежку за официальными организациями, политическими партиями, социальными группами или лицами, неудобными властям. Общественные организации должны следить за тем, чтобы старые положения уголовного права были заменены новыми, способными обеспечить защиту прав граждан.

Ни одна общественная организация не может быть уверена в своем успехе в деле контроля за службами безопасности. Но тут важно осознавать то, что проигранные битвы все равно представляют собой победные просветительские кампании.

Варшава

"И все же, я бы простил..."

Интервью с Евгением МАРТИМОНОВЫМ

Из приговора:

"Мартимонов Евгений Яковлевич с марта 1967 года по июль 1969 года с целью подрыва Советской власти занимался организационной антисоветской деятельностью.

В марте 1967 года по предварительной договоренности с Вудкой Ю., Грилюсом, Заславским, Фроловым участвовал в сборище на даче своих родителей в поселке Дашки гор. Рязани, где сорганизовался с названными лицами в антисоветскую группу с целью проведения деятельности, направленной на подрыв Советской власти. Обсуждал вопросы вовлечения в свою группу новых лиц с соблюдением конспирации.

В июне 1967 года согласился с намерением Вудки Ю. написать антисоветский документ и изыскать возможности для его размножения.

Осенью 1967 года совместно с Заславским, Вудкой Ю., Грилюсом, Фроловым с участием Красик тогда же и зимой 1967-1968 г.г. переписал написанный Вудкой Ю. антисоветский программный "трактат" "Закат капитала" и изготовил фотоспособом четырнадцать экземпляров "Заката капитала". В 1968 году, ознакомившись с написанными Вудкой Ю. статьями антисоветского содержания "Трубы свободы" ("Дероор"), "Современная интеллигенция и революция", "Внешняя политика советского империализма", "Современность и национальный вопрос", "О базисе и надстройке", "О патриотизме", "Идеологическая работа и психология", "Об идеологической работе", "О безработице", одобрил их содержание и с участием Вудки Ю., Фролова, Вудки В., Заславского и привлеченного к антисоветской деятельности Владимирова изготовил фотоспособом по 8 экземпляров каждой статьи и по 5 (пять) экземпляров статей "Марксизм и колдуны", "Правда о современности" и "Послесловие к Закату капитала".

В конце 1968 года совместно с Вудкой Ю., Заславским и Вудкой В. изготовил фотонегативы названных антисоветских документов и вместе с Вудкой Ю. передал их в г. Рязани Грилюсу.

В 1968-69 годах ознакомился и одобрил содержание написанных Вудкой Ю. антисоветских статей "Что впереди?" и начинающейся словами "Российское еврейство...", участвовал в написании Вудкой ответа на "рецензию" на "Закат капитала".

В 1968-69 годах периодически хранил у себя указанную антисоветскую литературу, участвовал в начале 1968 года в организованном Вудкой Ю. сборище, на котором он проверял знания участниками группы положений "Заката капитала". В целях проведения массовой антисоветской агитации вел подготовительную работу по изготовлению и распространению листовок в городе Рязани и других городах СССР.

В 1968 году вместе с Заславским и Фроловым делал попытки изготовить клише для печатания листовок, приобрел через Баранову химические реактивы, просил Артамонову приобрести типографский шрифт или

набрать тексты в типографии. Совместно с Заславским изготовил и проверил в действии модель приспособления для разбрасывания листовок. С его согласия весной 1967 года Фролов и Заславский обрабатывали в антисоветском духе Лоскутова и Красик, в 1967-69 годах в целях вовлечения в антисоветскую деятельность обсуждал с Заславским и Фроловым кандидатуры Ягмура, Рыбака, Натансона, Чернявского. С этой же целью в 1967-68 годах обрабатывал Авакова и Козлова, высказывал Барановой и Артамоновой свои убеждения в необходимости свержения существующего в СССР государственного и общественного строя, клеветал на советскую действительность. Осенью 1968 года по поручению Вудки Ю. изготовил фотонегатив антисоветской статьи "Правда о современности", который с его согласия Вудка Ю. передал в г. Москве подданному Голландии.

В июне 1969 года с его же согласия Вудка Ю. передал фотокопию "Заката капитала" гражданину ЧССР Ледницкому, проживающему в г. Дубне Московской области, а в июле 1969 г. по поручению Вудки Ю. выезжал в г. Дубну и выяснил, что Ледницкий переправил указанную фотокопию в ЧССР. Участвовал в обсуждении написанных Фроловым "Правил" о порядке вербовки новых членов, хранения нелегальной литературы, проведения сборищ и соблюдения конспирации".

Евгений Мартимонов был осужден Рязанским областным судом в феврале 1970 г. на 3 года условно и 5 лет испытательного срока.

(См. материалы о "деле Вудки" в "Карте" № 7-8).

Евгений Мартимонов. 1997 год.
ФОТО С. РОМАНОВА

С Евгением Мартимоновым беседует Сергей Романов.

— Евгений Яковлевич, расскажите, пожалуйста, откуда Вы родом, из какой семьи, где жили и учились до института?

— Родился я в Выборге, это Ленинградская область. Отец — военный, связист. Жил в Таллине, Ленинграде, потом в Рязани. С 12 лет, то есть с пятого класса, я чисто рязанский житель.

— А кто Ваша мама?

— С мамой вопрос более интересный. Она по национальности эстонка. В свое время жила в Ленинграде. В 39-м, после ввода войск в Прибалтику, оказалась в Эстонии. (Там, как раз, она и познакомилась с отцом). Мама занимала достаточно высокие посты по партийной линии. Точнее — она работала в ЦК КПСС Эстонии. Однако, когда отца перевели в Ленинград, она уехала с ним. В 48-м появился я — поздний ребенок. Потом отец демобилизовался и семья переехала в Рязань. Здесь ни мама, ни отец никаких постов не занимали. Он был пенсионером, а она работала в отделе кадров какого-то маленького предприятия.

— В Рязанский радиотехнический Вы поступили...

— В 1965 году, на отделение электроники.

— Позвольте "прокурорский" вопрос, Евгений Яковлевич. Как и когда Вы познакомились с Юрием Вудкой?

— С Вудкой я познакомился через Олега Фролова. А с Олегом у меня знакомство со школьных времен через Семена Заславского. С ним мы дружили и учились вместе в начальной школе. Когда Семен перешел в школу № 5, (а я — в 6-ю), там он сблизился с Олегом, ну а поскольку мы с Семеном продолжали дружить, Олег вошел и в мою жизнь. У нас была хорошая, тесно сплоченная компания.

— А Вы не помните, что послужило поводом для знакомства с Юрием?

— Общие интересы. В те времена "на кухнях" говорили совершенно откровенно. Люди с общими взглядами сближались очень быстро... Вудка произвел на меня впечатление сразу тем, что, кроме негативно-критического осмысления всего того, что мы все видели, он выдвигал идеи. То есть он предлагал теорию, как должно быть правильно, по его мнению, устроено наше общество. Все критические труды Вудки основываются на работах Маркса — Ленина. Практически все. И когда он мне впервые посоветовал всерьез почитать Ленина — "Государство и революция" (кстати, все знают про эту книгу, но я гарантирую, что мало кто ее читал серьезно), — я сделал это. Было крайне интересно, ибо в ней есть потрясающие вещи. Вообще, в марксизме есть очень много глубоких и интересных вещей.

И вот когда мы хорошо почитали марксистские первоисточники, особенно хорошо стало ясно, что все нас окружающее мироустройство никоим образом не соответствует заявленным идеалам социализма.

— Евгений Яковлевич, вот так прямо с Маркса и Ленина все и началось, или вначале были какие-то проверочные разговоры?

— Нет, никаких проверочных разговоров. Все было как-то очень естественно. В начальный период вообще не создавалось даже впечатления, что мы занимаемся чем-то "криминальным". Это были просто общие разговоры о жизни, с привлечением Маркса.

Впоследствии же — и это, наверное, общий момент для людей того возраста, в котором были мы, — когда хочешь из желаемого сделать действительное, то есть, когда нужно перейти к каким-то действиям, человек, особенно, подчеркиваю, молодой, непременно хочет ускорить эти действия. И вот тогда-то обычно и делаются непродуманные шаги, которые позволяют государству квалифицировать их как преступление...

В принципе, наша деятельность была чисто теоретической. Никаких явных действий, кроме распространения работ Вудки, не было.

— Вы знаете, для КГБ как раз та группа считалась серьезной, у которой имелись собственные теоретические материалы. Даже если бы вы их вовсе не распространяли, сам факт наличия тринадцати написанных статей и трактата на "антисоветские" темы для них был экстраординарным. Ваша группа была для чекистов сущим "даром божьим". Ведь это был такой козырь в их постоянной жизни-борьбе за собственную значимость и необходимость.

Евгений Яковлевич, где же вы занимались своей деятельностью, где собирались?

— В разных местах. В общежитии РРТИ, у Вудок на квартире. Иногда у меня. Мест было много.

— Соблюдали ли вы при этом конспиративные правила?

— Только в том смысле, что мы старались не афишировать свои разговоры. То есть не вели их прилюдно. Ну и конечно, когда пробовали делать ротатор, тоже помалкивали. Правда, с ротатором у нас ничего не вышло.

— Евгений Яковлевич, в деле есть эпизод о том, что вы с Сениным предложили размножение на какой-то фольге. Это связано с ротатором?

— Нет. Это мы как раз искали другой способ. Он, в общем-то, известен: на фольгированную пластину фототехнически печатается текст, затем пластина травится в кислоте. Возникает рельефное изображение. Буквы у нас получались хорошо, а печать на бумаге не пошла. Видимо, это уже было связано со свойствами красок и прочими полиграфическими тонкостями.

— Значит, никаких особых меток, знаков, сигналов опасности?

Рязанский радиотехнический институт (РРТИ).

ФОТО С. РОМАНОВА

— Единственное, что у нас было, это условный знак на квартире у Вудок, когда можно и когда нельзя заходить.

— *А как Вы думаете, за вами была слежка?*

— Если она и велась, то, видимо, достаточно профессионально. Мы никакой слежки не замечали.

— *Евгений Яковлевич, не припомните, сколь скоро, после начала знакомства и общения, Вы взяли в руки главный теоретический документ группы — трактат (так в уголовном деле — прим. ред.) Юрия Вудки "Закат капитала"?*

— Практически сразу, как только он был написан. Это была базовая вещь, где ставились все точки над "i". Произошло это в 1968 году, где-то в начале.

— *То есть Вы прочитали его труд, и после этого в Вас окрепло внутреннее убеждение, что вы делаете правильное и общественно важное дело и ...*

— Нет, не то чтобы окрепло некое убеждение. Просто появилось чувство большего понимания того, что творится. Так будет точнее.

— *У ваших саратовских коллег-подпольщиков в воспоминаниях есть упоминание о том, что Вы являетесь автором брошюры о методах ведения партизанской войны в городе.*

— Брошюры, как таковой, не было. Об этом были просто разговоры. Я разрабатывал эту тему, читал кое-какую литературу. Но реально, на бумаге, ничего не воплотил.

— *Евгений Яковлевич, в деле фигурирует листовка, которая была написана в 68-м по поводу событий в Чехословакии. Судя по тому, что ее изъяли при обыске, тираж был реально сделан. Вы принимали в этом участие?*

— Вы знаете, конкретно не могу вспомнить. Скорее всего, должен был принимать. Хотя бы в переписке. Ведь до покупки машинки мы размножали документы вручную. Так что и я, наверняка, принимал участие, но подробности, убей Бог, не могу припомнить.

— *Говорят, вы ходили сдавать кровь, чтобы на эти деньги осуществлять свою деятельность?*

— Было такое. И вагоны разгружали тоже.

— *Ну, вагоны — это вагоны, а кровь сдавать, все-таки...*

— Ну, господа, в молодости это не проблема. Это даже полезно для организма — обновление крови. Несколько раз мы, действительно, сдавали, но все же, в основном, подрабатывали другими способами.

— *Сколько же из заработанного вы отдавали на общее дело?*

— Сколько зарабатывали — все уходило. Купили машинку, фотоаппаратуру кой-какую. Поездки в Саратов, в Дубну...

— *Второй раз в Дубну, к чеху Рихарду ездили, кажется, Вы?*

— Да, ездил. Посылали меня специально за ответом. Мы ведь передавали через него в Чехословакию "Закат капитала". К сожалению, никакого разговора не состоялось. У меня сложилось впечатление, что с его стороны никакого интереса к нашей работе не было. По-видимому, мы просто клюнули на национальность: вторжение в Чехословакию и т.д. Весь разговор с Рихардом занял буквально пять минут. Потом он мне предложил сыграть в баскетбол и ушел. А я поехал домой.

— *Знали ли Вы о деятельности Олега Сенина в Саратове?*

— Знал очень немного. Мы старались как можно меньше знать лишнего. Это первое правило конспирации соблюдалось достаточно четко. Кроме всего прочего, у нас были сложившиеся микрогруппы: я, Заславский, Фролов. У Вудки же и Сенина — другой круг. С Сениным я почти не встречался. И с Юрием тоже не был особенно близок.

— *И все-таки, Евгений Яковлевич, вспомните, пожалуйста, каким человеком был Юрий?*

— Он был, несомненно, умен. Не думаю, чтобы обладал особой добротой. Отличался упорством. В остальном — обыкновенный, нормальный человек. Обычный сверстник, разве что постарше, поумнее...

Правда, есть тут еще один момент, который бы я хотел затронуть, момент — национальный. Юрий (и Грилюс, кстати, тоже) был очень националистичен. Все его рассуждения и действия, так или иначе, либо исходили из национального вопроса, либо приходили к нему. Насколько я помню из рассказов Юры, им там на Украине досталось. (А Грилюсу — в Литве). Жизнь их заставила смотреть на все через национальную призму. В отличие, скажем, от Заславского и Фролова. В их взглядах и мировоззрении националистическое просто-таки полностью отсутствовало.

— *А как у него было с лидерскими качествами?*

— Если вы имеете в виду авторитаризм или диктаторские черты, то даже и намек не было. Никакого! Лидером он был, что называется, естественным, потому что больше знал и был чуть старше.

— *Так или иначе, он был лидером группы. И именно на Вас он хотел возложить свои полномочия, когда принял решение уехать в Черновцы и оставить организацию, так?*

— Да, было такое.

— *А как это происходило, эта передача полномочий?*

— Юрий назначил мне встречу. Разговор был такой, что кому-то надо вести связи и прочее, и передал кое-какие адреса.

— *То есть предварительно он Вас не готовил?*

— Нет. Я помню, что сам его отъезд был довольно внезапным. Все как-то очень быстро происходило. Видимо, он получил какую-нибудь информацию о том, что в Черновцы может придти вызов из Израиля, поэтому все и было так спешно. И все это произошло буквально в течение двух дней: встреча, передача, вызов в КГБ, аресты.

— *Значит, никаких собраний группы по поводу смены руководства не было?*

— Нет, нет. У нас ведь была очень небольшая группа, чтобы проводить собрания.

— *Насколько я знаю, вы ставили перед собой задачу расширять организацию. Вы, лично, занимались такой работой?*

— Да, организация расширялась. Но слава Богу, что об этом расширении никто так и не узнал.

— *Я правильно понимаю, что каждый член группы самостоятельно искал единомышленников, вводил их в курс дела, знакомил с литературой и так далее?*

— Да, я знаю, что очень многие были ознакомлены с нашей литературой. Но нам удалось так сделать, чтобы об этом на следствии никто ничего не узнал.

— Но ведь на суде по делу проходило довольно много свидетелей.

— Из тех, кто знакомился с литературой, кого мы готовили, практически никто не проходил. Свидетелями были, в основном, люди, которые являлись нашими бытовыми знакомыми. Раз знакомый, значит, искали подтверждений — были ли когда-либо разговоры на интересующую следствие тему. Методика стандартная.

— В публикации о вашей группе ("Карта" N 7-8) мы писали о Евгении Владимирове ("Кто слышал "Трубы свободы") и о его исковерканной судьбе. Вы знали его? Считали членом своей группы?

— Женю я знал хорошо. Что касается членства, то он был очень близок к нам и мы считали его своим. У него в общении мы часто встречались. На следствии нам удалось сделать так, чтобы он не "всплыл", и он прошел по делу свидетелем. Вообще говоря, о многих причастных людях даже никто и не узнал.

— Но ведь после суда по институту прокатилась волна административных репрессий. Людей исключали даже с последних курсов. Многие получили комсомольские и партийные взыскания.

— Это была уже чисто рефлекторная реакция тоталитарных чиновников на событие. Начальство проявляло рвение, дабы защитить свои кресла.

— Итак, ваша группа дошла в своем саморазвитии до момента провала. В дело вступило государство, чтобы покарать инакомыслящих и преподать урок остальным. Вспомните, пожалуйста, это время.

— Я был на встрече с Вудкой. На следующий день, 24 июля, ко мне домой приехал человек, один, представился, что из КГБ, и пригласил проехать с ним в управление. Перед этим был звонок — дома ли я. Обыска в этот день не делали.

— Да? А негласный?

— Тоже. Мама была все время дома.

Когда мы приехали туда, сначала со мной весьма долго беседовал начальник управления полковник Маркелов, а потом следователь из группы майора Сконникова — старший лейтенант (впоследствии капитан) Маас. Запомнился мне в этот день такой момент. После беседы с Маркеловым, почти уже на выходе, Сконников задал такой вопрос, тогда для меня ничего не значивший: "Как ему будем писать? Явку с повинной?" Маркелов подумал и сказал: "Пожалуй, объяснительную".

В этот день я узнал, по крайней мере, мне так сказали, что Олег Сенин и Юрий Вудка уже находятся под следствием. Был мне предъявлен и рукописный оригинал "Заката капитала" — тетрадошка. Ну вот, пожалуй, и все, что особенно запомнилось. После этого я узнал у Заславского, что его "приглашали" туда на день раньше, чем меня — 23 июля.

— Евгений Яковлевич, вот Вас привезли, побеседовали, Ваши ответы зафиксировали как "объяснительную" и ... отпустили?

— Да, отпустили. При всех разговорах с их стороны была безупречная вежливость и корректность. Что было, то было.

— И Вы пришли домой и встретились с Заславским?

— Ну что вы, разумеется, нет! Было ясно, что телефон на прослушивании, и вообще конспирация не позволяет так делать. Просто у нас был "пункт связи", и я им воспользовался. И узнал, что Семен действительно уже побывал там. Но сейчас

я ничего не хочу об этом говорить — я имею в виду "пункт связи", — это касается другого человека, о котором никто ничего не знает.

— Хорошо. Значит, Вас не арестовывали?

— Нет. В камере я не сидел ни минуты. После первой беседы меня "пригласили" придти с паспортом на следующий день. И в течение почти полугода, ежедневно, с 9 ноль-ноль до 17 ноль-ноль я приходил в КГБ, как на работу. Показывал внизу паспорт, получал пропуск, поднимался к следователю и начинались разговоры...

Работали они по очень четкой системе. К каждому эпизоду возвращались по 10-15 раз. Все это протоколировалось, потом анализировалось, так что любое выскочившее слово, хоть через десять дней, но к тебе возвращалось и становилось в строку. И все это на фоне постоянного психологического давления при абсолютной внешней вежливости. Поверьте, когда умудренный опытом, поднаторевший дядя — а то и двое — на тебя давит, в 20 лет — это очень тяжело... Мне еще повезло, "мой" Маас, ведя допросы, выполнял свою работу самым обычным, рутинным образом. А вот у Заславского — я не помню фамилии его следователя, — тот все делал со рвением.

— Ну что ж, тоже люди живые...

— Вот именно... Запомнилось также, что за все следствие у меня не было ни одной очной ставки. Здесь же, я имею в виду на следствии, я узнал о деятельности Александра Учителя (см. "Рязань — Саратов — Петрозаводск", "Карта" № 7-8 — прим. ред.). До этого я только видел его — мы жили в одном доме на улице Дзержинского. Но знаком я с ним не был. Когда Вудка передал мне дела, среди них был и адрес Учителя.

Я вам уже говорил, что в первый день, когда меня возили в КГБ, обыска не было. А придя оттуда, я уничтожил записную книжку, где были адреса, которые мне оставил Юрий.

— Это что же, они прошляпили?

— Дело в том, что у меня было две книжки. Одна — обычная, и когда я в то утро понял, куда меня собираются везти, то достал ее из кармана и хотел оставить. Но этот самый заставил взять с собой, а в управлении ее отобрали.

— Значит, Вам удалось уничтожить книжку с адресами и телефонами тех людей, которых вы готовили в группу и которые потом не "всплывали"?

Здание управления ФСБ (КГБ) по Рязанской области.

ФОТО С. РОМАНОВА

— Да.

— Наверное, они Вас и поддерживали потом? Так я понимаю?

— Во всяком случае, некоторые говорили спасибо.

— Евгений Яковлевич, значит, в течение всего времени, пока шло следствие, Вы не контактировали с Заславским?

— Нет, почему же... Через некоторое время мы с ним стали довольно часто видаться. Ведь до суда мы продолжали учиться, а учились мы с ним в одной группе.

— Суд состоялся...

— В феврале 1970 года. Мы с Семеном получили по 3 года условно и по 5 лет испытательного срока. Одинаково.

— Евгений Яковлевич, а что Вы помните о суде? Какая была атмосфера? Кто сидел в зале? Как вообще все происходило? Ведь процесс подобного рода в Рязани проходил впервые и шуму в городе, а в РРТИ особенно, было много.

— Больше всех мне запомнился прокурор. Мне было его жалко. Это был, по-видимому, очень порядочный человек, фамилия его Дубцов. Потом — из разных источников — это впечатление подтвердилось.

Адвокатов на суде не было...

— Как не было?!

— Нет, физически они, конечно, существовали, но единственное, о чем они сказали в суде, так это о том, какие мы были хорошие до этого. То есть зачитали наши институтские характеристики. И больше никакой защиты не существовало.

А что касается суда, то весь этот спектакль был запрограммирован до мельчайших подробностей. В зале, кроме родственников, были приглашенные: преподаватели института, студенты-активисты. Общее же ощущение у меня такое: смешно. Вы понимаете, судилась идея. Но так как во время суда забывали высказывать эту идею, то судилось **ничто**. Мы осуждались за то, что встречались и обсуждали нечто, называемое антисоветским, но что именно, этот аспект как-то все время опускался. Вот почему я и говорю, что судили ничто. И вообще, по правде говоря, мне более запомнилось, как нас с Заславским исключали из комсомола. Это была сцена, достойная великой сатирической кисти.

— Расскажите, пожалуйста.

— Вызывают нас в комитет комсомола РРТИ. Секретарем тогда был Евгений Артамонов. (Впоследствии я с ним встретился на заводе. Он работал главным энергетиком. Наверное, много может вспомнить — с другой стороны). Пришли двое **оттуда**, в таких сереньких пиджаках одинаковых. Сначала высказались они — какие мы нехорошие и какими нехорошими делами занимались. Вопрос из зала — сидело там человек двадцать — что же они такое делали-то? Товарищ в сером встает и отвечает: с этим, мол, сейчас разбирается следствие и говорить об этом никак невозможно. И так — все время! Слова "антисоветская агитация" не были произнесены ни разу. Просто мы занимались "чем-то плохим", о чем говорить решительно нельзя. И вот по таким основаниям состоялось наше исключение из комсомола. Единогласное.

— И вы тут же сдали билеты?

— А как же! А после этого на нашем потоке нам был объявлен бойкот.

— Да?! И в какой же форме он протекал?

— А протекал он так, что с нами никто не должен был общаться, — нигде. То есть, если я садился в читальном зале, вокруг образовывалось пустое пространство. На лекциях, конечно, садились рядом, но разговаривать не имели права.

— И это твердо выдерживалось?!

— Со стороны студентов — да. Ведь вылететь из института можно было за любую провинность. А преподаватели — по-разному. Один, помню, побывав на суде, спросил у меня в курилке: "То, что вы там говорите, вам пишут или вы сами?" Ну что тут ответишь на такой вопрос? Суд шел по грубому сценарию. Ответы могли быть только однозначные. Никакой двойкости быть не могло. Вопросы были типа: "Вы тогда-то, на такой-то квартире присутствовали?" — "Да, присутствовал." — "О политике говорили?" — "Да, говорили". Ну и так далее. Тут и писать ничего не надо.

— На суде было объявлено о том, что Заславский пришел "с повинной", а Вы написали "объяснительную"?

— На суде этот вопрос не поднимался.

— То есть вы были равнозначны с другими участниками процесса?

— Да, деления не было никакого. Даже в момент чтения приговора. Когда читают приговор, обычно, как смягчающее обстоятельство, приводят явку с повинной. Этого у нас не было.

— И тем не менее, после каждого судебного заседания четверых увозили в следственный изолятор, а вы шли домой.

— Да.

— Евгений Яковлевич, вы не почувствовали какого-то особого к вам отношения со стороны родственников подсудимых и, может быть, кого-то еще, в том смысле, что вас двоих отделяют от остальных по какому-то неясному и неизвестному для всех принципу?

— Нет. Абсолютно нет.

— Итак, Вас осудили. С формально-юридической стороны началась иная жизнь. Сначала Вас исключали из института, что само по себе мучительный процесс...

— ... Это, кстати, произошло очень быстро. В тот же день. Все уже было готово. Я зашел в канцелярию и мне выдали справку о том, что я исключаясь из Рязанского радиотехнического института в связи с осуждением по статьям 70, часть первая, и 72 УК РСФСР, плюс выписку с оценками.

— Что же происходило дальше, как Вы жили?

— После исключения, прямо в марте 70-го, мы с Заславским пошли работать электриками на завод автоагрегатной аппаратуры. В то время это такая была дыра! Колеса делали для комбайнов. Потом, думаю, по совершенной случайности, я сумел зацепиться за чувашский университет. Как это случилось, у меня до сих пор в голове не укладывается. Я поступил на 4-й курс университета в Чебоксарах, на отделение промышленной электроники. Перед этим я объехал все близлежащие вузы. Со мной нигде даже не разговаривали. А в Чебоксарах все произошло как по мановению волшебной палочки... Я не думаю, чтобы это было кем-то подготовлено, потому что еще за день до поездки я не знал, что туда поеду. Этого вообще никто не мог знать или просчитать. И вот у меня принимают документы. Я подумал, что почитают повнимательней и откажут, но этого не последовало. И я стал студентом заочного отделения. Два или три года отучился и

закончил. И все это время продолжал работать на заводе. Сначала, как я уже говорил, электриком, потом инженером-конструктором. Затем, в 1974-м, на два года я уехал мыть золото...

— *Интересно!*

— Да, в Сибири, под Алданом, — слышали про такой? — на золото-извлекательной фабрике работал механиком. Кстати, в первый же день по приезде меня вызвали на беседу в первый отдел. Потом вернулся в Рязань на тот же завод и снова пошел электриком. Почему — вы поймете, если вспомните, сколько в те годы получал инженер-конструктор, да и любой инженер вообще. А мы создали очень крепкую бригаду по наладке оборудования — завод как раз реконструировался, — все с высшим образованием, и работали. Хорошо работали. Зарплата у нас была примерно в два раза выше общезаводской. Так и продолжалось до 1994 года, когда я вышел на пенсию по инвалидности, у меня первая группа.

— *Евгений Яковлевич, Вы работали на заводе, а как сложились у Вас отношения с бывшими институтскими товарищами, сокурсниками, вообще, с той средой? Они прервались?*

— Нет. Связи остались, и, по меньшей мере, — хорошие. Если мне нужна была какая-то поддержка, я обращался и мне помогали. Обращались и ко мне. Конечно, то, что я работал на заводе, кое-что изменило, все-таки иной мир, иные разговоры, но до сей поры, по возможности, мы встречаемся.

— *Расскажите, пожалуйста, о судьбе Семена Заславского.*

— У него все было значительно сложнее. Он тоже пытался получить высшее образование, и ему это удалось, но четырьмя годами позже, чем мне. Он поступил, кажется, в заочный, северо-западный, в Ленинграде. Они с отцом обменяли квартиру и уехали туда. Семен — большая умница. Учился только на "великолепно". Всерьез занимался наукой. Например, часть задач в последнем томе "Фейнмановских лекций по физике" была решена им. А издавал эти книги — МИФИ. Так что уровень, как вы понимаете, — серьезный. Где-то в 1994 году Семен уехал в США.

— *Вы переписываетесь?*

— Нет. Перед выходом на пенсию я сильно болел, как-то было не до переписки. Да и вообще, я старался переписываться как можно меньше. Дело в том, что до недавнего времени надзор КГБ был постоянным.

— *В чем это выражалось?*

— Вызывали для профилактических бесед.

— *Как вызывали?*

— Извините, я неточно выразился. Не вызывали, а приходили ко мне на работу. Здесь же приглашали в отдел кадров и куратор беседовал со мной, так сказать, о жизни... Пробовал опрашивать, что я думаю о разных людях и прочее. Но в этом смысле защита у меня была великолепная: среда — рабочая, разговоры — специфические. А о выпивке и об анекдотах я мог с ним разговаривать сколько угодно.

— *И до какого года это продолжалось, то есть когда у вас состоялся последний разговор с гебистом?*

— Да где-то, наверное, году в 1988-м. Эта организация, знаете ли, весьма цепкая.

— *Евгений Яковлевич, я спрошу Вас напрямую. После суда Вы не почувствовали себя изгоем? Ведь на*

Семена и на Вас, говоря их языком, "повесили сдачу" вашей группы.

— Видите ли, напрямую этого мне никто не вешал. Никогда. А кроме того, есть еще два момента. Во-первых, я достаточно цельный человек, и зная то, что я этого не делал, я и ощущал себя соответственно. Грубо говоря, мне было наплевать, как на меня посмотрят. Во-вторых, разговоры вокруг группы больше всего велись людьми, которые никогда не имели ни малейшего к ней отношения. То есть шли обычные сплетни, ничего общего с действительностью не имевшие. Например, однажды в компании при мне один гражданин из радиоприемника рассказывал, как его по делу Вудки "избивали в камере КГБ". Это было смешно. Так что, сами понимаете, реагировать на такой уровень отражения события — это себя не уважать.

— *Я согласен с Вами, это действительно смешно. И все-таки общественное мнение есть общественное мнение. Особенно, если КГБ постарается... А в вашем случае они очень старались. Какие только слухи не гуляли по городу тогда! Можно было даже запутаться, кто вы такие: шпионы? фашисты? сионисты?*

— Вы знаете, первый год мы, конечно, от всех отделились. Дело в том, что контакты с нами могли принести людям неприятности. Наверное, это время послужило неким буфером. А потом как-то все утихло, выровнялось...

— *А Семен как — он переживал?*

— Мне кажется, — мало. Ведь он тоже был уверен в собственной правоте и невинности. И тут есть еще одно обстоятельство, которое весьма поддерживало его и меня, но о котором я не хочу говорить конкретно, потому что оно касается третьих лиц. Коротко: люди, которые знали о деле значительно больше и стояли к нему ближе, чем кто бы то ни было, — они поддерживали нас.

— *Это, конечно, неоценимо, если есть значимый круг, который тебя поддерживает... А на заводе знали, что с вами произошло?*

— Я никогда свою биографию не афишировал. Естественно, слухи дошли. Но на заводе человек настолько на виду, просто как стеклышко! Поэтому любая сплетня со стороны засыхает, если не имеет почвы.

Евгений Яковлевич Мартимонов с женой Людмилой Михайловной и дочкой Яной. 1978 год. Рязань.

ФОТО ИЗ АРХИВА Е. МАРТИМОНОВА

— Евгений Яковлевич, сейчас я и вся наша редакция, все мы хотим посоветоваться с Вами. В "Карте" № 13-14, в материале "Время собирать камни" о группе саратовских подпольщиков, в той части, которая касается рязанской группы (стр. 28), мы сделали примечание следующего содержания:

"По информации, которой в настоящее время располагает редакция, явка с повинной Мартимонова и Заславского является провокацией КГБ. На самом деле эти люди доносчиками не были".

Нашими усилиями установлено, что очень близко к группе находился человек, сотрудничавший в то время с КГБ. Мы знаем его фамилию и некоторые сопутствующие подробности. И вот мы находимся в затруднении... С одной стороны понятно, что рано или поздно История все расставит по своим местам. С этой точки зрения нам кажется, что лучше это сделать раньше, ибо правда должна уменьшить страдания невинных уже сейчас, а не после их посмертной реабилитации. С другой же стороны, — необратимо изменится жизнь других людей, помимо их воли, насильно. А насилие, как известно, при всех благих намерениях, его творящих, есть зло. Стоит ли творить зло... Короче говоря, мы испытываем сомнения. Что думаете по этому поводу Вы, непосредственный участник событий?

— В первую очередь, меня интересует причина — зачем он это сделал? Если он хотел на этом заработать... а впрочем, я сомневаюсь, тогда за такие услуги вряд ли платили...

— ...Извините, перебью, Вы ошибаетесь, Евгений Яковлевич, известны случаи и платной работы.

— Если же его самого на чем-то поймали...

— Да, именно это.

— Ну, значит, человек оказался слабым. Поверьте мне, я столкнулся с этой машиной и знаю, что она давила любого. Там такая машина... И, тем более, не ограниченная ни средствами, ни чем-либо другим...

— А как все-таки быть с главным вопросом: обнародовать ли его имя? То есть сказать ли правду?

— Если он сейчас здравствует и существует — то ни под каким видом!

— Почему?

— Зачем портить человеку жизнь за ошибку 30-летней давности? Притом, и ошибкой-то его деяние назвать трудно. В то время ведь была такая идеологическая установка, что это является патриотической обязанностью человека.

— Но от этого подлость не перестает быть подлостью в человеческом измерении...

— ... Опять же, мы не должны забывать, что наверняка есть дети и родственники, против которых это повернется. Понятия о сдержанности у нас ведь не существует. Уж если что-то происходит, человека стараются затоптать до предела...

Я считаю — ни под каким видом. Это меня касается напрямую, и я только за то, чтобы человек мог жить спокойно.

— Евгений Яковлевич, позвольте тогда задать вопрос по-другому: а как жить невинно оболганным?

— Вы знаете, давайте смотреть на это так. Если это уже произошло, поросло быльем, пускай так и остается.

Поднимать бучу... — боюсь, это принесет еще больше страдания всем. Я ведь через это прошел, когда моей дочери рассказали, что я "сдал" эту группу. Было такое...

— В школе?

— Что?.. Да нет, это случилось не так давно. Дочери было 18 лет. Прошла какая-то публикация в местной прессе... Фамилия у меня приметная, чуть ли не единственная в городе, дошло и до нее. Это было очень неприятно и тяжело...

— Но Вы смогли ей объяснить?

— Я, в общем-то, даже не стал ничего объяснять специально. Дочь мне верит. И она знает, что я ей лгать не буду.

... Да, это был очень неприятный и тяжелый момент и для нее, и для меня, и поднимать еще раз эту бучу...

— То есть, Вы, лично, прощаете, да?

— ... Человек, зачастую, бывает слаб. Если у него внутри нет стержня, заставить его идти через себя — это невозможно.

— Заставить — невозможно, согласен. Но мне кажется, что из подлости есть только один выход, если человек попал туда только из-за собственной слабости. Это — покаяние. То есть публичное признание своих деяний. Это — единственный способ получить очищение. И знаете, в истории Рязани нам известны три случая, когда осведомители КГБ совершили такой поступок и тем очистились...

— ... Извините, но этим людям я не поверю ни на грош. Я им на грош не поверю.

— Почему?

— Я гарантирую вам, что это — игра. Я не знаю этих людей, но я думаю, исходя из своего опыта, что это — игра, которая для них была выгодна. Или они почувствовали, что об их "подвигах" узнают помимо них, или это публичное признание нужно было для того, чтобы привлечь к себе внимание с какой-то — не могу судить, какой, не зная их, — целью. Даю 99 из 100, что это так.

— Ну что ж, это Ваша точка зрения. Я с ней не могу согласиться.

А сейчас я хочу высказать следующее соображение. Давайте вернемся к Вашей дочери. Моральное страдание, которое она перенесла, имеет корнем предательство и подлость того человека. Так вот, во имя Вашей дочери, и ее дочери, и последующих дочерей и сыновей, может быть, имеет смысл сказать правду, чтобы возможное их моральное страдание не возродилось никогда? Чтобы цепочка зла не потянулась в будущее, раз ее не прервал сам виновник. Ведь если бы он публично покался и общество приняло бы его покаяние, к нему не было никаких вопросов, никаких претензий! Сейчас же Вы, лично, его простили, а для меня, лично, он является потенциальным злом. Вдруг он продолжает доносить на кого-то? КГБ организация цепкая, Вы сами говорили...

— А вы твердо уверены в том, что точно узнали всю правду? Мне кажется, что публичное покаяние сведется не к прощению человека, а к злостным сплетням вокруг него и его близких. Я могу вам сказать только одно. Осведомителей были тысячи, десятки тысяч, может быть, миллионы. Ведь до того доходило, что в каждой рабочей бригаде был осведомитель. Он один из этих тысяч. Да, он принес реальное зло той группке людей, в которую входил и я... И все же... Все же, я бы его простил...

Рязань

"Это было немножко смешно..."

Интервью с Александром УЧИТЕЛЕМ

С Александром УЧИТЕЛЕМ беседуют

Юлия СЕРЕДА,
Андрей БЛИНУШОВ,
Сергей РОМАНОВ

— Александр Ефимович, в "Карте" № 7-8 (стр. 50) среди прочих материалов по "делу Вудки" было опубликовано интервью с Вашим школьным другом Николаем Царевым — "Рязань-Саратов-Петрозаводск"...

— Да, я читал его.

— До нас дошла информация, что в нем не все точно, будто бы искажены некоторые факты Вашего детства и юности?

— Да нет, насчет детства как раз все правильно. Мы с Царевым учились вместе десять лет в школе № 3 — друзья с первого класса... А вот об отце и матери...

— Так давайте исправим!

— Ну, начнем с того, что мама моя в 34-ом уехала из Ленинграда в Комсомольск-на-Амуре по вербовке. И потом весь конец 30-х и всю войну работала на Дальнем Востоке и в Сибири. В том числе и в Тайшете, в системе лагерей. Вольнонаемным экономистом. Она все видела, что там происходит, но сама репрессирована не была. Кстати, мама моя фигурирует в романе Ажаева "Далеко от Москвы". Она послужила автору прообразом одной из главных героинь — Жени Козловой — это ее девичья фамилия. Так что короткое время, когда Ажаеву где-то в 53-ем дали Сталинскую премию, мама была знаменитостью. Ее буквально затаскали по библиотечным конференциям и встречам с читателями...

С отцом они познакомились во время войны на строительстве нефтепровода... — кажется, Астрахань — Саратов. Потом они ездили по разным стройкам, а в Рязани осели где-то в 53-54-ом.

— А вот эта история с приемником "Балтика" и с "голосами"?

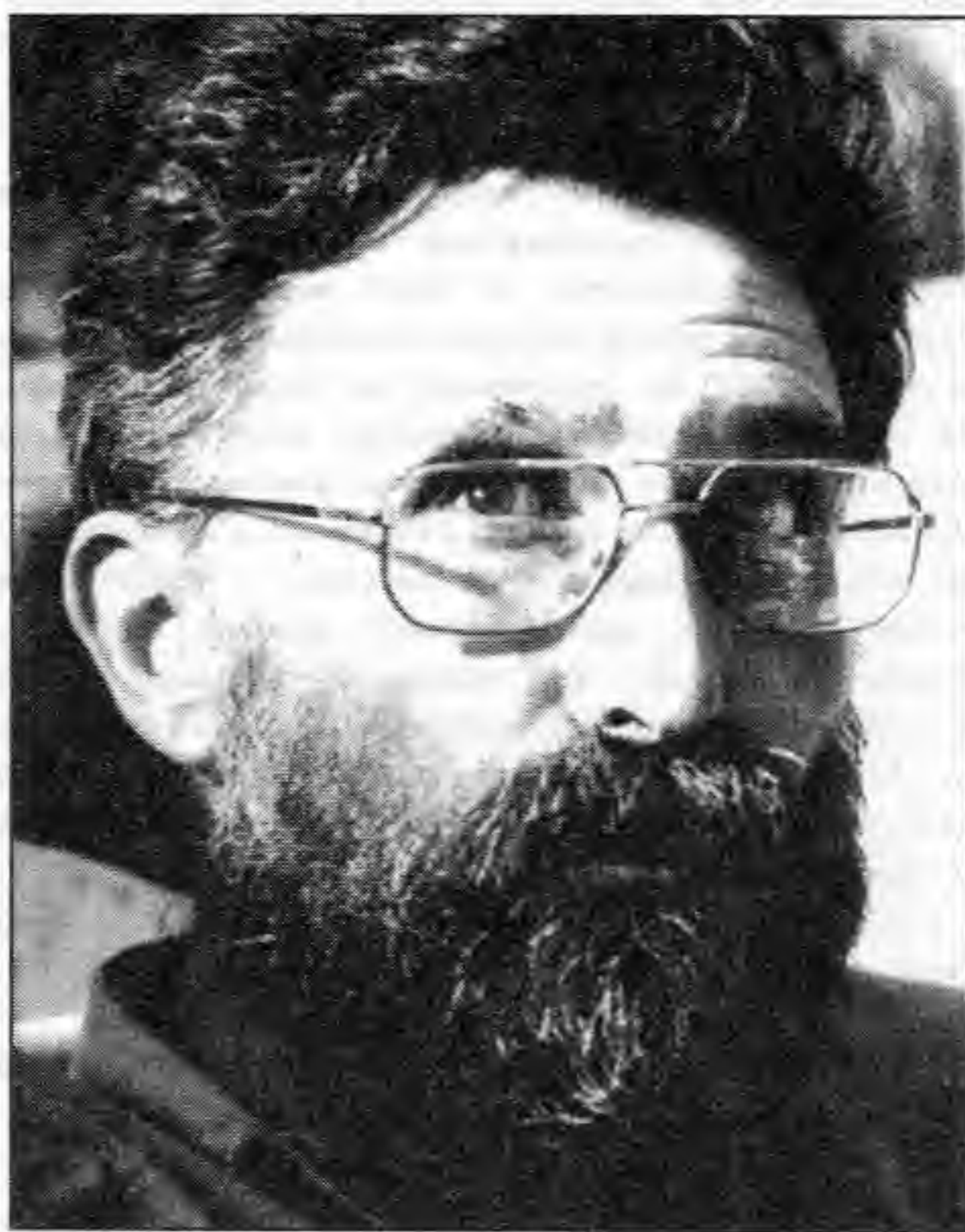
— Да. Была у мамы такая привычка — вставать в 6 утра и слушать Би-би-си по этому приемнику. Поэтому я все детство просыпался под звуки Биг-Бена и помню это очень хорошо.

— А она рассказывала Вам о том, что видела в лагерях, о том, что было на самом деле?

— Да, конечно. У нее было много знакомых из репрессированных. Они постоянно общались. У мамы был абсолютно трезвый взгляд на историю. Она вообще женщина очень интересная, неординарная... И, конечно же, все это влияло на меня самым прямым и решающим образом.

— И как же это у Вас уживалось: знание правды и... жизнь вокруг?

— Черт его знает — как! Трудно сейчас осмыслить это — как уживалось? Было какое-то двоемыслие, одно — дома, другое — в школе... Я думаю, тогда это было достаточно распространенное явление.

Александр Учитель. Рязань. 1997 год.

ФОТО С. РОМАНОВА

— Мама, наверное, не знала о Вашей подпольной деятельности?

— Подпольной? Нет. Конечно, нет. Да и вся моя деятельность продолжалась меньше года. Там, в Петрозаводске, я не успел развернуться. А с членами рязанской организации, собственно, я познакомился уже в лагере...

— Ну, а с Олегом Сениным Вы познакомились здесь, в Рязани?

— Да, здесь все было так, как описано у Царева: вечеринка "Олимпа" ("Олимп" — молодежный клуб любителей искусств при обл. библиотеке им. Горького — прим. ред.), стихотворение Евтушенко, спор, знакомство с Сениным... Сенин меня заинтересовал. Я за ним почувствовал нечто... Что он не сам по себе, а что-то за ним стоит. Мы стали встречаться и он мне дал "Закат капитала". Собственно, из всей организации Вудки одного Олега я и знал. Ни с кем другим у меня контактов не было.

Что же касается истинной причины, почему Сенин так упорно добивался, чтобы я создал в Петрозаводске отдельную самостоятельную организацию, то, по-моему, она весьма интересна и еще никем не описана...

— ? ? ?

— На мой взгляд, эта история очень забавная... Если начать с самого начала, то я познакомился с Сениным во время февральских каникул 1968 года на уже известной вам вечеринке.

Я в то время был студентом первого курса Петрозаводского университета, изучал финно-угорские языки. Олег дал мне "Закат капитала" Юрия Вудки. Он произвел на меня очень сильное впечатление. Даже сейчас я считаю, что это очень интересная книга, достойная публикации. Особенно ее аналитическо-критическая часть. Анархо-синдикалистские утопии второй части, это, конечно, другое дело, но первая часть была на высоте. После обмена мнениями Олег сказал, что даст мне "Закат..." с собой, но при условии, что я в Петрозаводске начну его распространять и создам там организацию. При этом он буквально давил на меня. Я как-то помялся, но... согласился.

По возвращении с каникул я дал почитать этот программный документ рязанской группы некоторым людям. Собственно, до организации, как структуры, у меня дело так и не дошло. Просто я давал читать "Капитал..." своим знакомым.

Когда я приехал на летние каникулы, Сенин мне позвонил — это было где-то в начале августа — и назначил мне встречу, с тем чтобы я передал ему ленту для пишущей машинки. Помню, что у меня еще возникло некоторое недоумение, зачем конспиративно встречаться в каком-то скверике, чтобы передать эту самую ленту? Ну, мы встретились, я передал ленту, а через некоторое время Сенина арестовали. Это произошло 8 августа. И, кажется, всех тут в Рязани тоже арестовали. А меня вызвали в КГБ для дачи показаний о встрече с Сениным. Кажется, 9-го. Я признался, более или менее, в контактах с Сениным, сказал, что передал ему ленту для пишущей машинки, и меня отпустили. О том, что он давал мне "Закат капитала", и что он есть у меня в Петрозаводске, и что его читали мои знакомые, я, разумеется, умолчал. Арестован я был уже в сентябре, когда следствие в Рязани, по-видимому, получило достаточно материала против меня.

Детали я узнал уже в лагере. Главным образом, от Боброва и Фролова, с которыми я подружился. Мы там сдружились — Куликов, Фролов, Бобров (члены саратовской подпольной группы — ред.) и я. Бобров был у меня основным источником о саратовской ветви организации, а Фролов — о рязанской.

Итак, картина, в целом, получается такая. В Рязани Вудка пришел к идее о государственном капитализме в СССР. Обсуждал это с братом и друзьями, потом изложил письменно в виде "Заката капитала". Он был знаком с Сениным, который учился в Саратовском юридическом институте. Сенин отвез "Закат..." в Саратов и начал его распространять среди студентов-юристов. Но, на мой взгляд, в Рязани, собственно, никакой организации — устав, самоназвание и т.д. — не было. Был Вудка, его друзья и "Закат..."

В Саратове же все происходило иначе. Как только товарищи Сенина познакомились с книгой, они немедленно создали хорошо структурированную организацию, которую назвали "Группа революционного коммунизма". В нее входили: Романов, Кириков, Куликов, Бобров и Сенин. Построена организация была классически, как написано в литературе о РСДРП. Пять названных человек составляли группу первого звена. Каждый из них имел свою собственную группу из пяти человек, о которой знал только создавший ее, а остальные четверо ничего не знали. Это были группы второго звена. Дальше структура должна была повторяться, но до этого дело не дошло, кажется. Кстати, из состава групп второго звена арестован был один

Фокеев и то потому только, что сам "напросился". Никто больше арестован не был.

Через некоторое время у "революционных коммунистов" начались разногласия, а точнее, между всеми и Сениным. Они обвинили Сенина в диктаторских наклонностях, бонапартизме и прочих грехах и решили создать новую организацию. Втайне от него. Ему они заявили, что выходят из организации, своих звеньев ему не сдают, и кассу организации — Кириков был казначеем — тоже сдать отказались.

— *Бунт на подпольном корабле?*

— Да... И вот таким образом Сенин повис в воздухе. Но у него, в конечном итоге, все-таки остался один сторонник — Бобров. И вот Бобров — недаром он учился на следователя — не поверив, что Романов, Кириков и Куликов распустили свои звенья, организовал за ними слежку. И, естественно, выследил, что они продолжают заниматься революционной деятельностью. Сенин, с уликами, пришел к Романову и потребовал объяснений. Произошел раскол (как и положено у революционеров). Романов признался, что организация продолжает действовать и потребовал устроить ему встречу с Л. Бориным (псевдоним Юрия Вудки — ред.) — таинственным автором "Заката капитала". Сенин организовал. Вудка поехал в Саратов — насколько я помню, это было в апреле 1967 года, — где и состоялась историческая встреча двух вождей. Романов, который стал идеологом новой организации, и Вудка поговорили. Видимо, они не очень-то договорились. Я знаю только, что Романов обвинил Вудку в анархизме. Кстати, это совершенно справедливо, ибо "З. К." в своей программно-конструктивной части написан — свидетельствую — с анархо-синдикалистских позиций.

После этого Сенин, опять же по классике, понял, что он, как единственный человек, который имеет связь как с саратовской, так и с рязанской организацией, должен срочно созвать съезд для выяснения разногласий и, может быть, создания неких структур высшего порядка с соответствующими должностями... Но для съезда двух организаций мало. Как минимум их должно быть три. И для этого ему и понадобился я со своей несуществующей петрозаводской группой.

Но тут все смешалось. В первую очередь из-за братьев Вудок, которые к этому времени как-то потеряли интерес к подпольной деятельности и обратили свои мысли на эмиграцию. Шел 68-й год, выпускали только из Черновцов. У старшего Вудки невеста была из Черновцов, они собирались пожениться и ехать туда...

— *Почему только из Черновцов?*

— А вот этого я не знаю. Политика советской власти часто бывает загадочной... Очень трудно сказать, по какому принципу оттуда людей выпускали, а отсюда — нет.

— *В "Московщине" ("Московщина" — книга воспоминаний Юрия Вудки, изданная в Израиле — прим. ред.) Юрий пишет, что желание уехать на историческую родину пробудилось у него с самого начала.*

— Я думаю, что это он задним числом более поздние свои желания переносит в более ранний период. В воспоминаниях, кстати, это довольно часто случается.

— *А что было в Петрозаводске?*

— В Петрозаводске, к счастью, никого, кроме меня, не посадили. Несколько человек, кто брал у меня и читал "Закат капитала", исключили из университета и все.

— *А Вы собирались создавать организацию?*

— Вы знаете, меня с самого начала крайне удивляло это требование Сенина — создавать организацию. Я никогда не интересовался историей подполья, историей РСДРП и не имел ни малейшего представления, как создавать некую структуру. Честно говоря, мне просто понравился анализ действительности в "Закате капитала" и я просто давал его людям читать...

Кстати, с "Закатом..." было несколько забавных эпизодов. Сенин обещал мне прислать еще один экземпляр, отпечатанный на фотобумаге, плюс фотопленку. Почему фотопленку? Потому что один из моих знакомых, который уже прочитал, должен был ехать на учебу в Чехословакию и хотел взять текст с собой. И вот однажды стучится ко мне в дверь какая-то девушка (это была сестра Олега), спрашивает, знаю ли я Сенина, и когда я говорю — да, она требует, чтобы я его описал. Начинаю описывать, как могу, она, наконец, удостоверяется, что я не подставной агент, а подлинный Учитель, и протягивает мне набитый пакет из-под фотобумаги и... кусок мыла. В нем была пленка. После этого я проводил ее на вокзал.

А парень, который должен был ехать и которому я отдал привезенный экземпляр, летом был на практике в Архангельской области и стал давать читать "Закат..." всем, кому было не лень. Наверное, эта архангельская глубинка была местом самого массового распространения идей "Заката...". Самое удивительное, что потом все было тихо и ничего оттуда не потянулось.

— *Ну, а "мыло"-то — уехало?*

— Мыло — нет, не уехало. Я его вскрыл и пленку достал. Когда меня в Рязани вызвали в КГБ, обыска в Петрозаводске в моей комнате не сделали. И когда я приехал — сразу же спустил ее в туалет. У меня вообще ничего на руках в момент ареста не было. "Закат..." я отдал, оба экземпляра. Пленку уничтожил. Если бы я был поумней, меня и арестовать-то было бы трудно...

— *А как Вас арестовали?*

— Да очень просто. Вернулся я в сентябре с каникул, ну и прямо в университете, в коридоре, подошли двое, говорят — пройдемте, и... в тюрьму.

— *Извините за банальный вопрос, Александр Ефимович, но какое у Вас возникло чувство после того, как Вы услышали это "пройдемте"?*

— Точнее всего его можно передать словом игра.

— *Но у Вас возникла хоть капля задора? Вот я сейчас всех их переиграю, вот я буду Павлом Власовым...*

— Нет, нет... То, о чем вы говорите, этого, разумеется, ничего не было, но ощущение игры все время присутствовало... Тюрьма... — будто в кино, будто ты — герой некоего кинофильма... Но при этом у меня не было ни малейшего желания бороться с ними. Дискутировать, хитрить, пытаться пере-

играть... Еще было чувство конца, отсутствия шансов, уж, казалось бы, куда как серьезнее и реальнее, но все равно, при всем при этом — ощущение игры... Действительность, как реальность, не воспринималась...

— *Но оно пришло, в конце концов, это чувство?*

— Реальности? Да. После суда, в тюрьме. До суда меня держали в одной камере, маленькой, часто только вдвоем. А после суда вводят совсем в другую камеру — такой громадный зал, человек на тридцать, где сидело человек пятьдесят, нары двухэтажные, дым махорочный, сизый, почти ничего не видно, матрасы на полу валяются... Впечатление... совершенно сюрреалистическое. И в то же время — чувство абсолютной реальности.

— *Что Вам было вменено?*

— 70-я и 72-я статьи. Следствие тянулось с 18 сентября до конца декабря. А судили меня под Новый год — 31 декабря 1969 года. Новогодний "подарочек", так сказать.

— *А почему, как Вы думаете, Вас не объединили с рязанскими участниками?*

— Трудно сказать. Скорее всего, какие-то внутриведомственные соображения КГБ.

Им, наверное, выгоднее было доложить наверх о ликвидации широко разветвленной, хорошо законспирированной и т.д. и т.п. сети организаций в трех городах, чем двух групп общей численностью 11 человек.

— *А на что человек может опереться в тюрьме? Кроме религии, как это было у Сенина.*

— У него это позднее началось, уже в лагере, где-то в середине срока...

Честно говоря, я не знаю, на что человек может опереться или за что уцепиться в тюрьме... Что касается меня, то надо иметь в виду, что я был очень молод. Арестовали меня в 19 лет. Да, было тяжело, но, в общем, даже интересно — как я через все это пройду?

— *Ну и как у Вас все это началось, в этой "сюрреалистической" камере? Ведь там были уголовники?*

— Да нет, какие там уголовники! Бытовики. Люди сидели за ящик водки, украденный в магазине. Или мальчишки-хулиганчики, которые с прохожих шапки сдергивали. Грозные они были на воле, а в тюрьме плакали по ночам. Вот такие были преступники.

— *И все-таки, все эти внутрикамерные обычаи-законы: паханы, проверка, прописка и т.п. — это все было?*

— Да, нет, ничего похожего! Какие паханы — что вы! Отношения, как говорится, силовые имели место, но не на таком уровне. А в той камере, когда я вошел, места мне не было просто физически. Я стою возле двери совершенно обалдевший — только что осудили, — в руках у меня мешок с вещами и несколько книг. А одна из

Александр Учитель (справа) со своим школьным другом Николаем Царевым. 1966 год. Рязань.

ФОТО ИЗ АРХИВА Н. ЦАРЕВА

них — на финском. Вдруг подходит ко мне мужичок-старичок, плюгавенький такой, на протезе, и спрашивает по-фински, кто, мол, такой, за что и т.д. И когда он увидел, что я на финском ему отвечаю, он поворачивается и идет в у... к окну, где лежал на нарах здоровенный детина в майке, весь зататуированный, — просто страх божий! Мой старичок ему говорит: "Вставай и уматывай отсюда". И к моему полнейшему изумлению, тот начинает собирать свои вещички и переходит на пол. Правда, при этом грозит мне: мол, я тебя в лагере найду, да я тебя умою и т.д. А старичок мне говорит: "Ложись".

— *Кто же это был? Вор в законе?*

— Да нет. Он отсидел 20 лет за бандитизм. Финн по национальности, партизанил в Эстонии после войны. А потом сел еще на 10 лет, я даже не знаю за что. А этого детину, оказывается, в подследственной камере, еще до суда, просто побили. Он потерял лицо и авторитет. Так что мне прямо от порога чуть ли не лучшее место на нарах этот старичок на протезе устроил...

Вот такое у меня было первое впечатление от соприкосновения с уголовным миром.

— *Скажите, когда Вы сидели под следствием, "наседка" у Вас была?*

— По всей видимости — да. По общей логике работы КГБ. Но я не утверждаю. По делу я со своим сокамерником не разговаривал. Но, по правде, никаких тайн у меня от следствия и не было. Я не геройствовал и рассказал все, что знал. Так что никакой необходимости что-то из меня вытягивать в камере не существовало. Кстати сказать, он был очень интересным человеком. Сидел за хозяйственное преступление — семь лет. И я про него даже статью написал в "Посев", когда приехал в Израиль.

— *Вы получили 4 года?*

— Да, 4 года. После суда меня повезли в Саратов в качестве свидетеля. По этапу. Длилось это невероятно долго. На процессе я впервые увидел всех саратовцев. Потом долго везли назад в петрозаводскую тюрьму, уже в другую камеру. И уже отсюда по этапу потащили в Мордовию.

Попал я на 17-ю зону, где сидели Сенин и Фокеев. Вы представляете, какой это был подарок судьбы? Сенин — единственный человек, с кем я был связан, и именно с ним я сразу встречаюсь в лагере! Пробыл я там недолго. Привезли меня в марте 70-го, а уже в мае я очутился на 3-й зоне, в Барашево. Здесь я встретился с Куликовым, Бобровым и Фроловым. И вместе с ними просидел большую часть срока, 2 года из 4-х, пока зону не расформировали. Тогда, в 73-м, сделали политзону в Перми (дер. Кучино возле г. Чусового Пермской обл. — прим. ред.) и половину угнали туда, а половину перевели на 19-ю здесь, в Мордовии. (А 3-ю преобразовали в уголовную).

Я попал на 19-ю, где встретился с Сашей Романовым. Но буквально на несколько дней. Едва мы с ним успели поговорить, как его этапировали во Владимирскую тюрьму, ибо он занимал активно отрицательную позицию по отношению к администрации. На 19-й я и досиживал.

— *Как же Вас встретили товарищи-подельники?*

— Понятно, что я их удивил. Группы у меня не оказалось. В смысле идейной подкованности я тоже был далек от всех их рассуждений, почерпнутых из ленинского труда "Государство и революция". Но в лагере, надо иметь в виду, люди делятся

не столько по убеждениям, сколько по так называемым "мастям". Внешне это выражается в том, кто с кем пьет чай. Ну, а глубинная причина, конечно, чисто психологическая. Люди группируются по качествам характеров и темпераментов, по соответствию нравственных идеалов.

В политическо-общественном смысле мы считались "марксистами". Вообще, было три таких очень широких — очень! — категории: "монархисты", "марксисты" и "националисты". У последних были три больших группировки-землячества: украинцы, литовцы, армяне. С 70-го года появились еще и "сионисты" — они составили четвертую категорию. Но грубо, в обиходе, было всего две категории: либо ты "монархист", либо "марксист". Вопреки распространенному мнению, ни о каких "демократах" тогда не было и речи.

Ну, что я могу сказать вообще? Чай я с ними пил.

— *А какая у вас была атмосфера, в вашем чайном кружке? Продолжались ли идейные искания, или, может быть, начались какие-либо трансформации?*

— В общем-то, да. Трансформации были. Вы же видите, как в итоге все разбрелось. Кто в религию, евреи в свои сионистские дела...

— *А с сионистами Вы там не сошлись?*

— Я с ними общался, но в их круг не входил. Вудки — да, они сразу присоединились. Юрий довольно подробно пишет об этом в "Московщине", вспомните хотя бы эту жуткую историю с обрезанием. Причем, хочу отметить, что у старшего Вудки еврейство и иудаизм носили довольно сложный характер, а именно: некую мистико-окультурную форму. В лагере это называлось "йогнутья".

— *Как, как?*

— Йогнутья. Так называли людей, которые занимались индийской философией и всякими прочими мистическими вещами. Национальное они воспринимают как некую форму воплощения высшего тайноведения бытия. И вот у Вудки это все именно в таком виде и происходило, не просто иудаизм, не просто религия. В "простую" религию ушел Грилюс, он даже раввином стал. Младший Вудка тоже ушел в религию, но больше в национальную форму, в чистом виде. Так что не случайно сейчас он живет в поселении на арабской территории и примыкает к крайне правому движению.

— *И все-таки, что же заставляло людей так изменяться, как Вы думаете?*

— Думаю, что сам факт несвободы. Это был лагерь — не надо забывать. И условия были жесткие. Человек в лагере жестко ставится перед вопросом "как жить?". Хочешь не хочешь, а надо определяться.

— *Итак, это была политзона. Какова же была атмосфера взаимоотношений между заключенными, когда чисто уголовные элементы практически отсутствовали?*

— Большинство населения всех таких зон, процентов 70, наверное, составляли так называемые военные преступники. Ожидаешь совсем не этого, а попадаешь в некий гериатрический санаторий, где бывшие полицаи, старосты, бургомистры и т.п. досаживают 25-летние сроки. Правда, встречались и страшные типы. Один, например, был из автобательона душегубок "Нахтигаль".

Они, конечно, несчастные люди, и главной их целью было — выжить любой ценой, а достигнуть этого можно было только

совершенно холуйским поведением, и потому они сотрудничали с администрацией как только могли. Когда человеку дают 25 лет, никакого иного стимула у него, в общем-то, нет. Все они состояли в "активе", были членами секции внутреннего порядка (СВП), работали бригадирами и т.п. В общем, общаться с ними было тяжело и противно. Конечно, общение все равно происходило, и все было достаточно корректно. Хотя в отдельных случаях, в какой-то мере, возникало и напряжение, и озлобление. Главным образом, на почве антисемитизма. Наиболее ярко это проявлялось в столовой, когда ты садишься, а рядом демонстративно встают и уходят за другой стол. Или когда тебе прямо в лицо кричат: "Хайль Гитлер!" Такое бывало, да...

Кроме военных преступников было еще много беглых солдат. Тех, которые бежали неудачно и были пойманы и посажены. И тех, что бежали удачно, но сами вернулись из-за границы. Весьма интересный феномен, кстати. Люди, прожившие не один год и в Америке, и в Германии, возвращались добровольно, заведомо зная, что им дадут как минимум 10 лет. Таких было очень много. Там они не могли адаптироваться, большей частью, психологически.

Был и уголовный слой. Все уголовники попадали на политзону одинаково. Если человеку на бытовой зоне по той или иной причине грозило убийство, он писал и вешал на каптерке или на вахте антисоветскую листовку, в которой было что-нибудь нелестное (обычно матерное) про Брежнева либо про Ленина. Его арестовывали, судили внутрилагерным судом, добавляли пару лет по политической статье и переводили на политзону. А в политзоне убийств не было, потому что был некий кодекс — в политзоне не убивать. Поэтому даже если враги этого эка попадали (таким же путем) тоже сюда, ничего сделать они не могли.

Так что, собственно, политзаключенных трех вышеназванных и очень — очень! — условных категорий: марксистов, монархистов и националистов было довольно мало. Все, вместе взятые, они составляли безусловное меньшинство.

— *А эти уголовники не могли постепенно навязать свои законы?*

— Нет, что вы! Они рады были до смерти, что спаслись и сидели тихо, как ягнята. И почти все немедленно начинали изучать индийскую философию. Самой популярной книгой была "Радхакришна". Все уголовники штудировали ее, мало, думаю, что в ней понимая.

— *В уголовных зонах есть четкое разделение на "вставших на путь исправления" — читай: сотрудничающих с администрацией, "отрицаловку" и "мужиков"...*

— У нас не было такого разделения. Все, без исключения, военные преступники "встали на путь" еще 20 лет назад. И сходить с него могли только в могилу. А "отрицаловка" — это те, кто отказывается работать. А такого вообще не было. Так что те, кто не сотрудничал

с администрацией, и были, собственно, политические заключенные.

— *А вы чувствовали, что вам живется хуже, чем тем, которые "встали на путь", ну скажем, в смысле ларька и т.п.?*

— Да кто его знает, как они жили, эти "вставшие"... Они были сами по себе, а мы сами по себе. Конечно, какие-то льготы у них были. Но вообще-то материальное расслоение в лагере шло совсем по другой линии. И это, кстати, говорит о глубине и незыблемости человеческой природы. Вот вам яркий пример. На 19-й зоне был старик-эстонец, из военных преступников, так вот он имел собственный магазин.

— *Как магазин?*

— Да так. Он был каптером. Заходишь к нему в каптерку, там лежат несколько десятков чемоданов. Он их открывает, а там — любые товары.

— *Продукты?*

— Да, конечно. Кому нужны "тряпки" в зоне, где все ходят в одинаковой форме? Продукты, — непортящиеся, любые.

— *А как...?*

— Деньги! По тем временам деньги у него крутились бешеные. Ему прямо на вахту, открыто, приносили чемоданы. И вот, смотришь, тащит он громадный чемодан через всю зону к себе в каптерку, а мужичок, между прочим, еле ноги уже таскал, в чем душа теплилась... Говорил — хутор себе куплю, когда выйду...

Так что всякие льготы, они достаточно смешно смотрятся... Их другим приманивали. Так называемым снижением до 15-ти. В 58-м отменили срок 25 лет. И вот каждый год собиралась комиссия, которая имела право снизить срок до 15-ти. Например, человек отсидел 22 года. Снижают ему до 15-ти и выпускают. И каждый из них надеялся, что ему снизят. А на что надеяться, если уже 24-й год идет? Тем более, что снижали скупко-скупко, по одному за раз, не больше. И все равно — надеялись...

— *Александр Ефимович, а вербовать Вас пытались?*

— Да, сразу. Это первое, что происходит перед тем, как в зону выпускают. Заводят в кабинет, там замполит, еще какие-то офицеры, и начинается: мы рады вас принять..., вы так молоды..., мы готовы вам помочь...

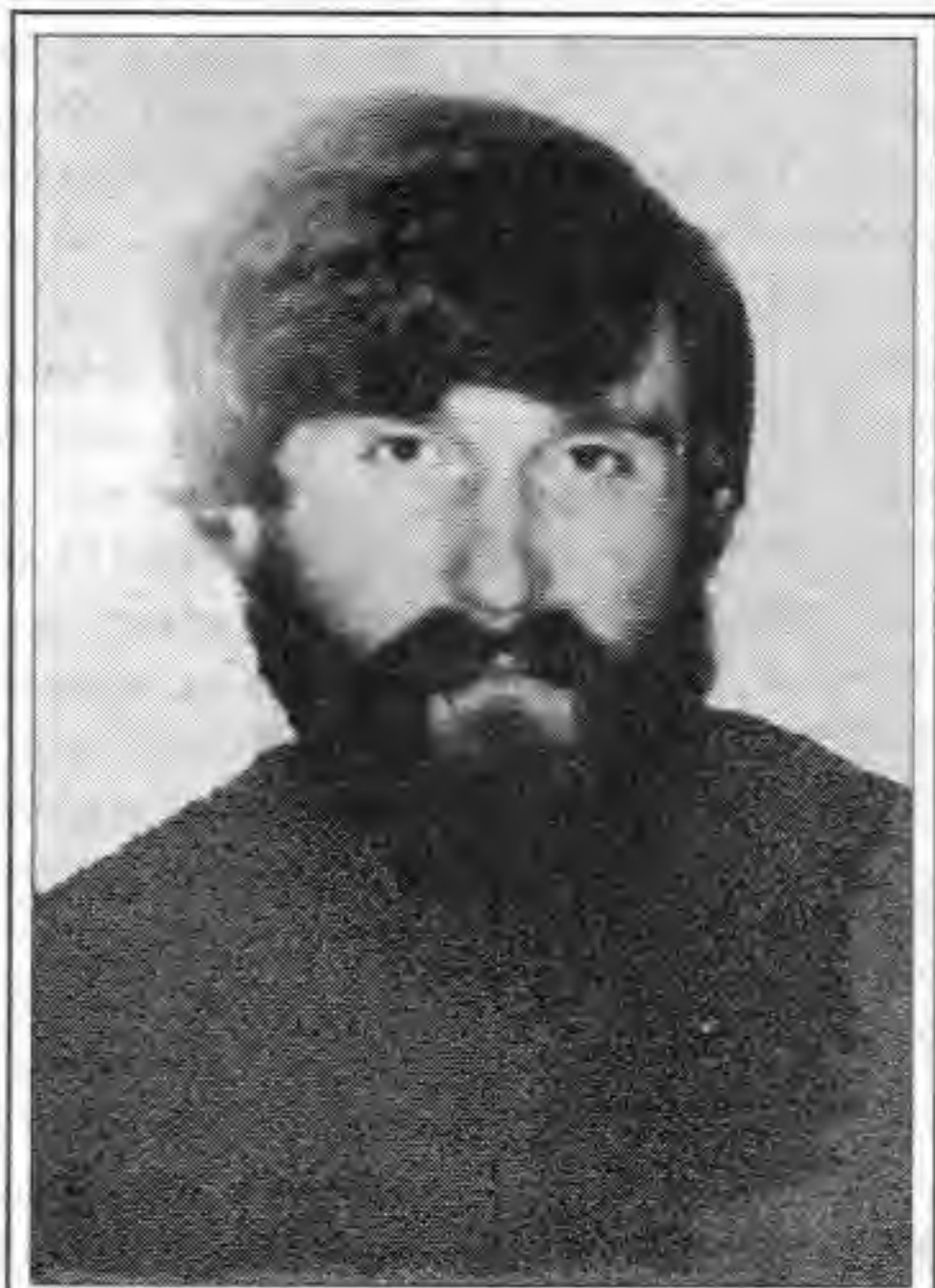
— *То есть почти открыто предлагают?*

— Да, именно. Они предлагают помочь вашему будущему в лагере, но... "Мы надеемся, что и вы, в свою очередь, будете готовы помочь нам".

— *И на это надо сразу отвечать?*

— Ну, разумеется, надо отвечать "да" или "нет". Что следует за согласием, я не знаю. Возможно, человек должен что-то подписать. Я им ответил, что получил свой срок, хочу его спокойно отбыть и что свои проблемы они должны решать сами.

— *Заключенному предлагают помочь исправиться. Если он это*

Александр Учитель по возвращении из лагеря. 1974 год. Рязань.

ФОТО ИЗ АРХИВА Н. ЦАРЕВА

отвергает, то тем самым заявляет, что не хочет исправляться, то есть ведет себя с самого начала нераскаянно и вызывая, так?

— Нет. Смысл моего ответа был таким: я получил срок за преступление и хочу его отбыть в соответствии с законом. В чем же я должен помогать? Что я — офицер МВД, чтобы им помогать?

— И что они?

— Они очень вежливо этот вопрос закрыли.

— А потом, особенно при переводе в другие зоны, были попытки?

— Нет, больше ни разу.

— А были случаи, чтобы стукача "вычисляли"?

— Да, были.

— И что следовало затем? Что вы делали?

— Мы — ничего. Как правило, его освобождали. Он уходил на помилование.

— То есть помилование было признаком того, что человек "отработал" и "заработал", так сказать?

— Нет, это ничего не означает. Прощение о помиловании пишут многие. Например, всех саратовцев (кроме Романова) — помиловали. Но у меня нет информации, что кто-то из них в чем-то участвовал или вел себя так, чтобы заработать помилование. Я думаю, что в данном случае, это было решением саратовского КГБ. В конечном счете, решение принималось именно в этих органах. А какие у них были соображения по поводу бывших подпольщиков из группы "революционного коммунизма", этого пока никто не знает...

— И все-таки Вы лично не стали писать прошение о помиловании, потому что Вам могли предложить известную цену за это?

— Нет. Просто шансов у меня не было. В лагере ведь каждый год составляют характеристику и знакомят с ней. Вызывают к начальнику отряда и зачитывают. А там — черным по белому — "на путь исправления не встал". Кстати, "встать на путь" не означало только сотрудничество в форме стукачества. Существовали и всякие промежуточно-завлекательные этапы. Например, можно было вступить в культурную или политпросветительскую секцию или участвовать в художественной самодеятельности. Можно было пытаться балансировать на этой грани. Вроде бы это уже считалось "встал" и появлялся какой-то шанс. Но это, опять же, как они решат. А поскольку я ни в чем решительно не участвовал, то...

— Скажите... — я никак не могу обойтись без лагерного словечка, — а вот это было "западло" — песенки петь со сцены?

— Да, да, конечно. Этим занимались только военные преступники.

— Александр Ефимович, а что вынюхивали стукачи в первую очередь? Чего они больше всего желали выудить?

— Разные вещи... Я думаю, в зависимости от ситуации, от той задачи, которую ставил перед ними лагерный "кум".

Вот, например, к концу моего срока, в 1973-м, в лагере оказался Кронид Любарский (первый демократ-диссидент при мне). Он сразу начал организовывать открытое письмо академику Сахарову. Написал какой-то текст, его, по идее, должны были подписать как можно больше заключенных, а затем передать на

Мордовский лагерь ЖХ-385/3 (пос. Барашево Мордовской АССР).

ФОТО ИЗ АРХИВА К. ЛЮБАРСКОГО

волю. Все, кто вокруг него крутился по этому делу, были стукачи: почти без исключения. История окончилась так: Любарский залетел сначала в БУР на шесть месяцев, а затем во Владимирскую тюрьму. А двух стукачей сразу(!) же освободили.

Я с самого начала думал, что вся эта история с письмом была провокацией КГБ с целью убрать Кронида с зоны в тюрьму. Он был личностью крупной, заметной и его не хотели держать на "открытом воздухе". Видимо, они вообще побаивались диссидентов.

— Вы считаете, что Любарский поддался на провокацию?

— Я думаю, что скорее всего — да.

Но, к сожалению, есть еще один особенно мерзкий аспект в этой истории. (И этого я ребятам-подписантам никак не могу простить). Они распустили слух, будто письмо должен вывезти мой приятель Иван Удодов, который как раз освобождался. (Он сейчас в Швеции живет). Так вот его на выходе шмонали... ужас как! Ничего, конечно, не нашли, но задержали, издегали и измучили ни за что. А вывозить должен был другой, мне кажется, "из этих", так что он сразу и передал его "куда следует". (Я, конечно, это не утверждаю, а предполагаю). Вот так они поступили с Удодовым — человек не имел никакого отношения, а его для прикрытия "операции" использовали как минный трал...

Так что на этом примере вы можете сами судить, какую информацию должны были и могли собирать стукачи.

— А что это было за письмо?

— Я не видел текста. Я просто из принципа не участвовал.

Ни в ту, ни в другую сторону. Я вообще отрицательно относился к внутрилагерной, так сказать, политической жизни. А кроме того, я уже говорил, вокруг этого письма такая была атмосфера и такие люди крутились...

— *Александр Ефимович, а как кормили в мордовских лагерях?*

— Хлеба полагалось 700 грамм в день. Физически этого было съесть невозможно. И администрация все время экспериментировала, как его лучше сэкономить. Иногда хлеб просто клали свободно на столы. Иногда выдавали пайкой с утра. Но в конечном итоге хлеба много выбрасывалось, потому что всего все равно почти никто не съедал. Вообще, по объему еды было достаточно, но она была очень плохого качества. В этом была проблема. В обед давали так называемые "мясные щи". Лучше бы они вообще мясо не клали, потому что мясо было просто совершенно... Некоторые просто не могли есть. Олег Фролов, например, все пять лет питался исключительно хлебом. Он вообще человек брезгливый и не мог есть ни этих щей, ни каши.

— *А кашу почему?*

— Потому что каша была нечищенная. А я, как раз, с детства любил овсяную кашу и потому был, наверное, одним из немногих, кто был доволен этим блюдом. Пускай и нечищенным. Но я, например, не ел сахара. Вообще. Давали 15 грамм в день. В таком кулечке, раз в неделю. Я его ссыпал в банку и потом кому-нибудь дарил. Но обычно сахара людям не хватало.

Итак, на обед давали щи "мясные" и кашу нечищеную (не только овсяную). На завтрак — такой макаронный суп на воде. На ужин опять давали кашу и кусок рыбы.

— *Ну, а например — молоко?*

— Только за вредность. Если цех или операция считались вредными, давали стакан молока.

— *А знаменитые "бациллы", жиры то есть, в каком виде выдавали?*

— Не знаю. Реально видимые жиры можно было купить в ларьке. Зарплата шла на счет заключенного. И вот на 5 рублей в месяц, разумеется, безналично, можно было купить продуктов. Набор был очень ограниченный. Конфеты-подушечки, жир — такой непонятный, масло подсолнечное, — что там еще было? — да, сыр колбасный. Ну, вот, пожалуй, и все продукты. На ларьке, разумеется, играли. За хорошее поведение добавляли два рубля. За плохое могли лишить этих 5 рублей или снизить, скажем, до 2-х.

Кроме того, если человек выполнял норму на производстве, утром ему выдавали к макаронному супу еще порцию каши с маслом. Такую хорошо прожаренную гречневую кашу с куском масла.

— *Премблюда...*

— Да, премиальное блюдо... Зависело это исключительно от бригадира. Потому что нормы выработки были совершенно идиотские. Некоторые можно было выполнить на 300 процентов. А некоторые — вообще невозможно. Никогда, ни при каких обстоятельствах. Но, как и на любом производстве в стране, — приписывали, туфтили...

Если считалось, что человек не выполняет норму, фактически это была форма наказания. Бригадиру давали указание не приписывать и...

В общем, если подводить итоги, пища была некачественной. Не хватало жиров и овощей. Круглый год не было никаких овощей, не говоря уж о фруктах. Недостаток витаминов и жиров.

— *Ну, а за пределами зоны — не все же работали внутри — можно было что-либо приобрести?*

— Это был уже вопрос денег. Живые деньги в зоне иметь запрещалось, но кто их имел, мог купить все, что угодно. Я вам уже рассказывал о старике-эстонце с его магазинчиком. А можно было и через конвоиров, через охрану.

— *И чай, и водку?*

— Все, что закажешь.

— *А за что можно было попасть в карцер?*

— За все что угодно. Я попал — единственный раз — за неопрятный вид одежды. Возможностей у администрации была масса. Например, в тапочках можно только в бараке, по зоне — только в сапогах. Забудешься, выйдешь, увидят — запишут и предупреждение. На третий раз — карцер. В общем, можно было попасть за любое нарушение дисциплины.

— *А можно сказать, что в лагере были организации?*

— Организации? Да, разумеется, были. Они имели, главным образом, практическую направленность по поддержанию контактов с внешним миром. Лучше всего это было налажено у сионистов и у Свидетелей Иеговы. Последние вообще нелегально, но регулярно получали свой журнал "Башня стражи".

— *А попадала в лагерь "Хроника текущих событий"?*

— Нет. Вообще, людей, связанных с правозащитно-демократическим движением, до Любарского практически не было. Он первый, с кем я встретился. По-видимому, повторяю, диссидентов администрация побаивалась.

— *А националистов?*

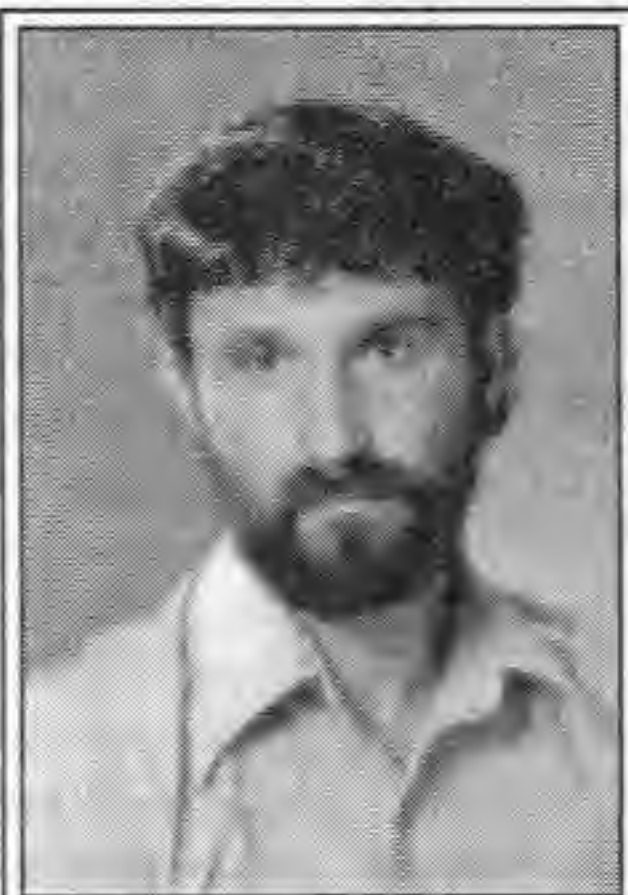
— У националистов были крепкие землячества. Но в какой мере они имели контакты с внешним миром, я просто не знаю. Скорее всего — слабее.

— *А было ли в лагере что-нибудь такое, что могло Вас развеселить? Чтобы было радостно, чтобы Вы смеялись?*

— Конечно. Бывало и радостно, бывали и праздники, и кинофильмы хорошие показывали. Я в зоне много хороших фильмов посмотрел. На 3-ей вообще целый клуб был для заключенных. Вполне легальный. Там возле котельной была такая полуподвальная комната, где стояли столы, скамейки, "титан". И туда ходили пить чай компаниями ("мастями"), играли на гитаре, танцевали. Землячества по национальным праздникам занимали его под свои встречи и мероприятия. Помню, как сионисты вывесили израильский флаг, такой большой, рисованный, я его впервые увидел открыто висющим...

— *И все совершенно свободно?*

— Да. Вообще, 3-я зона была очень либеральной по сравнению с 19-й, например. А ведь и там и там — строгий режим. Видимо,

Александр Учитель по приезде в Израиль.
ФОТО ИЗ АРХИВА
А. УЧИТЕЛЯ

на 3-й начальник по режиму был полиберальнее и поумнее, чем иные. А может, наоборот, в такой атмосфере ему удобнее было вести агентурную работу и держать все под контролем.

— *Александр Ефимович, к Вам на свидание в лагерь приезжал кто-нибудь?*

— Да.

— *Как это происходило?*

— Если сравнивать с израильскими тюрьмами, то очень даже по-божески. В лагере есть дом свиданий. Раз в году разрешается одно большое, так называемое личное свидание на трое суток. Тебе дают комнату, там есть, где готовить, и три дня и три ночи заключенный живет с тем, кто к нему приехал. А еще два раза в год можно получить так называемое общее свидание, на несколько часов. Разговариваешь в комнате через барьер, в присутствии надзирателя. Правда, администрация часто нарушала право на свидание. Например, могли отменить свидание за какой-нибудь проступок, а родственникам не сообщить, и они ехали, тратились, а приехав, вынуждены были унижаться, мытариться и уезжать несолоно хлебавши. А когда в СССР приезжал Никсон, все свидания отменили вообще.

— *Были ли какие-то организации, которые поддерживали евреев в лагерях?*

— В смысле материальном — конечно. Посылки шли повсю. Хотя лимит на них был, вы знаете, — две бандероли в год по 1 кг с начала срока и одну посылку в год до 5 кг после половины срока. Но когда присылалось регулярно и все это соединялось и распределялось — в общем, было неплохо. Приходило им также много писем и открыток из Израиля — моральная поддержка.

— *Александр Ефимович, а Вы в лагере уже знали, что уедете?*

— Нет. Вначале это было невозможно. Лишь в 70-м году, когда в лагерях появились сионисты в большом количестве, а на воле начались единичные отъезды, стало ясно, что дело сдвинулось... И только к концу срока я ясно представлял, что это вполне реально. Правда, в лагере никаких особых национальных чувств во мне не пробудилось. И у Олега Фролова тоже. Но когда я вышел, жизнь стала складываться так, что делать мне здесь было абсолютно нечего, никаких перспектив. Так что у меня и, насколько я знаю, у Олега эмиграция была стопроцентно вынужденной.

— *Значит, когда окончился срок, Вы не пытались как-то обустроиться в Рязани, найти работу?*

— Это было невозможно. Дело в том, что меня посадили под гласный надзор милиции. Я не имел права выйти из дома после 8-и часов вечера и до 7-и часов утра. Я не имел также права выезжать за черту города. Жизни никакой не было...

— *То есть Вы не могли съездить на пляж в Солотчу? (Солотча — место отдыха в 20 км от Рязани — прим. ред.)*

— Да, в Солотчу уже было нельзя. Так же, как и в Москву и другие города. А вначале они еще записали, что я не могу выходить из дома в праздничные и выходные дни. Но здесь, правда, я быстро сориентировался и написал жалобу областному прокурору. Там, видимо, повнимательнее прочитали правила о гласном надзоре, увидели, что такого ограничения нет и этот пункт отменили.

Единственное место, куда мне удалось устроиться на работу — это кочегаром в баню на улице Подбельского, точнее — оператором котлов газового отопления.

— *А Ваши родители работали в это время?*

— Отец работал.

— *Не было ли у него каких-либо неприятностей в связи с Вами?*

— Нет. Хотя, впрочем... может быть. Ему собирались дать квартиру, но так и не дали. Но работать он продолжал несколько лет в прежней должности — заместителем директора мебельной фирмы "Ока".

— *Александр Ефимович, а когда Вы решили уезжать, что Вы стали делать? Каков был механизм, так сказать?*

— Механизм был тяжелый... Сначала я не мог вообще подать документы, потому что нужна была характеристика с места работы. А я еще не работал, а только учился на курсах кочегаров. В домоуправлении характеристику дать также отказались. Я подумал и решил сходить на прием в прокуратуру. Один раз помогли, может быть, и второй раз тоже? Так оно и вышло. Прокурор меня принял, выслушал и посоветовал: "А Вы в лагерь напишите. Вам пришлют". И действительно, прислали прямо в ОВИР.

И вот я собрал все документы, а мне — бац! — и отказ. Тогда я засуетился, письма начал писать всякие. И в Верховный Совет, и Гинзбургу, и в "Хронику текущих событий"... В общем, старался как мог. В конце концов — разрешили. Всего я прожил "на воле" год: в сентябре 73-го освободился, а в октябре 74-го — уехал.

— *А Вы поехали туда на пустое место? Все с нуля начинали?*

— Вызов мне прислал двоюродный брат. Он уехал незадолго до меня. А в общем, все пришлось начинать с нуля.

— *И как же Вы начали строить свою жизнь?*

— Поступил в университет.

— *Пришлось сдавать экзамены?*

— На Западе практически нет вступительных экзаменов. Там нужен документ о среднем образовании. Меня приняли по справке из Петрозаводского университета. Я ведь закончил первый курс, и у меня была академическая справка. Правда, мне ничего не зачили, кроме... физкультуры.

— ...

— Да, ничего не зачили, но на первый курс приняли.

— *Вы сохранили специализацию?*

— Нет. В Петрозаводске я изучал финно-угорскую филологию, а в Израиле выбрал историю.

— *А язык Вы уже знали?*

— Нет. Язык я начал учить только в лагере. Когда там появились сионисты, они очень быстро продолжили свою привычную деятельность, в том числе открыли курсы иврита.

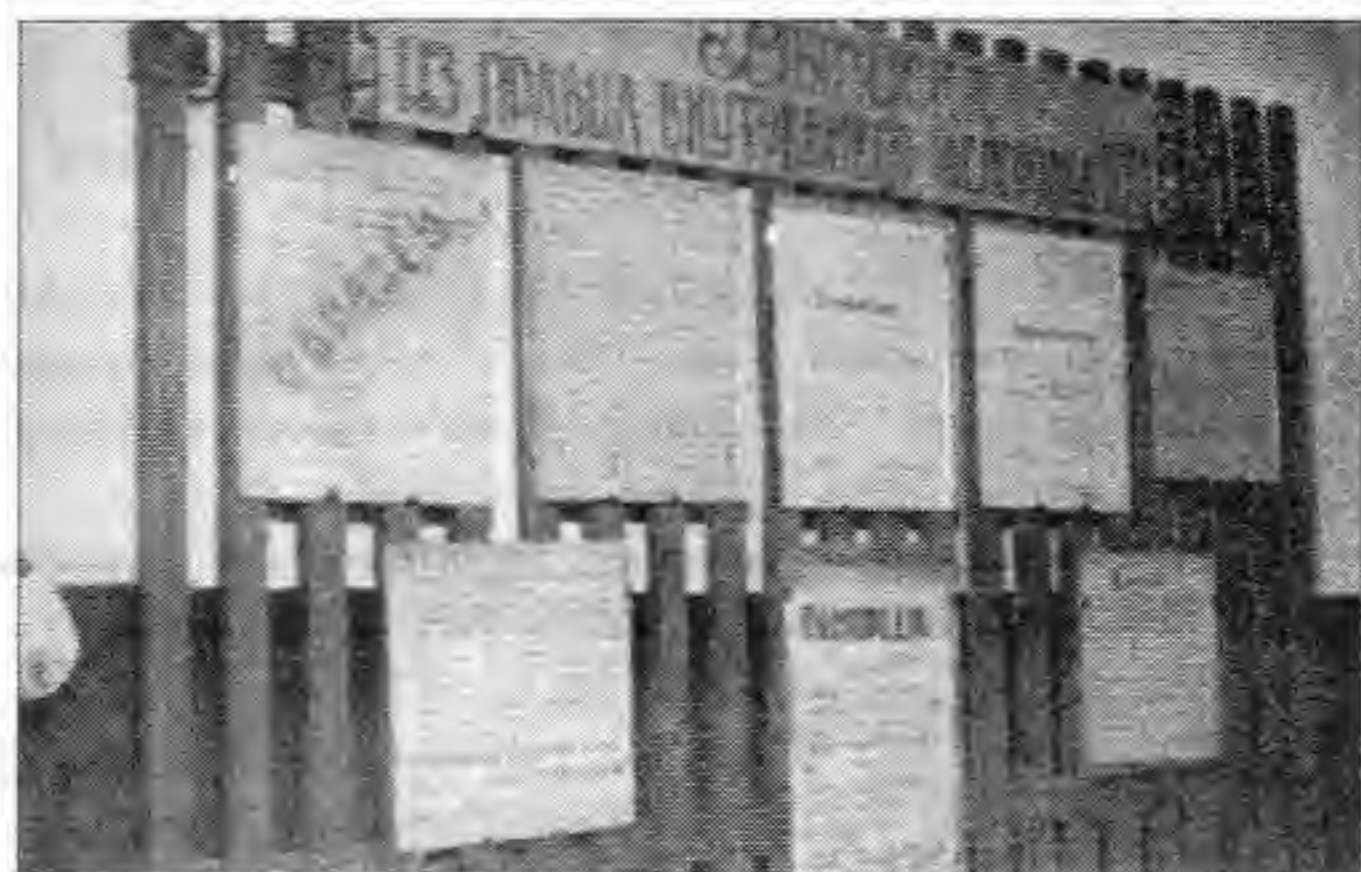
— *А Ваши дети знают русский язык?*

— Да. Правда, у них с языками разные были приливы и отливы. Например, моя старшая дочь (ей сейчас восемнадцать), когда мы жили в Англии, напрочь забыла иврит. Только русский и английский. Вернулась в Израиль, начала вновь учить иврит и стала забывать русский. А в 89-м началась массовая эмиграция из СССР, и так получилось, что все ее друзья-приятели — русские, и язык возвратился. Думаю, что сейчас она на нем больше говорит, чем на иврите.

— *А в Англии Вы...*

— Я учился в аспирантуре.

— *А когда Вы приехали, какие-либо государственные или общественные программы поддержки эмигрантов были?*

Доска с правилами внутреннего распорядка в лагере ЖХ-385/3 (пос. Барашево Мордовской АССР).

ФОТО ИЗ АРХИВА К. ЛЮБАРСКОГО

— В Израиле есть понятие "узник Сиона". То есть тот, кто сидел за сионистскую деятельность в любой стране. Таким помогают. Есть некоторые льготы. Если человек получил инвалидность в тюрьме, то платят небольшое пособие. Остальным — нет.

— *А каким Вы ощутили израильское общество?*

— Сейчас об этом трудно судить... Я не могу не думать о том обществе без ностальгии. Современный Израиль — это совершенно другое государство. За 20 лет оно изменилось до неузнаваемости. А тогда это была такая полусоциалистическая страна, наивная, с таким каким-то оптимизмом... Это очень трудно объяснить... Нужно жить там, чтобы понять... Тогда еще оставались остатки цивилизации первопоселенцев, которые приехали из России и Польши и принесли с собой странную идеологию, основанную, главным образом, на Чернышевском... Да, да, "четвертый сон Веры Павловны"... Там его и осуществляли...

— *Вы искали, по приезду, Вудок, Фролова?*

— Когда я приехал, там был только младший Вудка. Остальные сидели дольше меня. Фролов — пять лет, Юрий — семь. Но с Вудками я не был знаком вообще. И я ждал Олега. И был очень рад, когда он появился. Помню, в первый же день я повез его на пляж в Ашкелон и там буквально сжег. Олег ведь очень белый, чуть-чуть не альбинос. И вот к вечеру у него на руках и на ногах появились волдыри, — в первый же день в Израиле!

— *А чем Олег сейчас занимается?*

— Он инженер-программист.

— *Вы с ним общаетесь?*

— Конечно.

— *Вы знаете, по нашей просьбе, через одного человека в Америке, пытались связаться с Юрием Вудкой. Так вот, он ответил, что все произошедшее в Рязани и в лагере — позапрошлогодний снег. Правда, мы тогда получили "Московщину".*

— Если вы обратили внимание, в "Московщине" он столь скромно пишет о своей подпольной деятельности, что просто непонятно, за что же, собственно, его арестовали и уpekли на семь лет. Он старается отринуть и забыть прошлое, это очевидно. Я думаю, это началось еще в лагере...

— *А Вы знаете что-либо о саратовцах?*

— Знаю, что Романов живет до сей поры в Саратове, написал книгу воспоминаний "Время собирать камни". Впрочем, вы ведь напечатали несколько глав из нее, так что знаете это лучше меня.

В сентябре 96-го я встретился в Израиле с Куликовым. Он эмигрировал (кажется, после развода с женой), обосновался в Хайфе, работает слесарем в порту. (По специальности — тренером — устроиться не удалось). Сказал мне, что испугался прихода Жириновского к власти... Кстати, сын его остался в Саратове, он офицер МВД, работает в каком-то лагере. Вот такой поворот сюжета...

Бобров, второй, после Олега Фролова, мой близкий товарищ по лагерю, окончил Киргизский госуниверситет, работал в школе в Бишкеке. Мы с ним некоторое время переписывались. Но потом, постепенно, переписка прервалась. Все-таки 25 лет минуло, срок солидный...

Что сейчас с Кириковым, Фокеевым, Сениным, я знаю только из публикаций "Карты".

— *Александр Ефимович, а как сейчас, ретроспективно, Вы смотрите на всю эту рязанско-саратовско-петрозаводскую историю? На людей, в ней участвовавших, на себя?*

— Ну, смешно немножко... Если бы не давали такие серьезные сроки, все это было бы очень забавно.

— *Ну как так — смешно и забавно?! Чего же тут забавного? Ну а, скажем, МХГ или "Хроника текущих событий" — это тоже забавно?*

— Вы говорите о совершенно другом явлении. Вернее, о двух разных явлениях.

В то время — середина и конец 60-х — совершенно независимо друг от друга в России возникали всевозможные организации вроде нашей. В широком смысле мы были частью общеевропейского и даже мирового движения тех лет. Вы помните, что творилось в Европе в 68-м году? Это было широчайшее наступление против капитализма во всем мире, в том числе и у нас, как специфической формы государственного капитализма. И идеи очень перекликались. Но в целом ответы на требование времени были устарелыми, изжившими себя. Тот же анархизм? Или неомарксизм? Так что у них там, в Париже, — Дании Конбендит знаменитый (кстати, он сейчас — член Европарламента), а у нас в Рязани — Юрий Вудка.

Но у нас это движение приобретало порой столь причудливые формы, что иначе, чем анекдотом и не назовешь. Боже мой! — чего я только в лагере не посмотрелся, с кем только не познакомился! Вот вам яркий пример. Где-то в 71-м году привозят по этапу на 3-ю и сажают в карантин группу. И вот пока они еще там и любопытство самое сильное, им кричат: кто вы? за что вас? Они кричат в ответ: мы — социал-дарвинисты!

— *К-а-а-ак???*

— Социал-дарвинисты. Ну, естественно, в лагере ажиотаж, все ждут, когда они оттуда выйдут. Выходят — а были они с Урала, такие простые рабочие парни, — и рассказывают, что их лидер Смолин попал в психушку, а все остальные — в лагерь. Учение Смолина сводилось к тому, что существуют два класса. Класс трамполистов и класс интеллектуалов. Первые — эксплуататоры, вторые — все остальные. Почему социал-

дарвинисты — непонятно, что за трамполисты — никто объяснить толком не может. Короче говоря, видимо, человек попал в психушку не совсем незаслуженно. Но потянул за собой вполне нормальных людей.

— И кто же такой был этот Смолин?

— Не знаю. Скорее всего такой же псевдоним, как Борин у нас.

Так что, видите, каких только организаций не было, вплоть до самых карикатурных. А параллельно с этим существовало правозащитное движение, и оно-то носило совсем другой характер. Совсем не смешной, а — настоящий..

— А Вы, будучи на свободе, имели представление об этом движении?

— Имел, конечно. Контакт, правда, не было. К сожалению, не попал мне в руки и самиздат.

— А Вудка и Сенин читали самиздат?

— Вряд ли. Думаю, что нет...

— Александр Ефимович, как Вы теперь знаете, редакция "Карты" располагает достоверной информацией о человеке, очень близком к группе, который сотрудничал в то время с КГБ. Каково Ваше отношение к моральной проблеме обнародования имени этого человека?

— Мне кажется, нужно прежде всего спросить у него. Лично у меня к нему нет никаких претензий — здесь я солидарен с Мартимоновым, — мало ли что было 30 лет назад! Если же вы хотите в чисто историческом смысле опубликовать, нужно поговорить с ним... А если он считает, что сделал правильно? Откуда вы знаете?

Будучи на месте журналиста, я постарался бы реализовать право личности на публикацию ответа. Каждый человек должен иметь право на ответ...

Рязань

Олег ПОПОВ

Встречи в Рязани

(вокруг "дела Вудки")

В приводимых ниже заметках я поделюсь с читателями "Карты" о своих встречах и дискуссиях с членами группы Юрия Вудки, в основном, с Евгением Владимировым, и о том, как повлияли эти встречи на мою последующую жизнь. Не будь их, может быть, я и по сей день работал в Москве, в засекреченном Центральном институте радиопромышленности...

В 1960-1965 гг. я учился в Московском энергетическом институте (МЭИ), на факультете электронной техники. Диплом делал в Центральном институте радиопромышленности, в ту пору настолько засекреченном, что, как мне говорили, даже дворники имеют минимум 2-ю форму допуска по секретности. Тема и содержание диплома были настолько секретными, что на его защиту, которая проходила в одном из зданий МЭИ, диплом был доставлен в специальной бронированной машине, охраняемой двумя вооруженными солдатами.

После окончания МЭИ осенью 1965 года я был направлен на работу в Рязань, в "почтовый ящик" №6. Он также имел и гражданское название: Научно-исследовательский институт газоразрядных приборов (НИИГРП). Пишу "направлен", хотя выбрал Рязань сам (у меня был выбор среди 3-4 мест): летом 1964 года наша группа была на производственной практике в Рязани, на заводе электровакуумных приборов.

И вот в начале февраля 1966 года я приехал в Рязань и начал работать в одной из лабораторий этого НИИ. Общежитие для молодых специалистов еще не было готово, и мне предложили в отделе кадров временно снять, на 2-3 месяца, комнату у "частников". Комнату я не стал снимать, а пошел в общежитие

Рязанского радиотехнического института, где жил во время производственной практики в 1964 году и где, как я помнил, всегда были свободные койки. Поговорил со старостой первого этажа факультета радиотехники (он меня хорошо помнил), "раздавил" с ним бутылку, и он выделил мне койку в комнате из 3-х (кажется) человек.

Помимо меня в комнате проживали еще два студента, Николай Зиновьев и Шимон Грилюс (сейчас Шимон, как мне передавали друзья из Израиля, этого ничего "не помнит"). Зиновьев был довольно разговорчивым парнем. Он был из Чувашии и очень интересовался историей КПСС, особенно своим тезкой, Зиновьевым. Поскольку я в то время пытался разобраться, в какой момент "все пошло не так", и склонялся то к Троцкому, то к Бухарину, то у нас с ним было о чем поговорить. После того, как я покинул общежитие радиотехнического института, я его больше не встречал.

Будущий член группы Вудки, Шимон Грилюс был невысокого роста, с абсолютно выбритой головой и производил впечатление сдержанного, целеустремленного студента. Он очень много занимался, проводил значительную часть времени в так называемой рабочей комнате, где трудился над курсовым проектом. О политике мы с ним, мне помнится, не разговаривали, хотя он часто жаловался на институтское начальство, непомерно большую учебную нагрузку и антисемитизм.

В конце февраля того же 1966 года случилось знаменательное событие: ночная демонстрация студентов радиотехнического института. Дело было в день выдачи стипендии. Какой-то студент, слегка

Олег Попов. Рязань. 1995 год.

ФОТО С. РОМАНОВА

выпив, стал читать во внутреннем дворе общежития стихи, в основном, Есенина. Подъехала милицмейская машина, и парня пытались забрать. Тут же собрался народ, и парня "не дали". Но тут милиционероь подъехало поболее, и уже забрали не только "чтеца", но и двух-трех его защитников. И вот тут-то студенты возмутились. Стали собираться во дворе, образовалась большая толпа, в основном, с радиофака. Решили идти в центр города, кажется, в городское отделение милиции, и требовать освобождения задержанных товарищей. Сформировались в колонны по 4-5 человек в ряду и двинулись к центру по улице Гагарина. Было уже 11 часов вечера. Мы шли практически молча. Слышны были лишь одни и те же, много раз повторяемые призывы: "Не шуметь!" и "Не поддаваться на провокации!" Пьяных практически не было, а тех, кого замечали, либо урезонивали, либо просто убирали из рядов колонны. Не помню точно, был ли рядом Шимон. Кажется, он был, но вскоре я его потерял в толпе. Народу было много, несколько сотен. По дороге мы пытались присоединить к себе студентов мединститута, но, насколько я помню, от тех было мало народу.

У больницы им. Семашко колонне преградили дорогу машины. К студентам вышло "высокое начальство" (помнится, был начальник то ли городского, то ли областного ГБ) и стало уговаривать всех разойтись. Было обещано, что задержанных выпустят. Покуда шли дебаты с начальством, студенты вели вольные "беседы" со стоявшими вокруг милиционероьми и с военными, носящими форму КГБ (щит и меч). Очень хорошо помню, как один из гебистов бросил: "Распустили вас! Десять лет назад мы бы с вами не так разговаривали!" На что я очень уверенно ответил: "Этому больше не бывать! Ваше время больше не вернется!"

Студенты не расходились, пока не появились гонцы, которые сообщили, что всех задержанных освободили. Значительная часть демонстрантов пошла к главному зданию радиоинститута, где состоялся митинг. Выступали студенты и институтское начальство, среди которого был и тогдашний ректор института, Поникаровский. Принимали ли участие в демонстрации Юрий Вудка и Олег Фролов — я не знаю. Поговаривали, что позднее некоторых активных участников демонстрации и выступавших на митинге студентов исключили из института. Были ли уголовные преследования, мне неизвестно. В любом случае, участвовавшие в демонстрации студенты получили неоценимый опыт массовой акции и на собственном опыте убедились в ее действенности. Именно тогда, после той демонстрации, мое социал-демократическое "реформистское" мироощущение подкрепилось собственным личным опытом. Много лет позже эта уверенность в эффективности массовых и не эпатирующих акций помогала мне организовывать демонстрации отказников у зданий советских органов власти.

Имя Юрия Вудки стало мне известно задолго до знакомства с его идеями. В НИИГРП, где я работал, о нем рассказывали как об очень умном и ироничном молодом человеке. Он сотрудничал в газете радиоинститута "Радист", где как-то напечатал басню, главным героем которой легко угадывался ректор института. Вудке дали нагоняй, но зато о нем стали говорить с уважением, по крайней мере, в рязанских НИИ. "Умный как Вудка" — эту фразу, произнесенную без тени иронии, я слышал неоднократно от своих коллег.

Весной 1967 года туристическим клубом Рязани был проведен конкурс туристской песни. Выступали, в основном, рязанцы. Были и приезжие, среди них и мой младший брат, 19-летний Аркадий, который спел первый раз свою, теперь уже довольно известную, песню "Аутодафе". В зале среди слушателей сидел и Юрий Вудка. Мне неизвестна его реакция на "Аутодафе", но вот по поводу моего исполнения "Бабьего Яра" (Евтушенко/Дулинского?) он выразился, что, мол, я пою ее слишком пессимистически. (Напомню, что дело было незадолго до 7-дневной войны Израиля с арабскими соседями). Я совершенно забыл об этой короткой беседе (тогда к нам, участникам конкурса, подходило много народу). Мне о ней напомнил 3 года спустя участник группы Вудки Евгений Владимиров, студент Рязанского пединститута, когда я собирал для "Хроники текущих событий" информацию по "делу Вудки".

Сейчас, 30 лет спустя, когда я вновь возвращаюсь к тем событиям, я думаю, что Юрий никогда не забывал, что он еврей, как не забывал это и Шимон Грилюс. Семидневная война не могла не усилить его чувства причастности к народу Израиля, если даже я, русский человек, воспринимал тогда победу армии Нагана как собственную победу. В тот вечер последнего дня семидневной войны, когда стало ясно, что война выиграна, мы — я и группа студентов МЭИ, находившихся на производственной практике в нашем НИИ, — сели в автобус и до часу ночи мотались на нем по городу, пели под гитару русские и еврейские песни, праздновали победу. Ведь это был 1967 год. Еще не было ни августа 68-го, ни арестов Якира и Красина, ни травли Сахарова, ни высылки Солженицына. Все это было впереди...

Интервенция советских войск в Чехословакию 21 августа 1968 года застала меня в горах Кавказа. Случившееся буквально

потрясло. Я не столько был убит подлым и наглым поведением советских руководителей, сколько практически полным равнодушием подавляющей массы советских людей. Стало также очевидным, что суд над Гинзбургом и Г. Лансковым (январь 1967 года) — это не рецидив сталинизма, а норма сегодняшнего (и завтрашнего) дня. Немедленно возник вопрос: что делать? Было ясно, что эта власть — “не моя, и мне враждебная”. Так что, стало быть, ее надо менять? А как? И кто будет менять? и на что менять? Голова пухла, требовались собеседники, которых бы также волновали подобные вопросы. И, главное, нужны были идеи.

Одна идея-подход уже формировалась среди московских, в основном, диссидентов. Их рассуждения, услышанные по “голосам”, я понимал примерно так: “Раз власти сами, вопреки собственным заверениям, не только не движутся в сторону демократизации общества, но и душат ее любые проявления и зачатки, значит, за это должны взяться сами граждане. Если мы будем практиковать, явочным порядком вводить в свою и в общественную жизнь элементы правового общества, “приучать” общество к ним, тем более что все это даровано Конституцией СССР, то, что вчера было прецедентом, сегодня станет “де-факто”, а завтра — “де-юре”. А что может сделать с нами власть? Только давить незаконным способом, ибо мы не нарушаем и не собираемся нарушать советские законы. Вот тут-то и выяснится, кто действует легально, а кто нелегально”.

Вот так, примерно, я понимал услышанные по “голосам” выступления Литвинова, Богораза, Вольпина, а затем Чалидзе, Твердохлебова и других. Их первейшим и основным требованием была — гласность. Этих людей стали называть правозащитниками.

Однако, правозащитной “философии” мне было недостаточно. Как совершенно справедливо писал позднее Буковский в своих мемуарах (да и каждый из нас это знал), — народ в своей массе не понимает, что это такое — “права человека”. Вот слово “правда” он понимает. Поэтому на вопрос, за что посадили, Буковский отвечал: “За правду”. А в те годы, конец 60-х, я воспринимал, как и положено человеку, воспитанному на классическом марксизме, права человека как надстройку, а борьбу за них как важнейшую, может быть, на данном этапе общественную деятельность, но явно не тянущую на политико-философскую концепцию, способную объяснить настоящее и предложить реалистическое будущее. Короче, была необходимость в фундаментальной общественно-политической концепции, без которой невозможно начать серьезную деятельность и тем более “идти в массы”.

Я считал тогда, как и считаю сейчас: демократические реформы могут иметь успех лишь только в том случае, если они идут снизу. Начать, инициировать их можно (а в иных случаях только и возможно) сверху. Но без их продолжения и развития снизу эти реформы вырождаются и ведут к новому разделению нации на управляющих и управляемых, на “верхи” и “низы”. События последних лет в России, где завоевания 88-91 гг. не были использованы для развития действительно демократических общественных (“гражданских”) структур, институтов, подтвердили эту мысль. Точно по такой же причине произошла и бюрократическо-воровская приватизация в экономике, где слабое участие в процессе приватизации гражданского общества (поскольку оно еще практически не сформировалось) позволило

политической и экономической номенклатуре разделить собственность нации между собой.

Возвращаясь в конец 60-х. Размышления на темы “что делать?” толкали меня на поиски если не единомышленников, то хотя бы собеседников. И собеседники, и даже единомышленники, в общем-то, были, но наше “единомышление” не шло дальше констатации известных фактов и тогда уже очевидных истин вроде того, что у власти находится партаппарат, в стране отсутствует свобода слова, печати, собраний, что экономика неэффективна, и т. п. Но вот полной и убедительной концепции, которая не только объясняла ситуацию, но и давала бы рекомендации, что делать — я ни от кого не слышал.

Готовясь к сдаче кандидатского минимума по английскому языку, я стал весной 1969 года посещать группу по усиленному изучению языка при Рязанском педагогическом институте. Там я познакомился со студентом исторического факультета Евгением Владимировым. Сейчас я не помню обстоятельств нашего знакомства, но помню, что мы быстро подружились и довольно скоро перешли на “опасные” темы. Началось все с обсуждения статьи в журнале “Новый мир” (кажется, Гефтера) о бюрократии. Женья говорил очень уверенно: было видно, что он много на эту тему размышлял, хотя информация была, как у всех у нас, из разрешенной и опубликованной в СССР литературы, в основном, из журналов. В то же время Женья показал великолепное знание материалов и документов по истории КПСС — ее съездов, заседаний ЦК. Но его настоящей “библией” была книга Ленина “Государство и революция”. Мне даже казалось, что Женья знает ее наизусть.

Мы скоро сошлись на том, что в Советском Союзе у власти не пролетариат и не “трудящийся народ”, а бюрократия, которая по своему усмотрению и в соответствии со своими интересами, как она их понимает, распоряжается всей государственной и колхозной собственностью. Не было разногласий и по таким очевидным фактам, что в стране отсутствуют элементарные политические свободы, что Советы — ширма для политического всевластия компартии в лице ее аппарата и политбюро, что отсутствует независимый суд, что внешняя политика СССР носит империалистический характер и т. д.

Но вот когда мы перешли к историческим корням “развитого социализма” и вопросам типа “что делать?” и “куда ж нам плыть?”, то выяснилось, что я либо “правый социал-демократ”, либо “либерал”, а он — “ленинец-троцкист”. Подтвердилось, что основополагающим трудом, своего рода “библией” для Владимировой была книга “Государство и революция”, написанная летом 1917. (И даже сегодня, зная, какое значение имела в формировании взглядов членов группы книга Ю. Вудки “Закат капитала”, я уверен, что не меньшую роль сыграли и другие материалы и документы как российской истории, так и западноевропейской.) В то время как я считал Октябрьский переворот ударом в спину демократии и началом формирования тоталитарного государства, Владимиров

Юрий Вудка
ФОТО ИЗ АРХИВА
“ЭКСПРЕСС-ХРОНИКИ”

полагал, что Октябрьский переворот был "прогрессивным" событием, направленным на завершение антифеодальных реформ и создание условий для начала социалистических преобразований. Другое дело, полагал Владимиров, что эта революция не выполнила своих задач, но тому были объективные и субъективные причины. С причинами было не все ясно, по крайней мере, для меня. Но вот любопытное замечание Владимирова: "Страна была культурно и социально (90% крестьян) не готова к социалистическим переменам, и без поддержки Запада социализм построить в России было бы невозможно". Он так и говорил: "Большевики пришли слишком рано. В сущности, это признал и сам Ленин, ибо введение НЭПа, в экономическом смысле, было очевидным антисоциалистическим актом".

Перерождение рабочей (ком)партии в "орден", а советской власти, по мысли Ленина — "антигосударственной" власти, в аппарат насилия над народом, были обусловлены, по мнению Владимирова, и тем, что почти вся наиболее культурная и сознательная часть рабочего класса, рабочие питерских заводов, Москвы, Иванова, — погибла на фронтах Гражданской войны или ушла в управление, став частью бюрократии. Поэтому партию захлестнула мелкобуржуазная волна, приведшая к власти Сталина.

В Жениных доводах я узнавал и рабочую оппозицию 20-го года, и троцкистов 25-28 годов. Даже терминология у Владимирова была троцкистской: "сталинский термидор", "перерождение партии", "государственный капитализм" и т.п. Удивительно, ведь ни он, ни Вудка не имели доступа к произведениям Троцкого, опубликованным за рубежом. Из самиздата мы оба читали лишь "Письмо Раскольникова", которое почти открыто гуляло по стране, но в котором нет ничего из того, что развивал мне Владимиров.

И уж совсем мы разошлись во взглядах, когда встал вопрос — "что делать?" Владимиров не только стоял на большевистских позициях, но и мыслил "по-большевистски". Центральным в наших расхождениях был вопрос, что должно прийти на смену бюрократии и каким образом, каким методом бюрократия убирается от власти. Мы оба считали, что должна произойти децентрализация экономики. Но если я считал, что нечего изобретать велосипед и что примером может служить Швеция или Австрия, то Владимиров полагал, что поскольку капитализм исторически обречен, то надо после того, как власть отнята у бюрократии, отдать в пользование заводы и фабрики их сотрудникам. Я не помню, чтобы мы обсуждали вопрос о купле-продаже земли и средств производства. Глядя назад, я понимаю, что Женья, разделявший, в целом, взгляды, изложенные в книге Юрия Вудки "Закат капитала", должен бы был быть за передачу средств производства в руки рабочих и служащих, но без того, чтобы эти средства стали источником накопления капитала.

Но особенно острые дискуссии у нас возникли по поводу того, как заставить бюрократию "отдать власть". "Бюрократия

Юрий Вудка. 1986 год.
ФОТО ИЗ КНИГИ "НИТЬ АРИАДНЫ",
ИЗД-ВО "ШОФАР" (ИЗРАИЛЬ)

власть без боя не отдаст", — повторял Владимиров снова и снова. Сторонник классового подхода к истории и развитию общества, Женья доводил классовые противоречия до абсурда, как истинный ленинец. Отсюда и возникали абсолютно серьезные рассуждения о работе в армии и подготовке к будущим боям. ("...И за боев грядущих выстрелы спасибо, партия, тебе!" — именно эти строки были в стихах листовки, которую разбросала 20-летняя Валерия Новодворская той же весной 1969 года в театре "Современник". Это что, совпадение?)

Когда в мае 1969 года я получил вызов в военкомат на предмет призыва в армию, Женья удовлетворенно поговаривал, что, дескать, это хорошо, — надо, чтобы больше наших людей было в армии.

Меня очень привлекала законченность, системность взглядов Владимирова. Но меня также и отталкивал их доктринерский, этакий завершено-железобетонный характер. В конструкции, предложенной Владимиром, не было места ни сомнениям, ни возможности изменить что-нибудь: все уже написано Лениным ("Государство и революция"). Мне также было чуждо "черно-белое" (классовое) видение общества и истории, абсолютизация марксистских понятий: надстройка, производительные силы и т.д. (Сегодня я вижу другую крайность, как реакцию на 70 лет марксистского догматизма: игнорирование наследия европейской "гегельянской" социологической традиции. И получается, что социалистические по политической направленности журналы, как например, журнал "За свободную мысль", более глубоки и содержательны, чем многие несоциалистические.)

В конце концов мы перестали обсуждать "острые темы", поскольку стало ясно, что у меня другая ориентация. Скорее всего, по этой причине Женья и не привел меня в группу Юрия Вудки. Я даже сейчас и не припомню, упоминал ли Владимиров до августовских арестов имя кого-либо из группы. Наши общие знакомые — Ярославский, Гиндис — были из пединститута, и в их присутствии мы не вели бесед на "острые темы". (С Борисом Гиндисом я позднее крепко подружился. Он умудрился проскользнуть на суд по делу Вудки, пользуясь удостоверением дружинника, и просидеть там 2 часа, пока его не обнаружили гебисты и не выпроводили. Его информация также вошла в материалы о суде, опубликованные в "Хронике текущих событий". Борис с 1980 года живет в США, в штате Нью-Джерси, мы периодически встречаемся и вспоминаем былое...)

В августе 1969 года по городу поползли слухи об арестах "сионистов". В конце августа я приехал из отпуска и узнал, что арестованы братья Юрий и Валерий Вудки, неизвестный мне Олег Фролов и мой старый знакомый Шимон Грилос. Других имен я не припомню. Хотя я в это время усиленно готовился к вступительным экзаменам в аспирантуру Института радиопромышленности в Москве, где 4 года назад делал диплом, я все же зашел в общежитие пединститута. Там нашел Бориса Гиндиса, который мне сообщил, что на допросы таскают массу

студентов, в том числе и Владимиров. Кажется, мы тогда же встретились с Владимировым, но, насколько я помню, никаких деталей допросов в КГБ он мне не рассказывал. Да я особенно и не настаивал, понимая щекотливость ситуации. Однако, я решил для себя, что если меня вызовут на допрос или беседу, то буду молчать и отказываться от каких-либо бесед. Именно тогда я решил для себя (не исключено, что под влиянием материалов суда над Гинзбургом и Галансковым) относиться к КГБ как нелегальному "институту", не имевшему юридической силы.

В конце августа или в начале сентября в нашу комнату, в общежитие НИИГРП, поселился гражданин лет 35, служащий НИИГРП. Он имел прописку и жилье под Рязанью, но ему почему-то дали койку в общежитии. Буквально через несколько дней после его вселения я обнаружил на своей книжной полке несколько журналов "Чехословацкое фото" за 1968-1969 гг., с портретами Дубчека, Смирковского. Многим было известно, что я следил за событиями в Праге, читал "Руде право", переживал за чехскую революцию. Но чтоб такой подарок! Я, конечно, поблагодарил новенького, а он мне тут же стал рассказывать о своем приятеле, следователе из Саратова, который ведет дело некоего Олега Сенина, тоже следователя, арестованного "за политику". "Тебе, наверное, было бы очень интересно о нем знать", — говорил мне этот любитель Цисаржа и Смирковского, — "он тоже, как и ты, интересуется историей и политикой и такие интересные идеи высказывает!"

Я до этого не слышал об Олеге Сенине, но понял, что он имеет какое-то отношение к арестам в Рязани, и поначалу выразил сдержанный интерес. Новый жилец с увлечением рассказывал подробности бесед следователя с Сениным, о том, какой этот Сенин умный и образованный. Но вот что любопытно: сосед утверждал, что Сенин якобы все сам рассказывает и что скорее всего ему "ничего не будет".

Не знаю, зачем этот театр нужен был КГБ. Может, показать не арестованным (пока?) и сочувствующим не членам группы, что, мол, "не бойся, иди сам в ГБ и все расскажи, и тебе ничего не сделают"?

Вообще-то я допускал, что возможны какие-то репрессии просто "за треп". Примерно в те же сентябрьские дни ко мне подошел мой коллега по работе, член партии, имевший дружеские отношения с кем-то из партийного начальства, и в чьих добрых чувствах ко мне я не сомневался. Он отвел меня на какую-то глухую улицу и бледный, с испуганным лицом, шепотом заклинал меня "немедленно уехать из Рязани", так как меня могут арестовать из-за каких-то "страшных знакомых". Я его поблагодарил, но сказал, что никаких у меня таких знакомств нет. А если критикую пережитки культа личности или интервенцию в Чехословакию, так в этом нет криминала, это все западные компартии критикуют.

Мои соседи по комнате мне несколько раз выговаривали: "Ты что с ним трепешься? Он же сексот! Его к тебе подсадили!" Дело кончилось тем, что в том же сентябре, в день полочки, эти же ребята крепко побили провокатора, и тот исчез из общежития.

В октябре 1969 года я стал собирать документы в аспирантуру, в их числе была характеристика из НИИГРП. Начальник отдела, секретарь комсомольской организации быстро поставили свои подписи. Секретарь парткома, Фофанов, уже было занес

перо для подписи, как раздался телефонный звонок. Фофанов снял трубку, поговорил с минутой, и его рука зависла над характеристикой. Просидев несколько секунд в замешательстве, Фофанов произнес что-то невнятное, вернул мне не подписанную им характеристику и попросил зайти позднее. Я понял, что ни подписи, ни печати мне не видать. Тогда я отвез в аспирантуру Института радиопромышленности характеристику из того отдела НИИГРП, где я работал. В аспирантуре немного покривились, но в конце концов характеристику приняли. Я успешно сдал вступительные экзамены и был принят в аспирантуру. Въехал в общежитие института, заполнил форму для получения допуска секретности (2-я форма) и стал ждать его получения. Зная о строгих требованиях к анкетным данным, я мало надеялся на то, что мне дадут 2-ю форму, из-за "опасных" знакомств или из-за позиции по чехословацкому вопросу.

В феврале 1970 года в Рязанском горсуде, через 7 месяцев после арестов членов группы, состоялся суд. Результаты его хорошо известны: четверо получили лагерный срок от 3 до 7 лет, а двое, Заславский и Мартимонов, — условное наказание и были освобождены из-под стражи. Владимиров среди осужденных не было, как не было и многих других, знакомых с "Законом капитала" и знавших о существовании группы. Их не посадили, но исключили из института, аспирантуры, комсомола. Это "пятно" они будут нести всю оставшуюся жизнь. И многие из них выберут путь героя песни Александра Галича: "Мне одна теперь дорога. Мне другого нет пути. Где тут, братцы, синагога? Подскажите, как пройти!"

В середине марта 1970 года, через три месяца после заполнения анкеты на допуск, меня вызвали в отдел кадров Института радиопромышленности. Там, в присутствии двух сидевших скромненько граждан в штатском, мне сообщили, что меня исключили из аспирантуры, поскольку у меня нет характеристики из НИИГРП. На мое возражение, что отделу кадров и аспирантуре об этом хорошо известно и что они могли меня об этом поставить в известность ранее, последовал ответ, что произошла ошибка, а зав. аспирантурой наказан. "И вообще, — добавил зам. директора по кадрам, — ваш научный руководитель Бродский не в состоянии осуществлять над вами научное руководство". И показал мне бумагу с подписью моего руководителя. "Так дайте мне другого руководителя", — потребовал я. — "Другого нет." Поняв, что ничего от них не добьешься, я поехал к Бродскому и спросил, в чем дело. "Мы тут ни при чем. Ты же сам понимаешь. Мы ничего сделать не можем. Езжай в Рязань, там все и выясняй." А потом добавил: "Ты уж так не переживай. Ты русский. Через пять лет тебе форму восстановят".

Вот так закончилась (не начавшись) моя работа по созданию маскировочной плотной плазмы вокруг советских ракет, летящих на американские военные объекты. А кто знает, сколько было таких "поповых и абрамовичей"? (Павел Абрамович ушел из этого же института в 1969 году, подал на выезд в Израиль и сидел "в отказе" до 1987 года.)

В марте того же года я познакомился с правозащитником Борисом Ефимовым. Я ему рассказал о рязанском деле, назвал фамилии арестованных, полученные сроки и название книги Вудки. Эти сведения и были опубликованы в "Хронике текущих событий" №12.

Борис посоветовал мне съездить в Рязань, узнать детали моего "личного дела", а заодно и привезти более подробные

сведения о "деле Вудки". Он и Чалидзе слышали о рязанских и саратовских арестах. (Осенью 1969 года невеста Юрия Вудки приходила за советом к Валерию Чалидзе). Но достоверной информации о деле не было. Так что в конце марта я поехал в Рязань.

Я не сразу нашел Владимирова, его к тому времени исключили из пединститута и в общежитии его уже не было. Но студенты помогли мне найти его. Он снимал койку где-то в районе улицы Свободы и работал кочегаром. Он мне очень обрадовался, т. к. боялся, что с ним не будут общаться: все сели, а он не сел, да к тому же давал показания. Женя искренне считал, что и я был допрошен и тоже "раскололся". "Почему ты так считаешь?" — спросил я его. — "Но ведь "они" знали такие детали наших встреч, которые мог знать только ты". Значит, уже весной 1969 года, задолго до "явки с повинной" Заславского, как это утверждается следствием, они следили не только за основными членами группы, но и за такими, как Владимиров. Чего же тогда стоят "явка с повинной" и "добровольные" показания Заславского и Мартимонова?! Ведь даже из материалов дела видно, что показания обоих написаны на одной и той же бумаге одними и теми же чернилами!...

Мы долго бродили с Женей по камышам в пойме Оки. Он мне все аккуратно рассказывал: и про свой обыск, и обыск на квартире родителей в Ряжске, про допросы в КГБ и детали суда. Сообщил имена адвокатов, судьи и прокурора. И хотя некоторые из сведений были и до и после встреч с Владимиром сообщены другими (например, Борисом Гиндисом), основная информация была представлена Евгением Владимировым. Так возник документ о рязанском процессе в "Хронике..." № 14. И автором его надо считать Евгения Владимирова.

В конце нашей долгой прогулки я спросил Женю, почему он и другие покались и что он думает сейчас о своих тогдашних идеях и о концепции, изложенной в "Закате капитала". "Наше

Олег Попов — гость журнала "Карта". Рязань. 1997 год.
ФОТО С. РОМАНОВА

дело было проигранным с самого начала, — ответил Женя, — потому что мы пришли рано".

Остается добавить, что допуск мне уже никогда больше не оформили. Я в конце концов устроился в Московский госуниверситет, на физический факультет, где в 1977 году защитил диссертацию по физике плазмы. Но уроки "дела Вудки" для меня не прошли даром. Я стал заниматься деятельностью, которую считал оправданной и приемлемой для себя и в идеологическом, и в моральном отношении — правозащитной деятельностью, которая привела меня в конце концов в эмиграцию. Но это уже другая история...

БОСТОН

Рязанское историко-просветительское и правозащитное общество "Мемориал" и редакция Российского исторического и правозащитного журнала "Карта" извещают всех заинтересованных лиц, что в результате шестилетнего журналистского расследования событий, связанных с т.н. "рязанско-саратовско-петрозаводской группой", установлено следующее:

— Несколько человек, имевших близкие контакты с членами группы, сотрудничали в то время с Комитетом госбезопасности (КГБ). Имена их по ряду причин не оглашаются, но эти люди известны журналистам "Карты".

— Члены рязанской группы Евгений Мартимонов и Семен Заславский были, в результате спланированной ГБ провокации, необоснованно обвинены некоторыми участниками событий в предательстве. В результате в "Хронике текущих событий" №№ 12-14 появилась искаженная информация о рязанской группе. К сожалению, эта информация продолжала перепечатываться со ссылкой на ХТС как в отечественных, так и в зарубежных средствах массовой информации и исследовательских работах.

— Журнал "Карта" ответственно заявляет, что ретрансляция подобной информации, опровергнутой в результате тщательного независимого расследования, будет, по существу, являться распространением клеветы.

— "Карта" и рязанский "Мемориал" сердечно благодарят всех, кто помог в восстановлении доброго имени людей, чья жизнь была поломана репрессивной машиной советской власти.

Валерия НОВОДВОРСКАЯ

По ту сторону отчаяния

**Я, юный
антисоветчик
Советского
Союза...**

Только сейчас, десятилетия спустя, я поняла, что я из одного теста с Павкой Корчагиным, как я от него ни отрекаюсь. Все-таки КПСС, вопреки своим собственным интересам, удалось воспитать из меня настоящего коммуниста, хоть и с антикоммунистическим уклоном. Теперь до меня доходит, что конфликт между мной и эпохой заключался отнюдь не в том, что я была человеком Запада, а все остальное принадлежало советской действительности и тяготело к большевизму, а как раз в том, что я была законченной большевичкой, а так называемая застойная действительность — сытая, вялая, более частная, чем общественная, тяготела к Западу гораздо больше, чем я. Ведь что такое Запад? Это приватность, спокойное, растительное существование, осложняемое разве что личной борьбой за совершенствование в своем деле. На Западе необязательно каждый день идти на бой за жизнь и свободу. Там можно просто жить, а не бороться. Если спросить у американца, во имя чего он живет, он посмотрит на вас, как на бежавшего из ближайшего сумасшедшего дома. Зато большевик с ответом не затруднится. Он скажет, что живет, зажатый железной клятвой, во имя победы мировой революции.

Моя трагедия заключалась в том, что я родилась слишком поздно, когда СССР проиграл Западу в своей "холодной войне", и не в силу отставания по количеству мяса, яиц, молока и баллистических ракет на душу населения, а в силу человеческой природы. Байрон это так объясняет: "Вечный пламень невозможен, сердцу надо отдохнуть". Маяковский объясняет ироничнее, но доходчивее:

"Шел я верхом, шел я низом,
строил мост в социализм,
перестроил, и устал
и уселся у моста.
Травка выросла у моста,
по мосту идут овечки,
мы желаем — очень просто! —
отдохнуть у этой речки."

Валерия Ильинична Новодворская.

ФОТОАРХИВ "КАРТЫ"

Советский народ с 1957 года (в этот момент я с ним впервые соприкоснулась на уровне первого класса школы) и до конца девяностых годов — это очень западный, в смысле своих частных установок, народ. И если бы в 70-е годы я задала вопрос рядовому советскому гражданину, во имя чего он живет, он посмотрел бы на меня примерно так же, как и американский (если бы дело происходило в частной беседе без партсекретаря и габешника из первого отдела). Анекдот гласил, что социализм — это когда всем все до лампочки. Я же не могла

предположить, будучи верным последователем Софьи Перовской, Александра Ульянова и Германа Лопатина, что всем все до лампочки именно при капитализме и что это и есть нормальный порядок вещей! Если бы я родилась где-то в 1917-м или даже в 1905 году, никакой трагедии бы не было. "Оптимистическая трагедия" Вишневского — это же пастораль! Разве умереть от руки врагов на руках друзей — это несчастье? Это же мечта каждого настоящего большевика, и здесь я большевиков понимаю и с ними солидаризируюсь.

Попытка пойти против течения в 20, 30, 40-е годы не привела бы меня к личной трагедии. ВЧК или НКВД действовали оперативно и радикально. Причем обе стороны были бы довольны: НКВД уничтожил бы одного подлинного врага народа среди мириад мнимых, а я бы обрела судьбу из моей любимой (до сих пор!) песни: "Ты только прикажи, и я не струшу, товарищ Время, товарищ Время". Уже одна только любимая песня меня выдает с головой. Павке Корчагину она бы пришлась по вкусу... И вкусы-то у нас одинаковые! То ли сработали гены прадедушки — старого эсдека, основателя смоленской подпольной типографии, уморившего своим беспутным поведением отца-дворянина, помещика и тайного советника, и женившегося в Тобольском остроге на крестьянке, получившей образование и ставшей революционеркой; то ли сказались хромосомы дедушки — старого большевика, комиссара в коннице Буденного; а может быть, сыграл свою роль и пращур из XVI века, Михаил Новодворский, псковский воевода при Иоанне Грозном, убитый на дуэли князем Курбским за

попытку встать на дороге, не дать уйти в Литву (однако не донес по инстанциям!)... Словом, мои мирные родители взирала на меня, как на гадкого утенка. Однако, мой большевизм был абсолютно неидеологизированного характера. Белые мне нравились не меньше красных. Главное — и те, и другие имели великую идею и служили России. Революционеры Павкиного склада сами делали свой выбор. За них не решал никто. Поэтому мое представление о свободе ими не оскорблялось, так же, как и героями войны — и гражданской, и Отечественной. Я очень рано поняла, что самопожертвование и сакральная идея — стержень бытия. Конечно, в другую эпоху я непременно сбежала бы то ли в Испанию, то ли в Трансвааль, а на худой конец — юнгой в кругосветное плавание. И если я задыхалась от ненависти с 10 лет, читая в “Юности” разглагольствования о целине, то только потому, что идея героического долга там профанировалась до нудного землешествия и слишком отдавала коллективом.

Может ли большевик быть таким степным волком, индивидуалом-одиночкой? Считается, что нет, что большевик — существо стадное. Но мой пример опровергает эту аксиому. Мой индивидуалистический большевизм привел меня еще в детстве к полному одиночеству и асоциальному поведению. Мне еще предстояло узнать, что рожденный свободным рождается и чужим. Но я, наверное, производила на взрослых престранное впечатление. (Дети со мной просто не общались.) Говорила на равных, делала только то, что хотела. Наверное, только уровень знаний спасал меня от исключения из школы. Я ни разу не мыла класс, я не дежурила, я не проходила школьную практику, не ездила на сельхозработы, не занималась производственным обучением (в аттестате у меня прочерк). Я не играла на переменках, не научилась танцевать, занималась по университетским учебникам. Списывать, правда, давала, но с видом крайнего презрения. Ни один Онегин или Печорин не был таким лишним человеком, каким росла я. Меня ненавидели пламенно и страстно, но мне это даже нравилось. Мое царство было не от мира сего. Окружающие решительно отказывались меня понимать. Они думали о зарплате, о новой мебели, о коврах, в крайнем случае, о науке. Я же никак не могла найти случай совершить подвиг. Я еще не знала, что советская жизнь — единственная жизнь, в которой нет места подвигам.

Моим любимым чтением была фантастика, усиленная романами о революции. Степняк-Кравчинский вместе с “Отверженными” и “93-м годом” Гюго были настольными авторами. Я очень рано стала примериваться, где бы поставить свою баррикаду. Надо мной летали Буревестники, а “Песню о Соколе” я выучила наизусть еще до школы, читая с пяти лет. Теперь-то я понимаю, что мы с Александром Грином любили одни и те же книги. Фенимор Купер, Гюстав Эмар, Майн Рид, Вальтер Скотт... Все это странным образом перемешивалось с Ибсеном, Байроном и биографиями Плутарха. Так же, видимо, воспитывались юные Володя Ульянов и Коля Бухарин с Левой Троцким, но в шестидесятые годы это был большой нестандарт.

Лет до двенадцати я мечтала стать пиратом (вскормлена на “Одиссее капитана Блада”), а потом, “встретившись” с Рихардом Зорге, — разведчиком. (Конечно, советским, а не агентом ЦРУ.) 1956 год для меня в детстве мало что значил, никаких диссидентов в моем окружении не было. Зато ранний Фидель Кастро, казармы Монкада и Сьерра-Маэстра были для меня

большой приманкой. Вы скажете, что такой характер не мог быть ни добрым, ни милосердным? Не скажите! “Жестокость” Павла Нилина, наверное, была списана с натуры, и такие Веньки Малышевы в 20-е годы в глухих уездах, подальше от чрезвычайек, водиться могли. Не удивительно, что меня в 14 лет понесло в комсомол, в котором я не нашла никакой революционной романтики, но который, в отличие от Троцкого, я всерьез намеревалась переделать изнутри то ли в роту королевских мушкетеров, то ли в бригаду неуловимых мстителей. В 15 лет я обивала пороги райкомов и военкоматов, требуя послать меня во Вьетнам (мне был глубоко безразличен вьетнамский социализм, но вьетнамцы, с моей точки зрения, были слабее, а “Дон Кихота” к 1965 году я уже прочла и усвоила). Наверное, явись перед секретарями и военкомами Летучий Голландец, они были бы меньше удивлены. Они явно не знали, как меня сплавить с рук. Готовясь к карьере разведчика, я плавала, ходила в турпоходы, занималась греблей, альпинизмом, стрельбой, фехтованием, прыгала с парашютом. Спортсмена из меня, правда, не вышло. Скверное зрение и скверное здоровье вполне подходили для тихони-отличницы, но не для будущего супермена. Спортивных данных у меня не было никаких, и если у меня что-то получилось (в плавании и альпинизме), то на одной спортивной злости.

Пять томов мушкетерской эпопеи Дюма были зачитаны до дыр, а французскую экранизацию я смотрела 25 (25!) раз. К тому же на экраны где-то в 1965 году вышел американский фильм “Спартак”. Его я смотрела 15 раз. Уже в 15 лет у меня не было сомнений: надо или сражаться с гвардейцами кардинала, или поднять восстание рабов. Естественно, что, когда я в 17 лет узнала, что у власти в моей собственной стране как раз гвардейцы кардинала, а вокруг одни сплошные рабы, я не стала проливать слезы, а сочла это подарком судьбы. Собственно, я получила тимуровское воспитание (не размениваясь на помощь старушкам). Я не жалею о нем и не отрекаюсь от него. Мне и сейчас дедушка Гайдар ближе и понятнее внука. Если люди делятся на мужей совета и мужей войны, то я, бесспорно, принадлежу к последним.

Не следует думать, что к 1967 году я плохо знала Чехова, Достоевского, Гаршина, Тургенева. Я их отлично знала, но не считала своими. Это было “чуждое мне мировоззрение”. Рефлексии во мне было не больше, чем в д’Артаньяне или в Робин Гуде. И сейчас, когда я пишу эти строки, эти фольклорные личности для меня важнее и роднее братьев Карамазовых, князя Мышкина и Лаевского с Ивановым. Ну и Бог с ним!

Спасибо большевикам за мое гражданское воспитание. В сущности, они восстановили в России культ добродетелей Рима: Отечество, Честь, Долг, Слава, Мужество. Со щитом или на щите — и никаких сантиментов. Человек и гражданин — это синонимы. Хорошо бы это осталось нам на память об СССР, но ведь даже в 1965 году такие идеи были уже антикварнатом. А печально знаменитый Павлик Морозов ничем не хуже консула Брута, казнившего своих сыновей за попытку реставрации царской власти. А Тарас Бульба, а Маттео Фальконе из новеллы Мериме? Казни мне претили (со времен капитана Блада я усвоила, что убивать можно только в бою, а безоружного нельзя и пальцем тронуть, и мои милые мушкетеры только укрепили меня в этом убеждении. Странно, но идею Добра я постигала через воинский кодекс чести). А

гражданину место было или на форуме, или в легионе. Мне это подходило. Люди такого типа только и могли бы разрушить СССР и дать России новый идеал, и если не произошло ни то, ни другое, то только потому, что таких людей было мало. Я знаю, что это давно не модно, но что “Россия, Лета, Лорелея” — сначала, а приватное — потом, навсегда останется моим твердым убеждением. Клины выбивают клином. Фашистов изгнали, в основном, коммунисты, которые были не лучше. Я всегда предпочту самого последнего коммунистического фанатика самому милейшему интересанту-обывателю. Можно переубедить и сделать антисоветчиками и Павку Корчагина, и тимуровцев, и молодогвардейцев, но я не берусь ничего доказать брокеру с приличным доходом в свободно конвертируемой “капусте”, ибо в его системе координат нет ни “жизни за царя”, ни жизни за республику, а есть просто жизнь — нейтральная и неприсоединившаяся, как девица с панели...

“Да сгинет день...”

Один чистый и пламенный фанатизм никогда и никого не доводил до добра. Не довел бы и меня, язычницу, еретичку и большевичку, если бы, на мое счастье, к моему неистовству не примешалась темная струя вины. 1968 год грянул как труба Страшного суда. Когда я увидела реакцию окружающих интеллигентов, только тогда я поняла, насколько растоптана моя страна. Они радовались чужой свободе, взлету Чехословакии как чему-то для них навсегда недостижимому (с оттенком чувства “пусть хоть кто-то поживет...”). В этой радости было столько усталой покорности судьбе, что становилось жутко. С каким ужасом я читала все “последние предупреждения” Дубчеку! Вторжение было селекцией. Все вокруг разделилось на два лагеря: одобряющих и негодующих. Первые становились навеки чужими, вторые были свои. Конечно, это было мое впечатление: не у всех на этом сломалась жизнь. Когда ухаживающий за мной мальчик с телевидения что-то сказал мне насчет “консолидации нашего общества после Чехословакии”, я вырвала руку прямо на улице и ушла и никогда больше не отвечала на его звонки.

Мои планы из области теории становились насущными. Зло не относилось к области сталинских преданий, не упокоилось в колымской земле, оно и сегодня терзало, ломало хребет, казнило и мучило тех, кто дерзнул быть свободными. “Так жить нельзя” — не вообще кому-то, а мне лично нельзя жить, потому что это — мои танки. Этого хватило на то, чтобы все время, оставшееся до моего ареста (с небольшим год), я провела, как на сковородке в аду, угрызаясь денно и нощно, проклиная себя за каждый кусок и каждый глоток, за каждый лишний день, проведенный не в тюрьме. Прага преследовала меня, как наваждение. Я, видимо, совсем не годилась в христианки, потому что не могла выносить чувство вины. Хотелось содрать его с себя вместе с жизнью, как хитон Деяниры.

В августе, в 20-х числах, меня не было в Москве, и на свою Сенатскую площадь я безнадежно опоздала: семерка диссидентов вышла на Красную площадь без меня. Впрочем, будь я в Москве, они вряд ли меня бы позвали, и не потому, что не знали (хотя и это тоже), но еще и потому, что мое революционное настроение не вызвало бы одобрения не у Павла Литвинова, ни у Ларисы Богораз. Мы не поняли друг друга даже в восьмидесятые, не то что в шестидесятые. Я бы, конечно,

увязалась, но с очень крутым лозунгом и, пожалуй, добавила бы 70-ю статью к их 190 1,3. Мое стремление делать оргвыводы — “Карфаген должен быть разрушен!” — очень раздражало старшую диссидентскую генерацию. Но в 1968 году я ничего этого не знала и не уставала себя проклинать еще и за то, что кто-то пошел на это без меня (в своем самомнении я считала, что со мной было бы легче). В гибели Яна Палаха я тоже винила лично себя. В августе 1968 года я стала настоящим врагом партии, государства, армии, флота, ВВС, Варшавского блока. Я ходила по улицам, как подпольщик на оккупированной территории. Именно тогда я решила, что за все эти дела (про Будапешт я тоже успела узнать) есть только одна мера наказания — разрушение государства. И сегодня, когда оно полуразрушено и лежит в крови и пыли, когда гибель его вместе со всем народом кажется весьма вероятной, во мне нет ни жалости, ни раскаяния. Да сгинет день, в который СССР родился! Пусть он станет нам всем братской могилой, но не вернется с кладбища ночью, как вурдалак, чтобы сосать кровь у еще живых, в СССР не бывших — или недолго проживших и, как Балтия, имеющих шансы спастись.

Грохот танков в Праге на год пробудил интеллигенцию: невозможно было спать, когда под гусеницами корчилась и стонала чужая окровавленная воля. Но круги по воде перестали расходиться довольно скоро: вечный полюс снова все заморозил, даже крик на губах. Про “Хартию-77” мы узнали слишком поздно, уже в восьмидесятых, да и оставалось до нее больше восьми лет. В это время я уже писала скверные стихи; Прага меня довела до того, что я даже обокрала Цветаеву, заменив все, кроме размера и стиля.

“Мокнут день и вечер,
Лист газетный белый...
Ненавидеть нечем:
Все переболело.
Вновь к привычной роли,
В старые невзгоды,
Двадцать лет неволи,
Двести дней свободы.”

Хорошо еще, что в многочисленных бумагах, которые я заполняла перед поступлением в ИНЯЗ им. Мориса Тореза, не было вопроса: цель поступления. А то пришлось бы указать: революционная борьба...

Я вырываю томагавк войны

К 1968 году КГБ уже позволял себе роскошь не карать за мыслепреступления. Оруэлловская классическая ситуация была сильно разбавлена приватной ленностью и попустительством. Саблезубая большевистская кисанька наелась, и больше в нее не лезло. Вы могли тихо ненавидеть систему, и ничего. Суть этой тихой и “гуманной” эпохи “застоя” лучше всего выразил прокурор на процессе Сергея Ковалева где-то в семидесятых: “Нам все равно, какие у человека мысли. Главное — это то, чтобы он не высказывал их вслух”. Поэтому не пришли и не забрали. Для ареста надо было подсуеиться.

В ИНЯЗе вербовать желающих войти в подпольную организацию было сложно: старшекурсники еще помнили историю Саши Б., выпускника с отделения математической лингвистики, который в августе 1968 года написал обращение-извинение за подлость советского правительства, адресованное

чехословацкой общественности, и оставил его, не успев еще передать, в портфеле (кейсов тогда не было) во время практики в "Интуристе". Девочка-сокурсница полезла туда за яблоком, увидела обращение и... передала его ближайшему дежурному гэбисту. Сашу не арестовали. Дело передали в комсомольскую организацию. Его курс (все его приятели), разделявший в основном его взгляды, проголосовал за исключение из комсомола и рекомендацию ректорату отчислить из института (за два месяца до диплома!). Разбирательство происходило не в нашем здании, а в помещении переводческого и английского факультетов на Метростроевской. Увидев единодушно поднятые руки, Саша закричал, что он не может больше жить, выбежал на Крымский мост и бросился в воду. На его несчастье, его выловили оттуда. Никто из студентов ИНЯЗа не знал, что с ним сделали. Один талантливый мальчик из нашего латинского кружка, на втором курсе уже писавший будущую диссертацию, встретил его на улице и не посмел спросить, что с ним делали: очень уж плохо Саша выглядел. Однако всем было ясно, что делали с ним что-то страшное. При нашем тогдашнем уровне осведомленности никто не догадался, что это страшное — психиатрический вариант. Это стало понятно мне только теперь. Только после этого вида истязаний человек выглядит так, что нельзя задать вопрос...

Однако, в новогоднюю ночь 1969 года на студенческой вечеринке в одном аристократическо-номенклатурном доме мне удалось, произнося пламенные речи под замороженное шампанское (которое я даже не попробовала, по своему обыкновению; бедность, целомудрие и абсолютная трезвость тоже делали меня парией в инязовской среде), положить в фундамент антисоветского подполья одного Андрюшу из метростроевского здания (переводческий факультет) плюс еще одного Андрюшу с Сережей из МИМО. Дальше прибавились подпольщики из нашего сокольнического здания ("немцы" и "французы"), кое-какие мимошники и группа из Ленинского педагогического, которой руководили Ира и Наташа. Самое ценное приобретение — группа из Физтеха. Его студенты, особенно из общежития, уже тогда были авангардистами. Например, в октябре 1969 года они ждали конца света, именно в тот день (но не дождались), который был обещан в рассказе Р. Брэдбери "Завтра конец света". Все "подпольщики" были моложе меня на год: мне 18 лет, им по 17.

С самого начала я завела строгую конспирацию: группы не знали друг друга, связь осуществлялась только через меня, что всех и спасло потом, после моего ареста. Все делалось в лучших традициях исполкома Народной воли или той самой бывшей РСДРП, с которой мы собирались бороться: была написана роскошная программа, и минимум, и максимум. У одного из Андрюш брат служил в Кантемировской дивизии, и Андрюша меня клятвенно заверил, что в нужный момент этот самый брат введет танки в Москву и захватит Кремль.

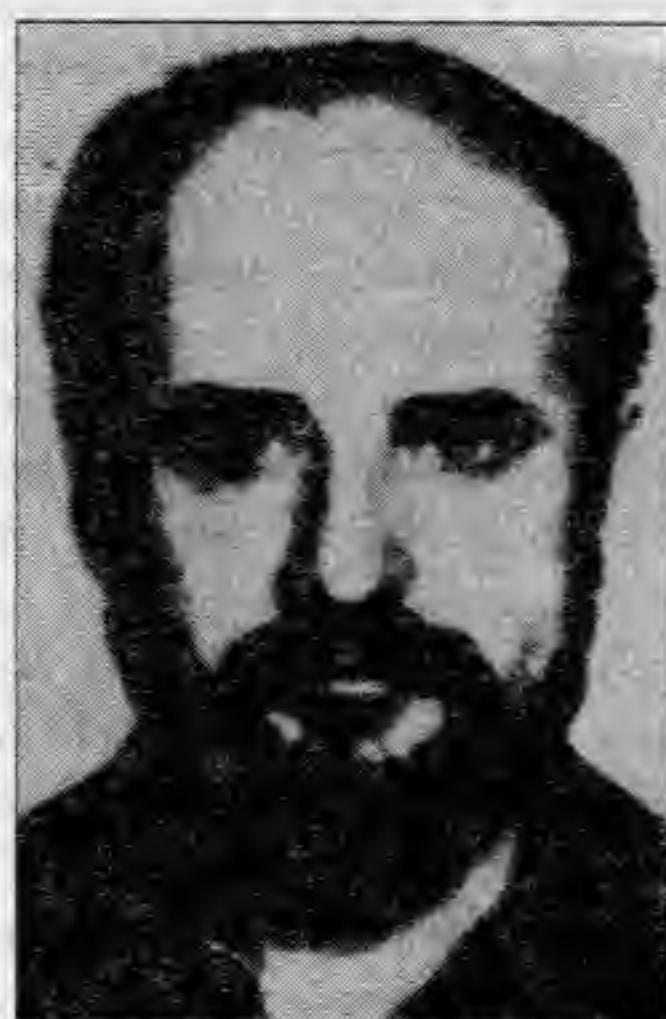
Студенческий кружок с самого начала приобрел характер игры в военный заговор. Программа-минимум предполагала подпольную революционную деятельность: листовки, самиздат, покупку оружия, захват арсеналов (sic!), массовое движение Сопrotивления (мой любимый антифашизм). Программа-максимум начиналась с народного восстания против КПСС, вооруженного свержения власти с помощью армии, перешедшей на сторону революции, и установления западной демократии.

Интересно, что я в 18 лет все-таки понимала, что это все чепуха, дела далекого будущего, что реально мы сделать это не сможем, а можем лишь распространять листовки и самиздат, программы же пригодны на то, чтобы "бросить вызов" и "возвестить". Мои коллеги по подполью, по-моему, играли совершенно искренне, собираясь расклеивать листовки с пистолетами за пазухой. Я им не мешала играть, потому что считала, что мы все пойдем на смерть; имеют же они право на маленькие развлечения по дороге?

Была написана куча антисоветских памфлетов (конечно, в основном мной); к этому времени я настряпала множество антисоветских стихов, один преступней другого, не считая воззваний и манифестов. Это все была глубоко самобытная и отечественная продукция, плод близкого знакомства с римской и греческой историей, а также с теорией и практикой народников, декабристов, народовольцев и ранних большевиков. Никто из нас ни разу не видел живого диссидента и не слушал "голоса". Всю нашу продукцию мы интенсивно распространяли в своих институтах среди студентов и наиболее милых нам преподавателей. И никто не донес! Мы родились в рубашке.

Нашу ближайшую перспективу я честно обрисовала членам организации, которая называлась "Союз борьбы" (потом — "Антифашистский союз борьбы"): арест, пытки, расстрел. Мне казалось, что такая перспектива вполне улыбается моим коллегам (ведь мне она улыбалась!). Интересно, что УК РСФСР я читала, но не поверила, что за такую деятельность по статье 70 могут дать всего 7 лет лагерей и 5 лет ссылки: здесь явно крылось что-то еще, что-то более крутое. (И в самом деле, УК — это было еще не все, но если бы я знала, что именно!) Преподаватели были в ужасе, хотя и одобряли идеи. Они все время пытались меня отговорить; наверное, я вела себя, как Красная Шапочка, не желающая ничего знать о существовании волков (Шарль Перро не предусмотрел варианта, при котором Красная Шапочка полезет в пасть к волку сознательно, по идейным соображениям). Я им возражала, что хочу посеять семена протеста. Умные преподаватели как в воду глядели, они вздыхали и предупреждали: "Вы не посеете ничего". Но кто мог знать, что единственное, что можно сделать реально, — это погубить себя и еще нескольких человек, что на этой почве ничего не произрастет, кроме терниев и чертополоха, что это место будет пусто? Такие вещи лучше узнать позднее; в 19 лет это знание может убить. Отчаяние должно прийти в зените жизни, когда ум созрел, а сердце окрепло; только тогда оно не остановит, и можно будет продолжать драться вопреки очевидности, вопреки здравому смыслу, вопреки истории, эпохе, судьбе. Если бы я в 19 лет знала, что все напрасно, скорее всего я бы устроила на площади самосожжение (а удачных было мало, кончались они теми же арестами и спецтюрьмами), но не бороться бы не смогла. На первых порах неведение благословенно. Теперь я знаю все, но теперь я могу с этим жить в ожидании того счастливого дня, когда наконец-то вызову у своих антагонистов такое раздражение, что мне удастся с этим — и от этого — умереть. Но тогда я не поверила своим мудрым преподавателям, и слава Богу!

Юлий Ким был более удачлив в своих попытках объяснить юным Ире Каплун, Славе Бахмину и Ольге Иоффе, что не стоит распространять листовки. По-моему, несмотря на доброе намерение Юлия Кима, это был большой грех: остановить

Юлий Ким, Ирина Каплун, Вячеслав Бахмин.

ФОТО ИЗ АРХИВА Е. ЗАХАРОВА

жертву у алтаря. Надо молча склониться, благословить и дать свершиться судьбе, если не можешь пойти рядом. Это добровольное отступничество сыграло, по-моему, ужасную роль в судьбе всех троих и сломало их жизни почище всех казней египетских, которые мог обрушить на них КГБ. Мы еще вернемся к этим трем, ибо в Лефортове мы оказались одновременно.

Однако мне было мало того, что мы делали. Я требовала перехода к распространению листовок вне институтов и в больших количествах. Это был уже не пятидесятипроцентный, а стопроцентный риск. И мои коллеги слиняли: у одного нашлась срочная курсовая, у другого — "хвосты". Они стали меня избегать, перестали приходить на встречи. Общение со мной становилось опасным: в четырех институтах обо мне знали фактически все. Я уже ходила в смертниках, а они, должно быть, вовремя опомнились или посоветовались с родителями. Печатать на машинке я не умела, сделать массовые выпуски листовок одна не могла. Надо было что-то придумать. Трусость даже потенциальных противников режима была слишком очевидна.

В это время я зачитывалась пьесами Сартра и Ануя, романами (вернее, эссе) Камю. "Антигону" в театре Станиславского, таганские и современниковские спектакли я смотрела по многу раз. Все они так и толкали меня "подняться из окопа". Я обязана была сказать "нет" этому порядку вещей так, чтобы это услышали по всей стране, иначе не было смысла. По наивности мне казалось, что я кого-то разбужу (декабристов, Герцена, народовольцев). Оставалось завести будильник. У меня возник план своей операции "Трест", не очень честный, но не очень глупый: распространить листовки публично, во Дворце съездов или в другом театре в праздничный день от имени организации Сопротивления, якобы массовой. Дать себя арестовать; на следствии, никого конкретно не называя, рассказать, что есть массовая организация Сопротивления, борющаяся против строя, и что скоро она перейдет к терактам; испугать (sic!) этим чекистов, бросить им в лицо обвинения от имени трех поколений, ими уничтоженных, обличить режим на открытом (святая простота!) суде, добиться приговора к расстрелу, вдохнуть надежду в души людей, умереть по высшей

категории, как мой любимый Феличе Риварес — Овод, — а потом вместо вымышленной организации создадутся настоящие, пойдут как маслята: людям станет стыдно, что они молчат, и все поднимутся. План совершенно не учитывал реальную действительность, а так был всем хорош.

Идея с театром родилась у меня в тот вечер, когда в Театре оперетты из какой-то ложи или с балкона к нам в партер упала программка. Весь мой угол поднял головы, глаза у некоторых жадно заблестели, а один зритель даже сказал вполголоса: "А если бы это было что-то другое?" Я поняла, что люди чего-то такого ждут. Театр — идеальный вариант, можно бросить сразу много листовок, никто не успеет остановить, и разлетятся они тоже идеально.

Решение было принято в октябре 1969 года, день был выбран: 5 декабря — День Конституции. Наибольший эффект обещал Дворец съездов, там огромный зал и в праздничный день дадут что-нибудь идейное (дали оперу "Октябрь"). Оставалось придумать текст. Для одних листовок он был написан в прозе (преступления партии, прелести демократии, задачи Сопротивления, необходимость вооруженной борьбы с коммунизмом, который есть фашизм, приглашение вступать в группы Сопротивления). Подписана эта прелесть была "Московская группа Сопротивления". Текст был достаточно горький, шла речь и о Венгрии, и о Чехословакии. Он был несколько патетичен (в меру), но не был смешон. Отчаяние отучает от пошлого оптимизма, но все-таки уверенность в победе над советским "общественным и государственным" строем там была выражена. (В 1969 году это было уместно, в отличие от 1992 года.) Вторая листовка (их было гораздо больше, процентов восемьдесят) была в стихах...

...Оставалось все это написать под копирку в достаточном количестве. Изготовила я 125 штук. Пачку в 100 листовок можно было кинуть в партер сразу. Я училась разбрасывать листовки всером, они у меня разлетались отлично даже со стола. Были куплены два билета: на 2 декабря и на 5 декабря — на "Кармен" (генеральная репетиция). "Генералка" прошла хорошо. Стало ясно: бросать надо где-то без пяти до начала, когда зал уже полон, но есть свет, бросать из среднего прохода бельэтажа в партер.

Было ли мне страшно? Нет, не было. Я ведь и в аресте, и в пытках, и в казни видела свой долг. Жить было нельзя, бессовестно, невозможно. Но я волновалась, как студент перед экзаменом. Знаешь, что пару не поставят, тройку тоже вряд ли, все выучил, но вдруг 4, а не 5, вдруг не высший балл? А вдруг не дадут бросить? А вдруг арестуют до акции?

Только один раз стало немного жутко: в недрах бывшей ифлийской библиотеки, у нас в Сокольниках, где я разбирала хранилище вместо картошки, куда загнали весь курс, кроме самых дохлых, вроде меня, я откопала 10-томную историю Испании, испанского автора. Я жадно поволокла первый том к выдаче, чтобы записать себе, но вдруг поняла (это был уже ноябрь, 17-18 число), что все 10 томов прочитать не успею. Я как будто заглянула в свой собственный гроб. Но усилием воли выкинула это из головы и взяла Спинозу...

... Лефортово показалось уютным и патриархальным: всюду ковровые дорожки, никаких звуков, бесшумная вежливая охрана, все какое-то ирреальное и бесплотное. Не охрана, а призраки. Не тюрьма, а замок сказочных гномов. Потом я поняла, что дорожки здесь не для уюта, а для конспирации, чтобы создать эффект сурдокамеры или склепа. Лефортово — это преддверие Ада, сумрачный луг, за которым только Стикс. В этом Лимбе действительно встречались мыслители и художники, от Солженицына до Льва Тимофеева, но Данте не предвидел, что они будут сидеть в разных камерах и не смогут беседовать и что их потом потащат дальше, кого в 5-й круг, кого в 6-й, а Лимб — это только зал ожидания. Лефортово — это просто раздевалка перед газовой камерой. Подходит вежливый эсэсовский персонал, объясняет, как сложить вещи, чтобы не перепутать, что сейчас можно будет помыться горячей водой, вон в том зале с тяжелой дверью... И показывают, куда сдавать золотые вещи, которые вернут после освобождения. И отрезают волосы "из гигиенических соображений", а потом сплетут из них абажур...

В отдельном боксе просит раздеться женский тюремный персонал (мужчинам хуже: фельдшер — обычно женщина, для женщины приведут фельдшерицу, а для мужчины не станут искать мужчину-врача); просят раздеться вежливо, без грубости; душ вполне приличный, как в пионерском лагере, но я сразу поняла, что это конец, что отсюда не возвращаются, что это погребение заживо. О достоинстве своих жертв в 1969 году гэбисты заботились мало: у меня отобрали все с железными застежками: пояс, сапоги. Я осталась босиком, в огромных мужских ботинках без шнурков, крючок сзади у платья тоже срезали. Меня это не оскорбило, если в этом была цель (я ведь ожидала, что будут босиком по снегу водить). А вот когда велели в коридоре руки взять назад, это оскорбило, я отказалась и никогда не подчинялась подобным приказам. Предложила надеть мне наручники, если уж они так меня боятся. Хватило чувства юмора не надевать... Мой вид испугал моих следователей. Они устыдились, сапоги приказали вернуть, и, хотя я ничего у них не просила, заявив, что на войне, как на войне, они тут же позаботились, чтобы мне доставили из дома чулки, резинки, одеяния с пуговицами, разрешенные в тюрьме.

Я ожидала, что в Лефортово полно политзаключенных, что кроме политических там вообще никого нет. Кем еще будет заниматься КГБ? Я не знала, что мы, политические, не составляем ежедневное меню охраны, но только лакомство на

десерт. А повседневная пища — завтраки, обеды и ужины — валютчики, крупные взяточники, расхитители. В то время Лефортово со мной делили те самые Оля Иоффе, Вячеслав Бахмин и Ира Каплун, так и не расклеившие из-за Юлия Кима свои листовки. Оля давно на Западе, Ира в 1980 году погибла в автокатастрофе, а Вячеслав Бахмин служит в каком-то департаменте при МИДе, и мне не приходилось слышать, чтобы он за кого-нибудь заступился, кому-нибудь помог или хоть слово молвил против властей предержащих. Если бы Юлий Ким их не отговорил, их бы не выпустили из Лефортово без суда через 10 месяцев. Их постигла бы страшная участь Оли Иоффе, которая ушла не домой, а в Казанскую СПБ — за строптивость. Но, если бы повезло, могли бы и в лагерь попасть (все-таки трое, группа).

У группы были все шансы неполным составом, но все-таки самого худшего избежать... Это была группа МГУ. Если бы не отказ от деятельности и не арест уже после этого (а такой арест ломал, он был не желанным итогом, а катастрофой), может быть, Слава Бахмин не пошел бы в МИД служить неольшевикам? Хотя как знать... Сергей Ковалев сидел много и хорошо и много сделал до ареста, а ведь служит в Верховном Совете верой и правдой.

У университетской группы была девочка-руководитель, ее не нашли, не взяли, она терзалась, но на допросах (а допрашивали чуть ли не весь курс, всех друзей) не призналась, вину на себя не взяла, в тюрьму не села, но и дело не продолжила. В диссидентской среде это считалось нормальным (мне потом пришлось это обсуждать с Ирой Каплун), но для меня это была измена. Мое расхождение с диссидентами началось задолго до встречи, заочно. Где-то близко к этому времени в Лефортово был и Петя Старчик.

В камере меня ожидал сюрприз. Я вошла (за мной конвоир тащил мой матрас с постелью), увидела двух женщин и спросила: "У вас, конечно, 70-я статья, товарищи? Листовки, нелегальная литература или рабочие кружки?" Они так рты и раскрыли. Одна была Тамара Иванова из комиссионного магазина на Арбате (сел весь магазин за валютные сделки с иностранцами), другая считалась крупной спекулянткой (Зоя была привезена из лагеря к кому-то на следствие). Меня они приняли за валютную проститутку, сбывавшую что-то иностранцам. То же оказалось и всюду в соседних камерах. В маленьких камерах сидели по трое, по двое (по двое чаще). В одиночках по правилам держать узников запрещено, но я сидела и в одиночке.

Лефортово сталинские политэки называют тургостиницей (теперешнее Лефортово, потому что тогдашнее было самой страшной пыточной тюрьмой, куда посылали из Бутырок или с Лубянки самых несговорчивых; здесь же и расстреливали). Атмосфера осталась: атмосфера безликой, холодной, неумолимой машины уничтожения. Абсолютная чистота в камерах, чистое белье, горячий душ каждые 10 дней, роскошная библиотека, на которую я набросилась с большим аппетитом, нагло получая образование там, где жизнь кончалась вообще. Белье меняли каждые 10 дней, и оно было лучше, чем в поездах. Унитаз с крышкой, полки, стол, табуретки, что еще надо? Света почти не было, толстые стены прорезаны окнами под самым потолком, плюс двойные решетки. Камера больше всего была похожа на монастырскую келью. Тогда зимой и осенью было

Следственный изолятор КГБ Лефортово.

ФОТОАРХИВ "КАРТЫ"

холодно, топили хуже, чем сейчас. Холодно, но терпимо. В других местах потом было много холоднее. Питание, которое для сталинских зэков было бы роскошным, для меня оказалось совершенно непригодным. Организм, видимо, отказывался выживать и не хотел адаптироваться. И еще мне казалось, что есть это — унижительно. Утром давали скверную пшеничную кашу, немного сахара (норма прежнего ГУЛАГа), 600 граммов скверного черного хлеба. На обед — съедобный суп (два дня из четырех — съедобный), сухую кашу. На ужин — сухую кашу. Но раз в четыре дня устраивали праздник — винегрет с отличной баночной селедкой. Эту селедку, съедобный суп и ложку каши с сахаром (без сахара ее в рот взять было нельзя) я и ела. Чувство голода было постоянным фоном, я слабела, но кротости у меня от этого не прибавлялось. Питалась я ларьком и передачами. Интересно, что в сталинские времена зэку не препятствовали получать из дома все, что могли ему прислать. Можно было умереть, но Цезарь в солженицынской повести получал по две посылки в месяц, и никто калорий ему не считал. Сталинские времена — это времена беспредела, а всякий беспредел — лотерея: или пан, или пропал. Когда нас стало меньше, инквизиторская машина стала работать более прицельно, научно выверяя каждый лишний грамм, добиваясь истощения еще под следствием, но полностью исключая смерть. За "хорошее поведение" следователи разрешали лишнюю передачу и запрещенные жиры. Валютчики все вели себя хорошо, с кем я ни сидела, всех закладывали, писали с утра до вечера собственноручные показания. За что бедняг сажали, я до сих пор не поняла, жалко их было страшно, рыдали они в три ручья, как белуги, и все вспоминали свои люстры, ванны и шубы. Но сидеть с ними противно и скучно. Подсаживали ко мне и "наседок", но они очень грубо работают, а потом я была начитана насчет таких вещей (опыт эсеров и эсдеков).

На ларек разрешалось тратить 10 рублей в месяц в два приема. На две недели — полкило колбасы, полкило сыра, белый батон, 200 граммов масла, ручки, тетради, сигареты. (Политзэку полезно не курить — большая экономия). 400 граммов масла уже купить нельзя — лишние калории. А в передаче на 5 кг в месяц тогда разрешалось получить 1 кг колбасы, 0,5 кг сыра, 1 кг сахара, 1,5 кг печенья и сухарей

(печенья только 0,5 кг!) и 1 кг овощей (лук) и фруктов (яблоки). И ассортимент, и количество были железно определены, никакой отсебятины вроде свежих овощей, сала, масла. Не умрешь, цинги не будет, но здоровье потеряешь. Язва желудка у меня последовала еще под следствием, в первые шесть месяцев. Зрение при скудном свете поубавилось еще на пару диоптрий. Ожидаемых пыток не было, но чувствовалось, что какие-то механизмы запущены. Человек, брошенный в Лефортово, похож на Анну Каренину, бросившуюся под паровоз: что-то мягко взяло за спину и неумолимо куда-то потащило...

Мои следователи должны были работать в паре, под "доброго" и "злого". "Злым" был майор Евсюков, начавший карьеру еще в 1938 году. Он был прост и ясен, как слеза. Честно говорил: "Всех бы вас, антисоветчиков, на лопату да в печь". "Доброго" хотел бы сыграть Алексей Иванович Бардин, образованный, просвещенный палач с двумя дипломами. Следствие доставляло большое удовольствие мне и очень раздражало моих ботаников. Я хотела играть по своим правилам и все время возвращала их в старые добрые сталинские времена, куда очень хотел вернуться майор Евсюков и совсем не хотел возвращаться Алексей Иванович. Евсюков откровенно размахивал руками перед моим лицом и цедил: "Двадцать пять лет назад мы бы с вами не так разговаривали".

Наши уставы, программы, мои воззвания и стихи (особенно впечатлял опус под названием "У развалин Лубянки") лежали в деле, я их не стала прятать, их сразу взяли на обыске. Но под всю эту роскошь не было людей! Я твердила, что есть грозная организация, которая готова перейти к терактам, но не называла никого, что вызывало сильное непонимание. Обычно наличие организации или отрицается, или признается (но с фамилиями членов). А здесь человек признается, что он член очень страшной для строя организации, и не называет никого! Похоже на издевательство. Искали они усердно, облазили весь Физтех, весь ИНЯЗ (про нашу дружбу с Сережей в ИНЯЗе знали, мы ведь на нашем институтском вечере и познакомились), ходили даже в школу (хорошо, что я не посещала детсад, а то и туда бы пошли). Добыча была жалкой. Никто ничего конкретного не знал, а кто знал, тот замер, слава Богу. Один Сережа зачем-то признался, что нес листовки и знал об акции (хватило ума не сказать, что он имел отношение и к "Тайному обществу троечников"). Я это не подтвердила, но мое молчание ему не помогло: исключили из комсомола и института. Это означало возвращение в Таганрог и призыв в армию. Мне было очень жаль Сережу, который так бездарно загубил свою жизнь, ничего не сделав. Конечно, это была моя вина, но у революционеров толстая шкура, они не умеют долго жалеть мирных обывателей, они жалеют равных, своих. Я сделала все, что могла, чтобы выгородить Сережу, вольно же ему было на себя доносить, причем не из солидарности, а из слабости.

Как положено, через 10 дней я получила свое обвинение по 70-й статье; для 19 лет — немалое достижение, если учесть, что ответственность по этой статье наступает с 18 лет. Предъявил мне его мой ботаник Бардин без всякой помпы, поздно вечером, не в следовательском корпусе, а в боксике. Первый этаж — вотчина московского ГБ. Верхние этажи — владения КГБ Союза, но тогда я этого не знала.

Бедный полковник Петренко, тогдашний комендант "Бастилии"! Он со мной наплакался, потому что мое поведение

соответствовало всем лучшим стандартам XIX века ("Революционер в тюрьме"). Я помнила все правила поведения политзэков дооктябрьского периода и старалась переизобрести Веру Фигнер и Софью Перовскую. Я была обязана продолжать борьбу и в тюрьме! Задним числом сочувствую моим тюремщикам и моим следователям. Все-таки божьи твари... Допросы я превращала в "последнее слово Павла Власова на суде", угощая бедных гэбистов филиппиками об ответственности перед потомством и их злодеяниях с 1917 по 1969 год. Речи перемежались рафинированными оскорблениями и издевками, например, майору Евсюкову я исправляла ошибки в протоколе и ставила отметку. Допросы длились по 6-7 часов, потому что следователи записывали не то, что я говорила. Они старались хоть кого-то скомпрометировать, а я всех выгораживала, как могла. Получалось, что вокруг меня были одни советские обыватели и никто ничего не знал. Откуда тогда тайное общество? Следователи не могли свести концы с концами; выход из этого был один, но я тогда не знала какой. В конце концов в протоколе писали слово в слово мой текст, и мы расставались до утра. Я могла спросить у Бардина, будет ли у чекистов елка, и посоветовать подарить Евсюкову грамматику русского языка. Бардин читал мне письмо группы зрителей, бывших на опере "Октябрь" и просивших для меня смертной казни, и спрашивал, не удовлетворить ли их просьбу. Я с энтузиазмом говорила, что буду очень рада. Бардин отечески пенял мне на мой глупый поступок.

Бардин: "Ну вот, Валерия Ильинична, могли бы учиться в престижном вузе, а вместо этого в лагерь поедете..."

Я: "А у вас восстания в лагерях были?"

Бардин: "Мы об этом даже и не слышали."

Я: "Когда я до лагеря доеду, услышите!"

Они поняли, что лагеря я не боюсь, что не боюсь и смерти. В камере я нарушала все правила: не вставала, когда входила охрана, офицеры, начальство (кодекс политзаключенных!). Перестукивалась по "сетке" (тюремный код), пока не поняла, что "своих" не найду. На прогулке (каждая камера гуляет отдельно в своем дворике) бросала записки с весьма антисоветским текстом в другие дворики. Я даже умудрялась своим противным голосом петь на прогулках революционные песни. Мои соседки были в восторге, хотя подражать мне не смели.

1 марта я отметила распространением листовок. Наверное, первый и последний случай в истории Лефортовской тюрьмы. На листочках бумаги, выдаваемой для туалета, я написала текст (штук 40 листовок) с напоминанием о покушении первомайцев. Далее понятно: Александр II ответил за зло царизма, КГБ ответит за зло коммунизма, народовольцы найдутся, а потом грянет революция, вас будут в Нюрнберге судить... После завтрака 1 марта я поставила на койку табуретку, валютчицы меня поддерживали, и высыпала всю партию листовок в форточку. И надо же было так случиться, что под нашим окном был вход в следственный корпус и следователи шли большой группой допрашивать своих клиентов! Представляете их впечатление? В родной тюрьме КГБ на голову сыплются антисоветские листовки! Через 10 минут прибежали Петренко и два его зама. Петренко был белый и сказал: "Собирайтесь в карцер". Я сказала, что мне плевать, хоть на расстрел, и что я тут же объявляю голодовку (меня и так ветром

шатало, и они это знали). В карцер меня не посадили, но этот инцидент был последней каплей. Моя участь была решена. Я наивно предполагала, что здесь идет честная игра, что я могу сказать "нет", стоять на ушах и расплачусь за это только жизнью и физическими мучениями. Но в этой лавочке еще и обвешивали. В 30-40-е и ранние 50-е годы я бы получила то, что хотела! НКВД играл честно: брал жизнь, но оставлял взамен честь. Игра была на уровне чемпионов, но тот, кто мог вынести все пытки, выигрывал и получал свою пулю как олимпийское золото. Но кончались 60-е годы, и было уже изобретено Абсолютное Оружие, против которого были бессильны и мужество, и решимость, и вера...

... Если бы я знала о карательной медицине, у меня не хватило бы решимости сделать то, что я сделала, без ампулы с ядом в кармане (а ее я не смогла бы достать). Однако когда меня в один ненастный день без церемоний, предупреждений и объяснений привезли в институт Сербского, я даже не столько испугалась, сколько оскорбилась. И это была правильная реакция. Пока я жива, я буду настаивать не только на том, чтобы упразднить КГБ, но и на закрытии Института судебной медицины им. Сербского, почитая второе заведение не менее вредным и исторически преступным, чем первое. Общество может устранить преступника физически, если ему угодно стать на уровень неандертальца и мстить, или изолировать его от себя временно или навеки, если он причинил ему зло, но никакое общество не вправе покушаться на личность преступника и решать вопрос о ее изменении в нужном обществе направлении. Или, тем паче, судить о том, что есть норма и что есть патология. Лечить личность — это гораздо более жестоко, чем уничтожить ее вместе с тем телом, в которое она заключена. Конечно, если человек кусается или не может членораздельно говорить, он сумасшедший, но это видно и без экспертизы. Однако маньяки и террористы вполне могут отвечать за свои действия вне медицинских категорий. Инквизиторы посылали душевнобольных на костер за галлюцинации? Ну что ж, они действовали гуманнее психиатров, потому что смерть наступала скорее и мучения жертвы были конечны. Права либертарианская партия, выступающая за отмену государственной психиатрии как института.

Меня заперли в отдельную камеру, и общение с институтом началось. Я думаю, что в моей нормальности они убедились в первый же день. Уже через много лет я узнала, что в течение месяца гэбисты не могли найти врачей, желающих подписать вместе с Лунцем диагноз "вялотекущая шизофрения". Мне показалось, что некоторые молодые научные сотрудники искренне считали, что спасают жертвы КГБ от лагерей (ничего не зная о ситуации в спецтюрьмах) и дают им возможность потом учиться и жить в столицах. О свободе научного подхода хотя бы на уровне реальности (здорового признать здоровым) не могло быть и речи. Александр Цопов, бывший сотрудник КГБ (не политического спектра!), рассказал мне, что у него психиатры просто спрашивали: "Как тебе признавать? Вменяемым или нет?" В моем случае тем более самотека не могло быть. И самодеятельности тоже! Вообще, все тесты и исследования, входящие в экспертизу, могут в лучшем случае определить уровень интеллекта или уживчивости в обществе, но никак не наличие или отсутствие душевного заболевания. Судебная психиатрия, по моему глубокому убеждению, является

шарлатанством даже там, где она не является преступлением. Я не знала, что нормального человека могут признать невменяемым, и доказывала свою нормальность, как теорему, добавляя в диагноз пункты: "реформаторский бред", "философская интоксикация", "плохая социальная адаптация". Здесь я и познакомилась со знаменитым Лунцем. Даниил Романович был холеным, вальяжным барином с отличной филологической подготовкой. Я успела за одну беседу об экзистенциализме сделать его своим личным врагом, заявив, что он инквизитор, садист и коллаборационист, сотрудничающий с гестапо — с КГБ.

Оля Иоффе знала о перспективах такого поведения столь же мало, как и я. Она на все "наводящие вопросы" отвечала: "Я буду продолжать борьбу" — и заработала себе диагноз. Ира Каплун знала, наверное, больше нашего. Она уклончиво отвечала: "Подумаю, еще не решила..." — и была признана вменяемой. Они со Славой из Лефортово ушли домой, а Оля расплатилась за всех, загремев в Казань, где ее пытали (к счастью, это длилось недолго, всего два месяца; после закрытия их общего дела ее отправили в Москву).

На моей комиссии присутствовал мой следователь, майор Евсюков (Бардину, как более грамотному, было, наверное, стыдно), смотревший на меня (я была в халате, рубашке и шлепанцах на босу ногу) весьма злорадно. Лунц задал мне всего один вопрос, предлагая в последний раз соломинку (может быть, и ему стало жалко, и на палачей находит!): "Не сожалеете ли вы о том, что сделали?" Я, конечно, заявила, что "от содеянного мною не отрекусь!" — и заклемила КГБ и институт Сербского презрением и позором, пообещав все тот же Нюрнберг. Лунцу оставалось только махнуть на меня рукой. Когда на следующий день за мной приехали из Лефортово и мне вернули мои вещи, я обрадовалась больше, чем если бы меня отпустили домой. Я была уверена, что возвращение в тюрьму означает вменяемость и благополучный исход дела (срок или расстрел)...

... Сейчас, когда я заставляю себя это вспоминать, в Санкт-Петербургской СПБ истязают совершенно здорового человека, который был готов пойти на любую кару (но только после честного открытого суда), на любую каторгу, к любой стенке. А происходит это так. Признанного невменяемым политзаключенного привозят обратно в тюрьму и забывают там. In pace. У меня это длилось два месяца. Ни допросов, ни объяснений. Полная неизвестность, одиночка, мертвая тишина. Иногда невозможно определить, жив ты или уже умер. Садистская пытка неизвестностью. Адвокат имеет право не приходить даже после окончания следствия (оно окончится без вас — вас уже нет, вы уже не человек). Здесь нужен был бы адвокат типа Дины Каминской или Софьи Каллистратовой.

Но мой жалкий адвокат не посмел ко мне прийти (зачем злить КГБ нарушением традиций?), не опроверг экспертизу, а требовал только изменить статью ("Дать меньше по 190-й, чем то, что, конечно, дадут"). Отсюда недалеко и до сталинских адвокатов, требовавших смерти для подзащитного. Я хотела заплатить жизнью за открытый суд... А здесь превзошли сталинские времена: тогда судила тройка без защитника, а теперь и без подсудимого обходились. Тет-а-тет. Ничего лишнего: судья, заседатели, "защитник". 70-я статья обеспечивала СПБ — психиатрическую тюрьму. ПБ могли дать только по 190-й! Но это было не лучше. Из Москвы посылали в самую пыточную ПБ — на Столбовую, а изоляция там была нешуточная. К счастью, там мне быть не пришлось. Москвичи

однозначно попадали в Казанскую СПБ, потом, как Владимир Гершуни, в Орловскую. О своей страшной участи политзаключенный узнавал после суда на свидании с родственниками, если они у него были. Это и была комната 101 (самое страшное, что есть на свете!): пожизненное пребывание в камере пыток с потерей рассудка и человеческого образа, то есть "принудительное лечение" от инакомыслия. Лечение состояло в том, что способность мыслить устранялась вообще.

На свидании я узнала много нового и интересного. Я никогда не пойму, зачем Оле Федичкиной с моего курса понадобилось лезть в первые ряды и давать показания о распространении мной самиздата, да еще лгать, что я его ей навязывала чуть ли не силой? Кто ее за язык тянул? Другие же молчали, и ничего им не сделали. Владлен Сироткин, балующийся сегодня исторически-либеральными статьями в газетах (отчаянный прогрессист!), дал на меня как раз такие показания, которые были нужны для помещения в СПБ, и опять лживые. У нас он преподавал историю Франции, заигрывал со студентами, прикидывался нонконформистом. Этот режим никогда не откроет имена стукачей, а то народу не из кого будет выбирать органы власти. Но я вношу свою скромную лепту и своих двух личных стукачей называю. В этом плане никакой пощады не должно быть никому!

Лживые показания двух моих стукачей я уже не смогла опровергнуть, хоть и пыталась: невменяемый не имеет права голоса. И вот когда я все узнала, меня вызвал Алексей Иванович Бардин и предложил бартер (объяснив, что меня ожидает): я ему — фамилии членов организации, он мне — лагерь. Я попыталась схитрить (сначала стулья, потом — деньги, то есть добиться отмены диагноза даром, обещая раскаться "потом"), но он меня сразу раскусил, убедившись, что даже Сережу из Физтеха я продолжаю выгораживать. Здесь плату требовали вперед. Бартер не состоялся. Я спросила, неужели им мало расстрела. Ведь тогда я уже не встану у них на пути. Зачем же такие изощренные мучения? И Бардин ответил: "Ну что вы! Зачем расстрел? А в чем же тогда будет наказание?" В отличие от Евсюкова, он наверняка еще жив, и у него есть внуки. Единственная месть, которую я признаю допустимой, — это огласка и каинова печать на чело, чтобы отвернулись дети, внуки и соседи. Кстати, палачи выдавали себя с головой, держа "невменяемого" в тюрьме в одной камере с нормальным заключенным (реальный сумасшедший мог бы придушить и покусать).

Выход из этого кошмара был один: умереть. Но как умереть в Лефортово? В пролет не бросишься — все затянуто сетками из стали. Вены перерезать нечем. Повеситься невозможно — каждые 3-5 минут часовой-надзиратель заглядывает в глазок (это там и сейчас продолжается: постоянный мужской взгляд, ни помыться, ни туалетом воспользоваться без него невозможно. Оставалось одно: не считать надзирателей за людей). Попытка задушить себя под одеялом нейлоновым чулком не удалась: у меня не хватало физических сил затянуть узел до смертельной нормы. К тому же голову прятать под одеяло запрещалось. Мои попытки негласной голодовки (успеть умереть, пока не хватятся) обнаруживались на 4-5-й день. Смерть в Лефортове была недостижимым благом, изысканным дефицитом, сказочным сном...

Москва

Продолжение — в следующем номере "Карты"

Если бы в конце 70-х кто-нибудь втихаря соорудил-таки машину времени и рванул на ней лет на десять вперед за свежей газеткой из киоска "Союзпечати", то эксперимент его, скорей всего, закончился бы печально. Еще бы: сегодняшняя наша пресса не для застойных умов!

Даже мы, привыкшие к гласности постепенно, месяц за месяцем, год за годом, и то теряемся порой от чересчур уж крутых заявлений под девизом: "Клянусь говорить правду, только правду, и ничего кроме правды!.."

Хрущевская оттепель и идеологические заморозки конца 60-х, их влияние на развитие советской литературы, свобода творчества и репрессивная машина, перестройка и застарелые болезни общества...

Беседу с одним из ведущих писателей-фантастов мира **Борисом Натановичем СТРУГАЦКИМ** ведет ленинградский писатель и журналист

Андрей ИЗМАЙЛОВ.

В печать и в свет!

В свое время Борис Натанович Стругацкий изложил молодым фантастам свое кредо-пожелание: писать надо о том, о чем хочется; так, как хочется; и чтобы напечатали...

А у самих братьев А. и Б. получалось? Печатали? Печатали. "Сказку о Тройке" в журнале "Ангара" (тираж 4 тысячи экземпляров), "Улитку на клоне" в журнале "Байкал" (тираж 10 тысяч экземпляров). После чего успешно изымали эти журналы из библиотек.

Не печатали? Не печатали. Более двадцати лет пролежали без движения "Гадкие лебеди" ("Время дождя"), "Град обреченный".

И все же судьба, помотав рукописи по ксероксам, машинописям, фотокопиям, выпустила их, наконец, в печать и в свет. В 1989 году у Стругацких вышло 13 книг — больше, чем за предыдущие двадцать лет. И в них, в этих книгах то, о чем хочется. И в них так, как хочется...

Андрей ИЗМАЙЛОВ: Борис Натанович, как же вам с братом удавалось в годы застоя соблюдать все компоненты триады-кредо?

Борис СТРУГАЦКИЙ: Тогда, в то время, мы, конечно, представления не имели, что пишем в соответствии с какой-то триадой. Из сталинского средневековья мы вылупились готовенькими, свеженькими идеалистами, которые смотрели на мир честными, голубыми и вполне глупыми глазами. Мы чисто и свято верили во все догмы, которым нас научили. У нас не было за душой и тени сомнения, нам абсолютно нечего было скрывать, нам совершенно не нужны были какие бы то ни было подтексты.

Когда произошел XX съезд партии, первое разоблачение, некая радужная пелена, стоявшая перед глазами, лопнула, и мы впервые увидели несколько мрачноватый мир, который нас окружал. Но мы были до такой степени начинены наивными представлениями, что первое время этот мир нас не пугал, не отталкивал, не звал к решительным и немедленным действиям в литературе — поскольку будущее затронуто не было, оно по-прежнему оставалось хрустальным, ясным, прозрачным, прекрасным. И если этому будущему чего-то не хватало, то, может быть, некоей теплоты, понятности, близости.

Мы прочли "Туманность Андромеды" И. Ефремова и

восхитились его миром. Это был наш мир. Но он, все-таки, был слишком холоден, слишком далек от нас. Он казался нам, если так можно говорить о будущем, слишком уж идеализированным. А хотелось написать такой мир, в котором было бы прекрасно жить сейчас, сегодня туда попасть нам, нынешним, реальным людям!

Вот тогда молодые и, конечно, глуповатые и восторженные братья Стругацкие выдвинули тезис о том, что главные конфликты Будущего — это конфликты хорошего с лучшим. Этот тезис очень понравился и нам, и литературным критикам — они тут же пытались его подхватить как Знамя! Насколько я помню, Би-Би-Си выступила тогда с ехидным замечанием: мол, нечего им там больше делать в Советском Союзе, как хорошему бороться с лучшим, других, видите ли, проблем у них не осталось... Но по тому времени эта идея была полезная, потому что позволила нам создать мир Возвращения... мир людей, с одной стороны, вполне замечательных, а с другой стороны, понятных и близких.

Однако довольно скоро мы обнаружили, что далеко не все люди считают описываемое нами блистательное и светлое Будущее таким уж блистательным и светлым. Во всяком случае, у этого Будущего оказалось много врагов. Часть врагов — просто злобные, невежественные дураки. Они составляли меньшинство, и можно было бы о них не говорить.

Но! Существует, выяснилось, обширный пласт людей — их нельзя назвать злобными, нельзя назвать дураками, которым это Будущее не нужно. Ибо оно, которое мы представляли себе таким прекрасным, таким совершенным, предусматривало потребление в максимальных количествах духовных благ. А оказывается, огромному числу людей духовные блага были просто не нужны — они не знали о существовании этих благ и знать их не хотели! Они хотели совсем другого... Вырастает фигура обывателя-мещанина, который нам тогда показался главным врагом Коммунизма и которого мы принялись с азартом изображать в "Попытке к бегству", в "Трудно быть богом", в "Понедельнике..." и, в особенности, в "Хищных вещах века".

Первое время мы совершенно искренне, опять же без каких-то подтекстов, писали об угрозе-мещанине. И вот тут-то, в начале 60-х, раздалась первая оплеуха в наш адрес. Главным образом от редакторско-издательских работников. Стало вдруг

ясно, что далеко не все и не обо всем можно писать. Мы сделали это открытие с большим неудовольствием, помнится...

В конце 50-х, когда мы писали чисто научно-фантастические рассказы, приходилось сталкиваться с цензурой. Уже тогда. Но столкновения были скорее смешные, чем трагичные.

Нам, например, запрещали упоминать название планеты Уран. Причина — все радиоактивные элементы находились под цензурным запретом. А Уран — это еще и уран. Или вот одну нашу повесть отправили для ознакомления какому-то деятелю из важного ведомства, и он придрался к слову “абракадабра” — объявил, что это какое-то шифрованное выражение, которое надлежит выбросить. И очень трудно пришлось нашему редактору, который убеждал деятеля, что “абракадабра” — старое, доброе слово, хорошо известное каждому интеллигентному человеку... Забавно.

Но вот при прохождении “Хищных вещей века” мы уже получили несколько достаточно серьезных упреков. Нас обвинили в том, что мы занимаемся в этой повести экспортом революции...

А.И.: А также подрываете марксистско-ленинское учение... Литературная газета в лице некоего Виноградова выразилась подобным образом.

Б.С.: Да, но это потом, когда книга появилась. На уровне редподготовки такого обвинения не выдвинул никто, не додумались. Хотя мы-то уже понимали, что затрагиваем какие-то фундаментальные основы догм.

Ведь всем было известно, что при капитализме нельзя жить хорошо, что при капитализме маленькая кучка буржуев купается в роскоши, а гигантская масса простого народа не знает, как свести концы с концами. А мы изобразили в “Хищных вещах века” капиталистическое общество изобилия. Нам стало трудно...

Вот тут появилась уже осознанная потребность говорить о том, о чем хочется, таким образом, чтобы это прошло через цензурные рогатки и было напечатано. Так появились наши вещи типа “Улитки на склоне”. В этой повести ведь что происходит? В той ее части, которую назовем Лес, существует прогрессивная цивилизация женщин, и есть остатки прежнего вида гомо сапиенс, которые будут неумолимо и обязательно уничтожены развивающимся прогрессом. И наш землянин, попавший в Лес, как он должен относиться к ситуации?

Историческая правда на стороне чужих и отвратительных баб. Сочувствие героя, Кандида, на стороне беспомощных и нелепых мужичков, спасших его, давших ему хижину, накормивших. Как себя вести цивилизованному человеку, по-

Борис Натанович и Аркадий Натанович Стругацкие.

нимающему, куда идет прогресс? Как он должен относиться к такому прогрессу, если тот ему поперек горла? Как должен относиться человек к закону общества, который кажется ему плохим? Можно ли вообще ставить вопрос так: плохой закон общества, хороший закон общества?

Эта проблема не стала стержнем “Улитки”, но значительной гранью повести — да. А ту часть, которую назовем Управление, нельзя было написать на базе, скажем, нашего конкретного советского учреждения. По-видимому, нужно было какое-то отстранение. Мы это понимали.

Начиналось то, что впоследствии получило название неконтролируемого подтекста. То есть мы описывали мир, реально наблюдаемый вокруг себя (часть Управление), но подавали его как нечто реально не существующее.

С одной стороны, для каждого разумного человека мир этот был абсолютно узнаваем. С другой стороны, никто не имел оснований сказать, что мы мажем дегтем нашу сверкающую действительность. Начинаясь игра подтекстами, без которой в то время обойтись было невозможно.

А.И.: Такая игра не могла продолжаться бесконечно...

Б.С.: Да. Потому что машина бюрократии, защищающая существующий порядок вещей, — она громоздка, неуклюжа и глупа, как и всякая машина, но обладает свойствами всякой достаточно сложной организации: действуя методом проб и ошибок, дурацких проб и идиотских ошибок, она, в конце концов, всегда выбирает такую стратегию, которая обеспечивает ее устойчивость.

И хотя цензурно-редакторская машина сначала не знала, что с нами делать, но очень быстро нашла самый простой выход из положения — перестала нас печатать. Во всех издательствах были получены негласные указания: не связываться с фантастикой вообще и уж со Стругацкими, в особенности.

А.И.: О негласных указаниях Вы знаете доподлинно?

Б.С.: Негласные указания потому и негласны, что сослаться на них напрямую невозможно. У нас были разговоры с издательскими работниками. Мы не можем гарантировать, что они говорили нам правду. Легко представить такую ситуацию: редактор Н., понимая, что, связываясь со Стругацкими, рискует личным благополучием, выдумывает: мол, к нему обратилось начальство и предупредило... И редактор Н. под большим секретом рассказывает об этом Стругацким.

До нас доходило очень много слухов по поводу того, что на тех или иных совещаниях весьма высокопоставленных

руководителей говорилось: Стругацкие пишут литературу, содержащую неконтролируемый подтекст, с ними нужно быть чрезвычайно осторожными. Но слухи, естественно, не были документированы.

А.И.: Собственно, документом является то отношение к фантастике, которое мы, увы, наблюдаем до сих пор.

Б.С.: Документом можно было бы считать и ту массу критических статей, которая появилась в то время. Они, по сути, были отражением точки зрения власть имущих на социальную и философскую фантастику вообще и на фантастику Стругацких в частности. В конце 60-х, а потом в середине 70-х было несколько очень яростных нападений, очень резких...

РЕТРОСПЕКЦИЯ: Две фантастические повести "настрогали" и братья Борис и Аркадий Стругацкие... Своих героев братья Стругацкие пытаются укрыть территориально, наградили их двуликими древнегреческими именами, лишили их принадлежности хотя бы к какому-либо племени, не говоря уже о нации. На первых страницах повести им это кое-как удавалось, но дальше... Хвост вытянут — нос увязнет, нос вытянут — хвост прилипнет... Вся нечисть выражается пословицами: "Не наводи тень на ясный день", "Лес рубят — щепки летят", кур называют "пеструшками", ходят "утицей", курят сигареты "Астра"... Эта нечисть даже имеет свою конституцию, свободу слова... А повесть "Стажеры"? Почему о ней ни слова? Достаточно того, что сказано об одной повести.

(Краснобрыжий И. Двупликация книга: Фельетон. Журналист, — 1969, — №3.)

Б.С.: Самое странное нападение на "Второе нашествие марсиан" произошло на каком-то съезде писателей. В докладе Михаила Алексеева нам вменялось в вину, что мы святое слово "патриотизм" употребляем не там и не так:

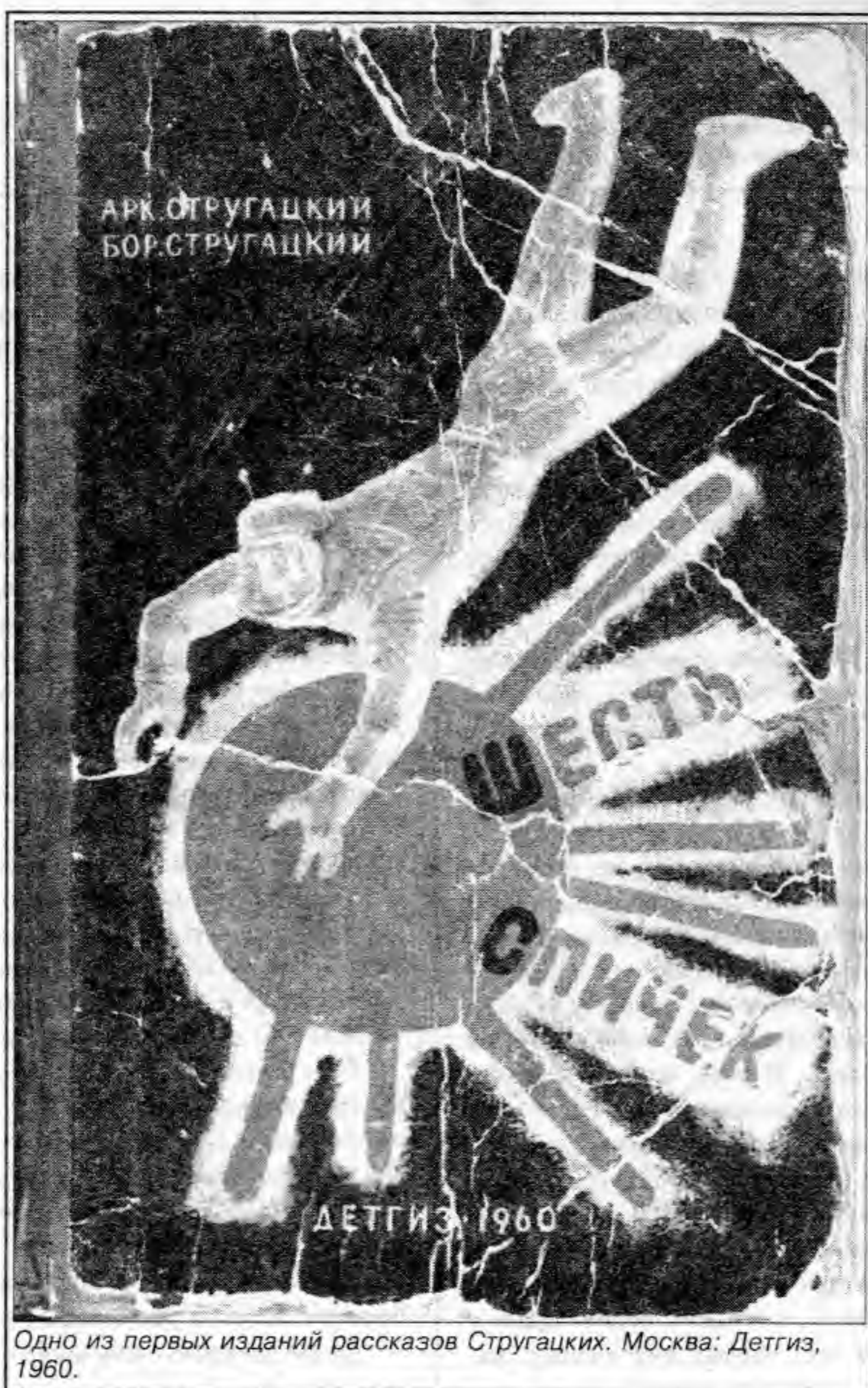
"... "Второе нашествие марсиан". В этом фантастическом повествовании авторы почему-то в качестве мишени для насмешек, сарказма, иронии избрали такое святое чувство, как патриотизм. Вот что можно прочесть в повести: "Этот Полифем жить не может без патриотизма. Без ноги он жить может, а вот без патриотизма у него не получается". Литераторы должны были знать, что вкладывать такие святотат-

ственные слова в уста даже крайне отрицательных героев весьма рискованно и что не надо потешаться по такому поводу, а сказать себе и другим людям: без патриотизма вообще ничего не получится, не напишется без этого возвышающего чувства и хорошая, честная и нужная народу книга!"

(Доклад М. Алексеева. // III съезд писателей РСФСР, 24-27 марта 1970 г.: Стенографический отчет. — М.: Сов. писатель, 1972.)

А мы во "Втором нашествии..." проводили идею о том, что с обывателем можно сделать все, если не затрагивать его маленький мирок. А обыватель везде одинаков. Можно изображать обывателя ленинградского, вашингтонского, энского из несуществующей страны — и картина будет одна и та же.

А.И.: Но советское — значит, лучшее. И бдительные авторы рецензий, уверенные, что советский обыватель лучший в мире, искренне полагали... Впрочем, насчет искренности — это вопрос. В единственной рецензии тех лет, показавшейся мне умной, грамотной, доказательной, журнал "Новый мир" (кстати, еще доразгонного периода) чудесно протестировал на искренность сигнализирующего оппонента...

Одно из первых изданий рассказов Стругацких. Москва: Детгиз, 1960.

РЕТРОСПЕКЦИЯ:

"Это произведение, названное фантастической повестью, является не чем иным, как пасквилем на нашу действительность", — пишет в газете "Правда Бурятии" (19 мая 1968 г.) В. Александров. На каком же основании делается это допущение, по каким характерным чертам совмещает В. Александров фантастическую реальность Стругацких с реальностью им обозначенной? А вот по каким: "Фантастическое общество, показанное А. и Б. Стругацкими в повести "Улитка на склоне", — пишет В. Александров, — это конгломерат людей, живущих в хаосе, беспорядке, занятых бесцельным, никому не нужным трудом, исполняющих глупые законы и директивы. Здесь господствуют страх, подозрительность, подхалимство, бюрократизм". Вот те на! Поистине фантастическая абберрация! Что же, выходит, все эти явления и признаки и есть то "типическое", что сразу же дает право рассматривать любую фантастику, если она включает в себя подобные элементы, как некий "слепок" с нашей действительности? Хороши же у товарища В. Александрова...

рова представления об обществе, его окружающем, ничего не скажешь...

(Лебедев А. Реалистическая фантастика и фантастическая реальность. // Новый мир. — 1968. №11).

Б.С.: Да, это была замечательная рецензия!

А.И.: Борис Натанович, получается, что Стругацкие в годы застоя говорили то, что думали, но их все время одергивали и били по голове неразрезанным томом классиков марксизма-ленинизма не за то, что они ошибаются, а за то, что они описывают существующее вокруг?

Б.С.: Еще в сталинские времена сформировалась, а во времена застоя фактически выкристаллизовалась ситуация, когда был фактически узаконен огромный разрыв между тем, что есть на самом деле, и тем, что следует писать по этому поводу.

При Сталине молчали из страха. Но во времена сталинщины также существовал, и очень заметный, процент людей (подавляющее меньшинство, но по абсолютной величине — миллионы), которые искренне верили, что все происходящее — правильно, другим быть не может, а впереди их ждет счастье.

Времена застоя характерны тем, что такие люди вывелись почти начисто. Это была эпоха высокого лицемерия — все, кому не лень, вплоть до сотрудников Комитета госбезопасности, ругали жуткую, застойную во всех отношениях атмосферу, но только в кулуарах, между собой, в более или менее приятельских компаниях. В печати же допускалась к существованию только одна картина — та, которую начальство хотело бы видеть, но не та, что есть на самом деле.

Конечно же, наши обличители прекрасно видели, что положение в экономике ужасно, что нравственность распадается на глазах, понятия чести, совести, достоинства, правдолюбия становятся непрактичными, народ спивается, так жить нельзя и надо что-то менять... Но будучи чиновниками, с одной стороны, и будучи корыстными людьми, с другой, думали они прежде всего о себе и защищали официальную точку зрения,

Современное издание Стругацких. М.: АСТ-ЛТД; СПб.: Terra Fantastica, 1997.

грубо говоря, ради куска хлеба. С маслом, разумеется.

РЕТРОСПЕКЦИЯ:

Нас почему-то настойчиво убеждают не искать в творчестве Стругацких каких-то намеков, подтекста и т.д. Но, встречая в их повестях-предупреждениях какие-то детали, черточки, выхваченные из жизни нашей страны, но перевернутые, исковерканные, чудовищно деформированные, поневоле начинаешь задумываться: во имя чего?.. Известно, что любое литературное произведение, как явление советского искусства, должно по идее утверждать социалистический гуманизм, веру в человека, в его духовные силы. О последних книгах Стругацких, особенно о "Сказке о Тройке", этого не скажешь... Социальный эквивалент их картин и сюжетов — это в лучшем случае провозглашение пессимизма, идейной деморализации человека.

(Свининников В. Блеск и нищета "философской" фантастики. // Журналист. — 1969. — №10.)

А.И.: Борис Натанович, журнал "Родник" (1987, №8) устами своих авторов А.Кузнецова и О.Хрустальной (Вам понравилось, помните?) назвал "Сказку о Тройке" социально разъяренной. Разъяренная сказка?..

Б.С.: "Сказка о Тройке" писалась как продолжение "Понедельника..." по заказу Детгиза, кажется. Детгиз представления не имел, какую бомбу мы ему преподнесем. Мы и сами, между прочим, это плохо себе представляли. Это же 1966 год. Мы к тому времени уже были очень злы, сами понимали, что пишем зло, но ничего не могли с собой поделать.

Первые заморозки, суд над Синявским и Даниэлем... Было ощущение и оно не давало покоя, что все опять поворачивает не туда.

Детгиз не взял. Потом отрывок уже было набрали в "Знание-сила". Но кто-то из курирующих журнал идеологов, по слухам, узнал себя в клопе-Говоруне. И чуть ли не пытались разогнать всю редакцию, чуть ли не закрыли журнал. Были ужасные последствия из-за этого пустяка.

Ну, и вот в 1968 году повесть совершенно случайно оказалась в "Ангаре". Свининников и отреагировал. И не он один. В 1969 году на бюро Иркутского обкома партии "Сказка

о Тройке" была признана идейно вредной, решение это было опубликовано в "Журналисте", и это было начало конца.

А.И.: А иные реакции на "Сказку..."? Противоположные?

Б.С.: Я помню, мы тогда получили довольно много писем, копий писем, которые любители фантастики направляли во всевозможные издания — в тот же "Журналист", "Известия", "Комсомольскую правду". В них подробно, доказательно анализировалась статья Свининникова с нашей позиции, с позиции, так сказать, антибюрократической.

А.И.: Но ни одно из этих писем, как я понимаю...

Б.С.: Конечно, нет! Как говаривал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, время полемики уже миновало. Поэтому ни одному из наших защитников не удалось опубликовать ни одной статьи.

А.И.: Начало конца... Машина сработала — вас попросту перестали печатать. А те вещи, что казались относительно безобидными? Вот "Обитаемый остров"...

Б.С.: "Обитаемый остров" — уникальная в этом роде вещь! Большого количества поправок от нас потребовало только издательство "Молодая гвардия" в "Пикнике на обочине". А к "Обитаемому острову" был список на нескольких страницах. Там не то двести, не то триста поправок требовалось. А сделали мы на сотню меньше. Извернулись, помнится.

А.И.: Кстати, будучи на одном из семинаров молодых фантастов в Малеевке (впоследствии подобные семинары проходили в Дубултах), нынешний глава редакции фантастики издательства "Молодая гвардия" Владимир Щербakov объявил, что коллегией Госкомиздата сборник "Не назначенные встречи" (Ваш с братом сборник, куда вошел "Пикник на обочине") признан худшей книгой...

Б.С.: Да, это был отменный иезуитский ход! Редакция "Молодой гвардии" добилась такого постановления, в котором ее крупнейшей ошибкой называлась публикация "Пикника на обочине". С одной стороны, "Молодая гвардия" как бы занималась здоровой самокритикой, а с другой — объявляла ошибкой ту самую книгу, которую их буквально заставили издать братья Стругацкие (при активной поддержке ЦК КПСС, ВААП и, так сказать, всего прогрессивного человечества).

А.И.: Когда человеку не дают говорить, он поет. Традиции скоморохов на Руси живучи. Впрочем, как и традиции гонений на скоморохов. В связи с этим, Борис Натанович, несколько, быть может, неожиданный вопрос: кого бы Вы хотели видеть в роли Виктора Банева, героя "Гадких лебедей", если повесть была бы экранизирована?

Б.С.: Строго говоря, Банева уже сыграли. Солоницын в фильме Тарковского "Сталкер" фактически Банев. Немного постаревший, желчный излишне, но все-таки Банев.

А.И.: Но Банев "Гадких лебедей" еще не Банев "Сталкера". В "Сталкере" Писатель уже сломлен, или, скажем, прижат государством. В "Гадких лебедях" же, рискну утверждать, одной из основных линий является противостояние: гражданин и государство.

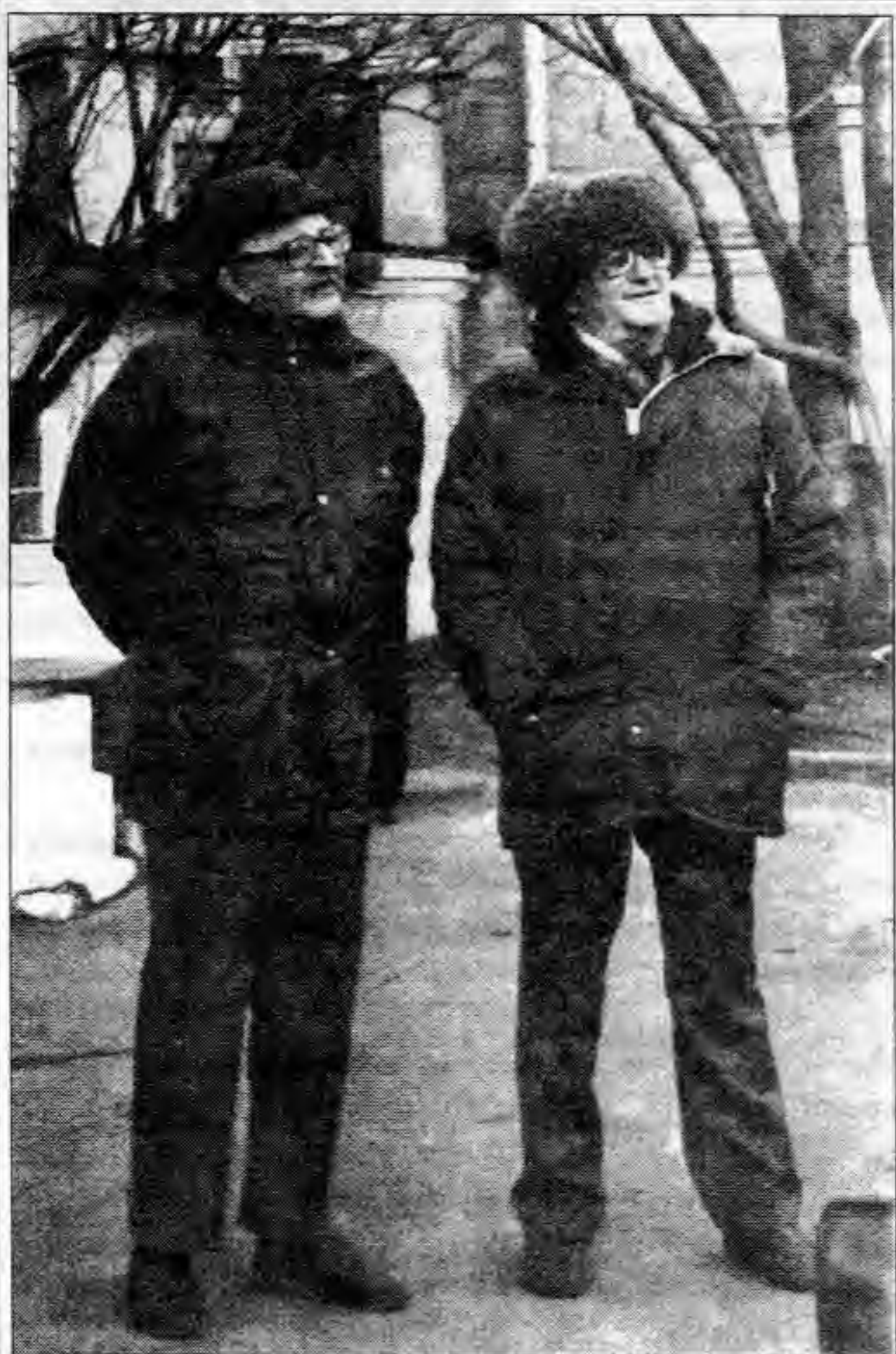
Не человек и общество, а именно гражданин и государство. При том, что весьма отвлеченное государство, описанное братьями Стругацкими, сильно раздражается и прижимается от присутствия в нем свободного, внутренне раскованного гражданина.

В 60-70-х в России был такой гражданин. Я помню, с каким острым наслаждением перепечатывал в 1974 году на машинке "Лебедей" и находил аналогии героя с человеком, который брэнчал на банджо, у которого были рубленые, некрасивые черты лица, так почему-то нравившиеся женщинам, который в повести даже сочинял: "Лечь бы на дно, как подводная лодка..."

Б.С.: Неужели вы имеете в виду Владимира Семеновича Высоцкого?! Нет. Банев, придуманный нами, образ собирательный. Это Бард, каким мы его себе представляем. В этом образе и Булат Шалвович Окуджава, и Александр Галич, и Юлий Ким, и, конечно, Владимир Высоцкий там тоже подразумевался.

Обобщенный образ Барда, который говорил-пел, когда пытались заткнуть рты. У Юлия Кима мы взяли строчку — прогресс, ребята, движется куда-то понемногу. А у Высоцкого попросили разрешения использовать, несколько исказив, его "Подводную лодку". Высоцкий был просто наиболее популярным олицетворением Барда. Хотя самым олицетворенным олицетворением я все же считал бы Александра Галича... Все барды, которые выступали как граждане, все они были прототипом Виктора Банева из "Гадких лебедей".

А.И.: Или из "Времени дождя"? Ведь именно под таким

Аркадий Натанович и Борис Натанович Стругацкие.

ФОТО: INTERNET

<http://www-ibm866.amc.ru/~dv/sf/abc/kamerrer/foto>

названием повесть была опубликована в "Даугаве" в 1987 году. Многие считают факт публикации подвигом Владимира Дмитриевича Михайлова, тогдашнего редактора "Даугавы".

Б.С.: Если учесть тот момент, когда Михайлов взялся печатать повесть, то да, это был подвиг. Потому что и тогда еще было совершенно неясно, как и куда все повернется. А название "Время дождя" было выбрано, конечно, чтобы не упоминать сакраментальное — "Гадкие лебеди".

А.И.: Да, и опыт проработок у вас был накоплен изрядный, и доносам чистюль от идеологии было несть числа, и результаты доносов не заставляли себя долго ждать. Или заставляли?

Б.С.: Попросту говоря, вы хотите спросить, не таскали ли нас? Нет, конечно. Более того! Неоднократно наши знакомые, имевшие ходы в известную и вполне уважаемую организацию, пользовались этими ходами и спрашивали: против Стругацких есть что-нибудь? Им неизменно отвечали одно и то же: "Вы что, товарищи! Конечно, ничего нет!"

Самое парадоксальное и неприятное заключалось в том, что нас-то не таскали, но таскали наших читателей. Мы неоднократно получали письма от них: "Помогите! Я читал размноженную на ксероксе "Улитку на склоне". Теперь меня исключают из партии, гонят из института, вызывают в КГБ. Я им всем говорю, что эта вещь была опубликована, — никто мне не верит..."

И приходилось садиться за машинку и писать, что мы, братья Стругацкие, подтверждаем: во-первых, эта вещь была опубликована там-то и тогда-то; во-вторых, она не содержит никакого криминала; в-третьих, никогда мы не испытывали никаких трений с властями и КГБ; в-четвертых, повесть напечатана в целом ряде социалистических стран и так далее...

Я не помню случая, чтобы такое письмо помогло. Но писать подобные индульгенции нам приходилось не раз. Более того! У меня однажды был длинный многочасовой разговор, назовем это так, с представителем компетентных органов.

Он очень интересно рассказал, какая существует классификация: антисоветские произведения, например, "Архипелаг ГУЛАГ"; упаднические произведения, например, "1984..." Я спрашивал: а наши-то как, наши?! Мы в списках каких-либо числимся? Да нет, отвечал, уверяю вас! Спрашиваю, почему же тогда у читателей изымают определенные вещи Стругацких, наказывают? Ну, отвечал, знаете, перегибы на местах... Такой вот занимательный разговор.

А.И.: То есть без вины виноватыми вы были. Но сейчас времена изменились. Последний прямой выпад в ваш адрес был четыре года назад...

РЕТРОСПЕКЦИЯ: Я рискнул привести здесь столь длинные рассуждения Максима Каммерера лишь потому, что в них, как в зеркале, отражаются пресловутые сумерки морали самих Прогрессоров. Для читателя эти рассуждения, выворачивающие наизнанку саму идею прогресса, действительно звучат дико... Подобные мысли, приписываемые людям XXII века, коммунистического, по словам А. и Б. Стругацких, общества, вызывают протест. Не может быть коммунистическим такое общество!

(Шабанов А. В грядущих сумерках морали. // Молодая гвардия. — 1985. — №2.)

А.И.: Этот выпад Ваш брат, Аркадий Натанович, на страницах "ЛГ" 15 мая 1985 года охарактеризовал так:

"Просто неумная ругань по поводу повести ("Жук в муравейнике" — А.И.), опубликованной более пяти (!) лет назад. Оперативно откликнулись, так сказать..."

Б.С.: Шабанов делает дело. Свое. Сейчас даже зам. главного редактора журнала "Наш современник" Свининников, как мне кажется, не является лицемером. Он нашел себе место, где может быть искренним. Журнал "Наш современник" защищает совершенно определенную позицию, свое виденье мира, свою систему нравственности. И Свининников делает дело "Нашего современника", дело определенной группы людей, не лицемера. То есть, конечно, времена изменились, и теперь эта группа литераторов вынуждена пользоваться подтекстами, подчас достаточно прозрачными. Но многие вещи они все-таки не решаются произнести вслух. Они не могут, к примеру, открыто поддержать Нину Андрееву, осознавая, что ныне это моветон. Что ж, они поддерживают ее косвенно. Так что в этом смысле Свининников и сегодня на месте...

А.И.: Есть надежда, что время не потечет вспять. Вы сами три года назад на семинаре фантастов сказали: "Я думал, что просвета уже не будет, что все кончается в нашем родном Отечестве. А теперь появилась надежда, что мы... еще увидим небо в алмазах!". Ваши умозаключения до апреля 1985-го были весьма пасмурны. Вы пессимист? Вы реалист? А как быть с распространенным мнением, что фантаст непременно оптимист?

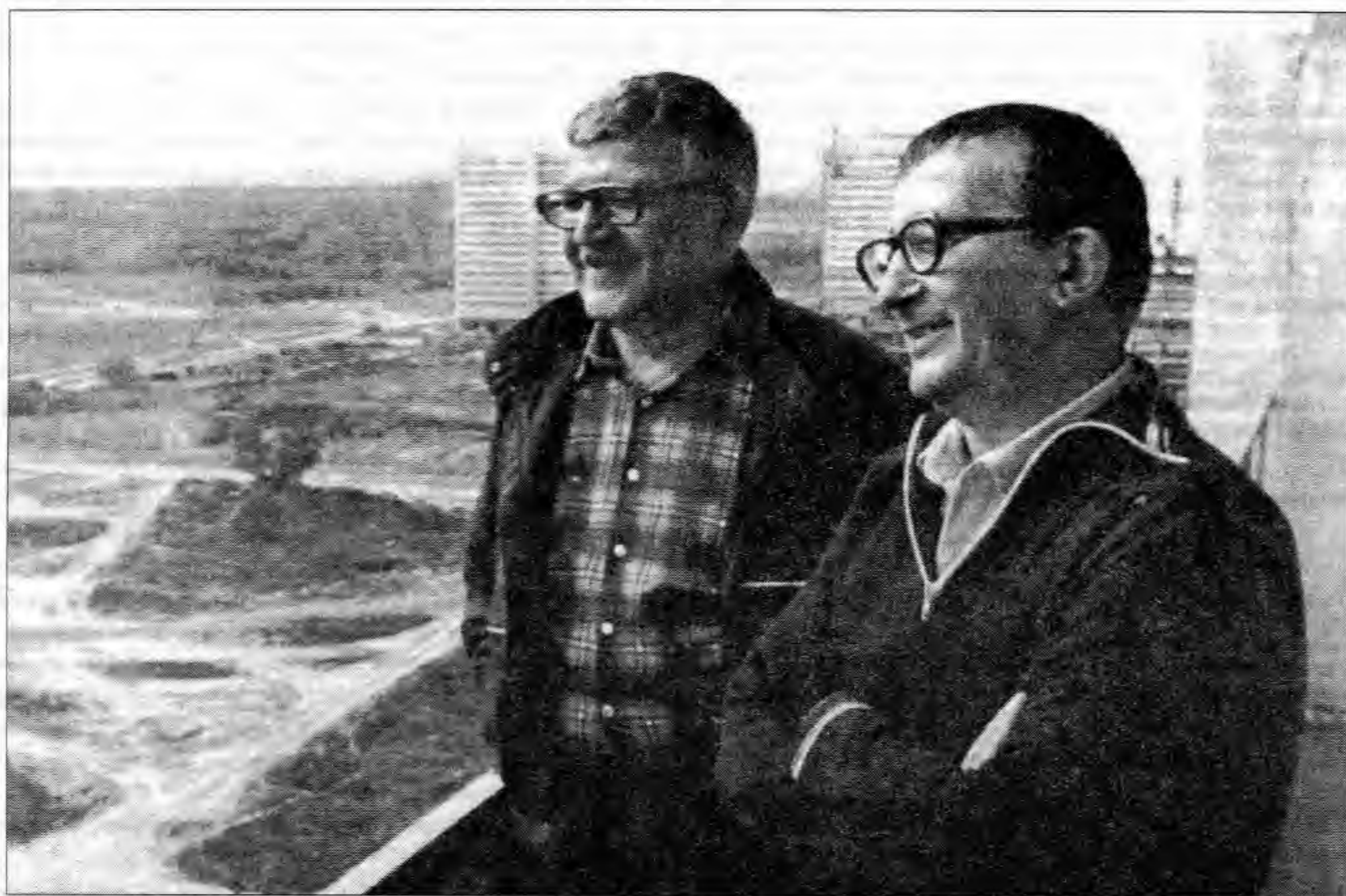
Б.С.: Прежде всего, я оптимист! Потому что я исторический материалист. Оптимист — это человек, верящий в перспективу. Я верю, что открытый или, по крайней мере, сформулированный Марксом закон о неизбежном, постоянном и неуклонном развитии производительных сил общества имеет место. А раз так, то неизбежно со временем будут происходить изменения в производственных отношениях. Когда я говорил, что просвета уже не будет, то имел в виду свою личную жизнь, не более того. Я и сыну родному говорил: ты, может быть, еще увидишь хорошее время, а я вряд ли. Почему? Потому что я не видел тех сил, которые произведут изменения в существующей социальной обстановке.

Было общество, составленное из двух только типов людей: начальства и подчиненных. Слои эти социально сливались, переходили один в другой — почти каждый подчиненный был пусть маленьким, но начальником. Положение складывалось такое, что могущие изменить ситуацию — экономическую, социальную, политическую, культурную, нравственную, экологическую — не нуждались в этом.

Зачем? Им и так было хорошо. А кто хотел изменить, тот, соответственно, не мог этого сделать. И я плохо себе представлял, какие процессы могут разрушить подобную чрезвычайно устойчивую систему. Для меня, откровенно, по-прежнему и сейчас остается загадкой: почему произошел Апрельский пленум 1985-го, откуда взялась группа людей наверху, которая все-таки захотела изменить ситуацию?

То, что подавляющее большинство власть имущих по-прежнему не хочет ничего менять, мы ежечасно и ежедневно наблюдаем своими глазами, именно поэтому все идет так медленно, с таким жутким скрипом.

Но Апрель 1985-го произошел. Сработали какие-то механизмы, про которые у Маркса ничего не сказано. Из исторического материализма следовало только, что положение, сложившееся в период застоя, не может существовать вечно. В

Аркадий Натанович и Борис Натанович Стругацкие.

ФОТО: INTERNET <http://www-ibm866.amc.ru/~dv/sf/abc/kamerrer/foto>

этом смысле я был, есть и всегда буду оптимистом. Да, благодаря неким конкретным механизмам застой будет разрушен, и общество выйдет на ту дорогу, столбовую дорогу исторического развития, на которую и должно выйти.

Вот нас занесло с середины 20-х в какие-то социальные буреломы, буераки, в болота. Мы по этим болотам прем со страшной силой, теряя энергию, теряя жизни, теряя нравственность, все теряя.

Это не случайность, конечно. Это — закономерный отворот в бездорожье, но это не есть столбовая дорога развития нашего общества. И рано или поздно — исторический процесс так устроен — нас на автостраду все же вынесет, и мы по ней пойдем, как все нормальные люди. И тогда, может быть, еще при нашей жизни, мы увидим небо в алмазах.

А.И.: Во всяком случае, просвет есть. Для Вас с братом, как для писателей, это выразилось хотя бы в том, что вышли в свет пролежавшие почти двадцать лет "Гадкие лебеди" и "Град обреченный". В полном объеме напечатаны повести "Сказка о Тройке" и "Улитка на склоне". Из новых вещей опубликованы "Отягощенные злом".

Андрей Битов не так давно бросил реплику в том смысле, что сейчас самое время не писать, а печататься. И действительно! Печататься стало проще. А писать?

Б.С.: Почему братьям Стругацким стало труднее писать, я, пожалуй, скажу. Большую часть жизни мы писали о будущем. Иногда даже сами этого не понимали. Потом перечитываешь и думаешь: господи! опять мы все о нем!.. А сейчас стало очень трудно писать о будущем. Мы временно как

бы перестали его чувствовать. Я лично перестал. Десять лет назад на вопрос, что будет завтра, безо всяких колебаний отвечал: да то же самое, что и сегодня, только несколько хуже! А вот сейчас я не могу ни серьезно, ни в шутку ответить на этот вопрос.

Нужно время. Время покажет.

А.И.: Борис Натанович, есть вопрос, на который Вы никогда не отвечаете...

Б.С.: Я и сейчас на него не отвечаю.

А.И.: И потому я не буду спрашивать о Ваших творческих планах, а приподнято-риторически воскликну: не говорите, над чем Вы сейчас работаете, но ответьте — Вы ведь работаете?!

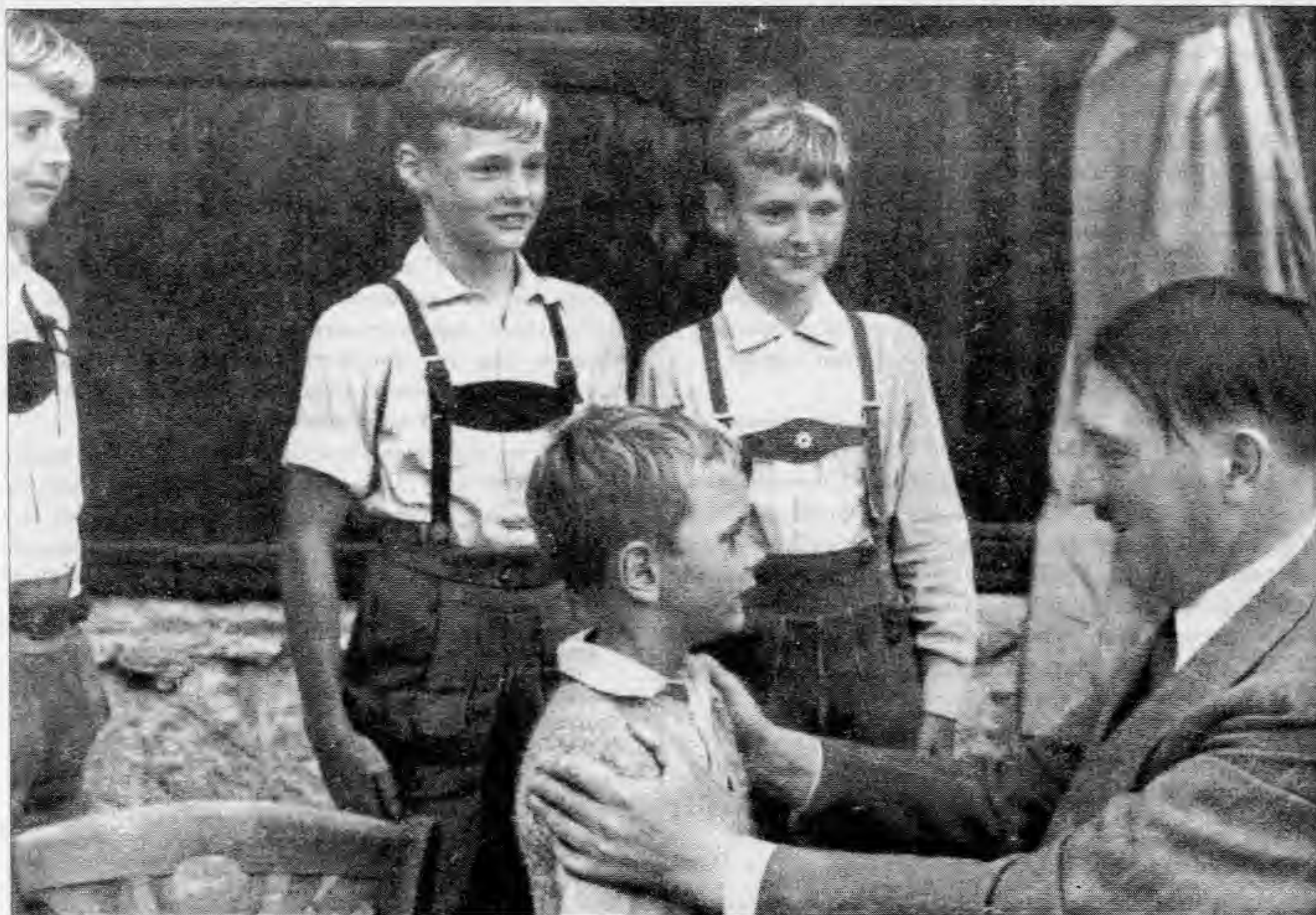
Б.С.: Да, мы работаем. Мы всегда работаем. По сути дела, мы всю жизнь только этим и занимаемся!

РЕТРОСПЕКЦИЯ: "Не понимать — это моя прерогатива, сказал Банев. В этом мире все слишком уж хорошо все понимают, что должно быть, что есть и что будет. И большая нехватка в людях, которые не понимают. Вы думаете, почему я представляю ценность? Только потому, что я не понимаю. Передо мной разворачивают перспективы, а я говорю: нет, непонятно. Меня оболванивают теориями предельно простыми, а я говорю: нет, ничего не понимаю... Вот поэтому я нужен..."

(Стругацкие А. и Б. "Гадкие лебеди". — Самиздат, 1974).

Ленинград, осень 1989 года.

12 октября 1991 года ушел из жизни Аркадий Натанович Стругацкий.

Покровитель "Лебенсборна" Гитлер: "Наш национальный долг — воспитание арийского потомства."

ФОТО "DER SPIEGEL"

Дети для фюрера и Штази

В декабре 1935 г. одержимый идеей арийского расового господства рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер основал союз "Лебенсборн". Цель союза: воспитание детей от избранных людей арийской расы в духе национал-социалистического идеала. Союз должен был собирать по всей Европе подходящих детей германского типа и свозить их в построенные специально для этой цели детские дома в Германии.

Адольф Гитлер, рассматривая идею Гиммлера, поначалу сомневался. Однако, когда расовый фанатик подсчитал, что его "Лебенсборн" может в будущем обеспечить рейху армию в 400000 человек для борьбы за мировое господство, фюрер, наконец, согласился. Идея ему понравилась, своему секретарю Генри Пикеру он написал: "Нужно во все районы, в которых неблагоприятный состав населения, отправить элитные группы войск для "освежения крови". Уже через 10-20 лет это принесет достойные плоды."

Союз "Лебенсборн" действовал в режиме строжайшей секретности. Чтобы отделить союз от партийного аппарата НСДАП, Гиммлер перевел его мюнхенскую резиденцию в дом, который раньше принадлежал Томасу Манну. На расчетный счет № 26699 все руководители СС были обязаны перечислять определенные суммы.

На эти деньги в одной только Германии было построено 9 детских домов. Все они, в том числе "Шварцвальд" и "Курмарк", служили идее расового господства. До конца войны в Германии появилось на свет примерно 11000 детей "Лебенсборна", отцами которых являлись прежде всего члены СС. "Я рад, — хвалил Гитлер их усердие, — что именно элитные войска СС восприняли свою обязанность — производить на свет ценных в расовом отношении детей — в качестве долга перед своим народом."

Кому принадлежали новорожденные, становилось ясным на обряде, отчасти сходном с крещением. Назывался он "Причащение знамени". При этом младенца клали рядом с бюстом Гитлера, который находился в окружении лавровых деревьев. Рядом с ним располагалось знамя СС и фотография матери. Под вариации Гайдна к "Песне о Германии" руководитель детского дома касался новорожденного эсэсовским кинжалом и произносил слова типа: "Я даю тебе имя Хартмут (нем. "твердость и мужество" — прим. пер.). Будь же тверд."

Дети поступали в детские дома "Лебенсборна" не только от добровольцев на родной земле, но и от поработанных европейских народов. Германизации подлежали расово ценные дети во Франции, странах Бенилюкса, Дании и Польше. Их отрывали

от родителей и отправляли в детские дома Германии. Выбирались мальчики и девочки по так называемым арийским таблицам СС. Наиболее важным критерием при измерениях было расстояние от лба до затылка.

Норвежские дети не проходили процедуры измерения. Норвежцы, полагал Гиммлер, в качестве прямых потомков викингов заведомо обладали отвагой, силой и твердостью. Эти качества должны были присутствовать у них в генах. Они словно самой природой были созданы для воспитания в духе нацизма. А если доблестный немецкий солдат соединялся с сильной светловолосой норвежской женщиной, то, по простому расчету Гиммлера, возникало нечто совершенно элитное — эдакий сверхтевонец.

Таким образом, немецким солдатам, размещенным в Норвегии, а их было более 400000, было дано циничное "боевое задание" — "амуры" для Гитлера. С глубочайшей серьезностью было разослано циркулярное письмо под названием "СС для великой Германии, III Рейх, клинок и колыбель", в котором содержалось указание, чтобы немецкие солдаты производили на свет по возможности больше детей, — неважно, в браке или безбрачии. Матерей, таков был приказ Гиммлера, следовало уговаривать добровольно сдавать своих детей на воспитание в Германию.

Наследники Гиммлера?

У правящих антифашистов Германской Демократической Республики проблем с человеческим наследием фашизма не было. Это подтверждают найденные недавно документы. Уже вскоре после образования ГДР, в 1949 году, в секретных

службах СЕПГ (ГБ Германской Демократической Республики — Штази) возникла идея использовать молодых граждан ГДР — выходцев из детских домов "Лебенсборна" — в качестве шпионов.

Воспитание арийских людей-господ в результате акции "Лебенсборн" было одной из наиболее сумасшедших выдумок в духе национал-социалистического расового безумия. ГДР наживала капитал на нацистском наследии. Штази лишала детей "Лебенсборна" их биографий, чтобы засылать на Запад агентов, снабженных, казалось бы, безупречной легендой.

Строители социалистического немецкого государства гордились тем, что они всегда противостояли национал-социалистическому режиму террора, что антифашизм являлся существенной частью антикоммунизма.

И все же, ради укрепления своих позиций, новые власть имущие восточной Германии без угрызений совести воспользовались наследием нацизма, основанным на его презрении к человечеству в целом, а именно судьбами людей, в детстве привезенных в Германию в ходе акции Гиммлера "Лебенсборн". По принципу: в борьбе против классового врага все средства хороши.

У этих людей в глазах Штази было одно неоценимое преимущество: право на получение гражданства в тех странах, в которых они родились.

Так, например, слесарь-механик Арнфинн Миклестад, родившийся в 1941 году в Норвегии и выросший в детском доме "Зонненвизе" в местечке Корен-Залис под Альтенбургом, в начале 60-х, узнав о своем происхождении, получил в норвежской военной миссии Западного Берлина паспорт гражданина Норвегии и переселился в западную часть германской столицы.

Немецкая оккупационная армия в Осло в апреле 1942: амуры для Гитлера.

ФОТО "DER SPIEGEL"

В преимуществах западного образа жизни Миклестад был, однако, вскоре разочарован, что и помогло госбезопасности завербовать его в качестве агента под псевдонимом "Петер Бернштейн" и отправить осведомителем в крупный промышленный центр Франкфурт-на-Майне.

И все же защитники восточной безопасности, очевидно, не смогли найти достаточного количества добровольных помощников из числа бывших детей "Лебенсборна". Поэтому и был придуман такой трюк: биографии детей "Лебенсборна" использовались в качестве маскировки для специально отобранных шпионов, которые затем, под прикрытием великолепной, с точки зрения Штази, легенды, засылались на Запад. Кстати, советский КГБ также активно использовал детей-сирот восточной Германии в своих целях.

Поскольку жизненный путь детей "Лебенсборна", часто рожденных в случайных связях и воспитанных в нацистских детских домах, как правило, трудно было реконструировать, то их биографии служили надежным прикрытием в течение 20 лет и более даже в тех случаях, когда у западных спецслужб возникали подозрения.

Подлинные дети "Лебенсборна" платили за это горькую цену. Они всю свою жизнь находились под наблюдением, каждая их попытка узнать что-либо о своем происхождении блокировалась.

Точное число шпионов с украденными биографиями неизвестно, большинство документов уничтожено. Ясно одно: до сих пор в объединенной Германии и в других странах в полном спокойствии разгуливают агенты, у которых где-то есть двойники.

Бывший шеф Штази Эрих Мильке и его подчиненные молчат, а бывший главный шпион Маркус Вольф, который в течение 34 лет руководил зарубежными осведомителями Штази, начисто забыл в своих недавно вышедших воспоминаниях главу о золотом веке агентуры.

На вопрос корреспондентов "Шпигеля", заданный в перерыве между двумя читательскими поездками, он лишь туманно признался: "Сама идея мне как-то знакома, но точных случаев я не припомню."

Его офицеры, однако, на память не жалуются. По их сообщениям, вплоть до семидесятых годов на Запад систематически засылались агенты "Лебенсборна". "Мы были в восторге от такой массы исходного персонального материала", — сказал один из них. Циничнее не смог бы выразиться и сам Гиммлер.

Полвека спустя после начала этой "одиссеи", одна из немецких организаций занялась, наконец, судьбами дважды

Осмотр польских детей врачами СС в октябре 1942 г.

ФОТО "DER SPIEGEL"

SUDD. VERLAG

обманутых: в катакомбах берлинской службы Гаука всплыли первые досье, подтверждающие использование детей обеими германскими диктатурами. Эксперты, занимающиеся документами Штази, проверяют теперь списки детских домов "Лебенсборна" на территории бывшей ГДР. Директор службы по проверке документов Штази Петер Буссе заявил: "Дети "Лебенсборна" должны у нас зарегистрироваться. Мы попытаемся прояснить их прошлое."

"Это просто беспредел"

Об украденных биографиях троих норвежских детей "Лебенсборна"

"Нордический тип с его светлыми, победно сверкающими глазами является подлинным украшением планеты." (Генрих Гиммлер — шеф СС).

"Борцы невидимого фронта были и остаются самым ценным звеном органов социалистической Госбезопасности." (Эрих Мильке — обер-шпион ГДР).

Человек, назвавшийся Людвигом Бергманном, очень спешил. Он коротко посетил могилу своей матери Сольвейг, которая умерла за несколько недель до этого в норвежском местечке Хаугезунд. Затем он получил от своего брата Арне причитающуюся ему долю наследства, 7068 крон и 50 эре наличными, расписался и исчез.

С того самого дня летом 1982 года Арне и Хельге Бергман из Хаугезунда никогда больше не видели человека, которого считали своим братом.

15 лет спустя, в один из солнечных майских дней, дети умершей Сольвейг Бергман пережили еще одно потрясение, обнимая в аэропорту Хаугезунда совершенно незнакомого им мужчину.

Людвиг Бергманн из Франкенберга в Саксонии до этого дня никогда не видел своих братьев и сестер, но он является их настоящим братом. Вместе с ними он сажает розовый куст с желтыми бутонами на могиле своей матери. "Вечная память" — надпись на надгробной плите. Все молча роняют слезы.

Двойник Людвига Бергманна — живой символ бесчеловечной политики двух германских тоталитарных систем — фашистской и коммунистической.

Настоящий Людвиг родился в 1941 году, в Хаугезунде, во время оккупации, от немецкого солдата и норвежской матери и вырос как жертва национал-социалистической идеологии "Лебенсборна" в детском доме под Альтенбургом.

"Поддельного" Людвига Бергманна на самом деле звали Хемпель, Хайнц Хемпель. Он родился в 1941 году в местечке Требсен под Лейпцигом и с 1966 года "вошел в роль"

лебенсборнского Людвиг — для изучения классового врага на невидимом фронте.

Настоящий Людвиг Бергманн находился в абсолютном неведении по поводу своего двойника из лаборатории тайной чекистской службы социалистического государства, он был полностью изолирован от своего прошлого. Штази перехватывала его корреспонденцию и с профессиональным педантизмом пресекала все его попытки отыскать в Норвегии свою мать. Она, таков был стереотипный ответ ГДР-овских инстанций, либо умерла, либо пропала без вести.

Такая участь ожидала всех бывших детей "Лебенсборна" из Норвегии, Франции, Бельгии, Нидерландов или Дании, которые росли после войны в ГДР, считаясь, как правило, лицами без гражданства. Все они имели право на получение паспорта той страны, в которой родились, но паспорта доставались чекистам.

В своей лаборатории офицеры ГБ сочиняли трогательные фальшивки, якобы написанные сиротками "Лебенсборна". "Я чувствую себя норвежцем" — заявление, содержащееся в одном из писем, адресованном посольству и паспортным службам, в другом: "Двухлетним ребенком я был оторван от матери и увезен в Германию. Хочу хоть что-либо узнать о своих родителях." В качестве причины для выезда на Запад они почти всегда указывали преследование их со стороны властей, которые якобы требовали от них принятия гражданства ГДР.

"Легальный выезд из страны с использованием акции "Лебенсборн" фашистского германского вермахта" — так называли эту процедуру в госбезопасности ГДР. Эдакое взаимодополнение нацистского государства и социалистического

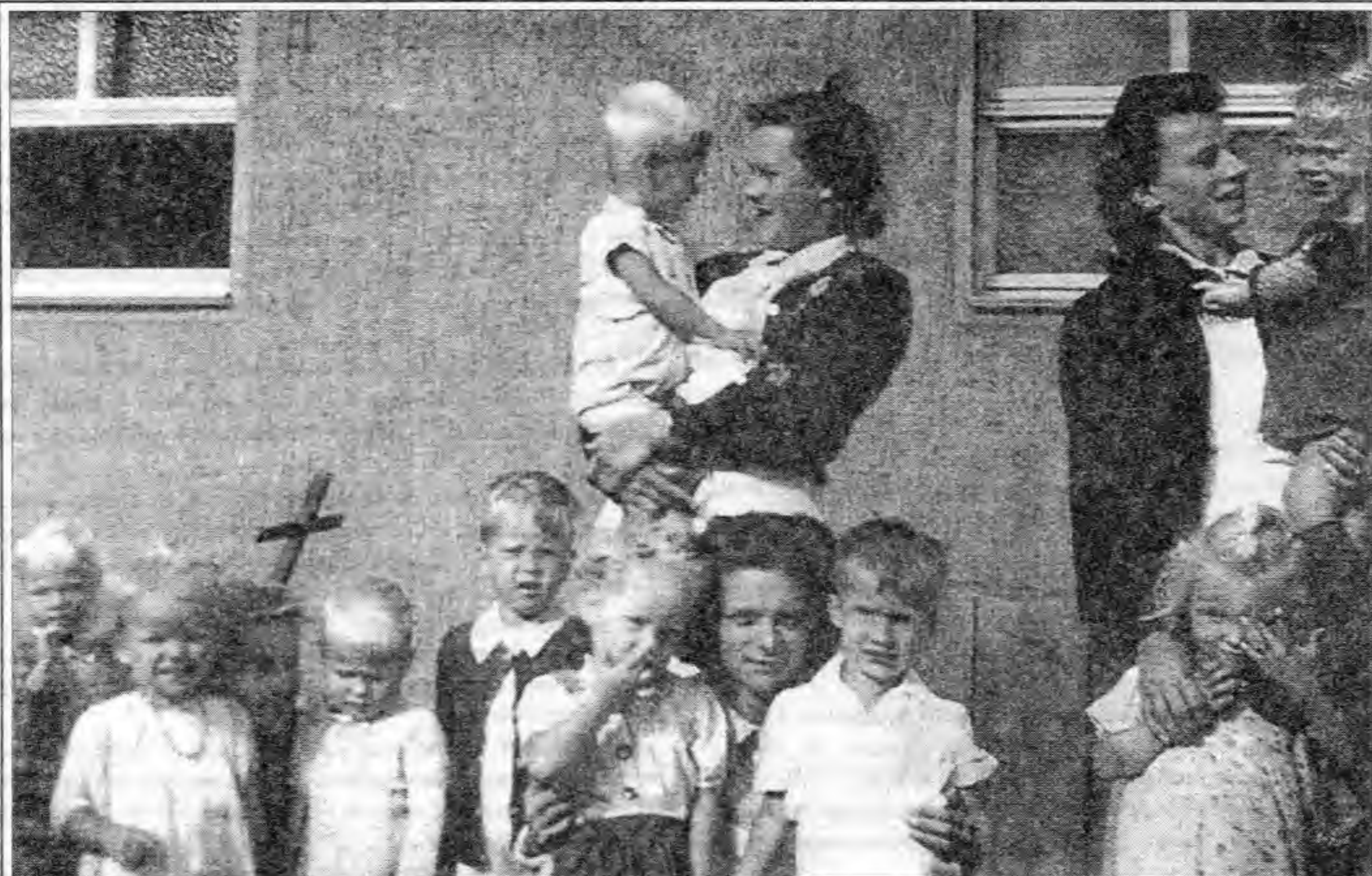
режима. Дети "Лебенсборна" оказались дважды обманутыми: они были украдены Гитлером у своих родителей, а их биографии присвоил Мильке.

В Норвегии нацисты действовали с особой тщательностью. Многие женщины рожали в рудниках под землей, опасаясь, что у них отберут детей. И все же расовые фанатики "Лебенсборна" из 9000 норвежских детей, рожденных в годы войны, взяли на учет две трети; около 300 из них были вывезены в Германию.

Новорожденный Людвиг Бергманн также стал светловолосым северноарийским трофеем фашистской Германии. Чтобы не было никаких сомнений относительно происхождения ребенка, Гиммлер требовал точного установления отцовства. 5 марта 1942 года помощник советника военно-морского суда др. Штапелькамп, юрист "суда второго адмиральского балтийского пункта г. Киля", засвидетельствовал, что отцом мальчика Людвиг является ефрейтор Людвиг Бергер, проживающий в местечке Пазинг под Мюнхеном по адресу Мюнхенштрассе, 51.

С ребенком, о котором отец ничего не хочет знать, у матери Сольвейг Бергман много проблем. Развивается он, правда, хорошо, и ее супруг Свен Олоф, которому она призналась в измене с немецким солдатом, соглашается оставить ребенка в семье.

И все же Сольвейг Бергман постоянно ощущает на себе позорное клеймо. Женщинам, которые связывались с оккупантами, воинственно настроенные соотечественники брили головы, иногда обмазывали смолой и валяли в перьях. Некоторым вырезали или выжигали на лбу свастику.

Дети "Лебенсборна" в детдоме "Зонненвизе": украденные Гитлером, использованные Мильке.

ФОТО "DER SPIEGEL"

Узнав в 1942 году о своей новой беременности, она соглашается на предложение нацистов взять на себя заботу о Людвиге. Едва достигнув 2-летнего возраста, мальчик попадает в детский дом "Годтхаб" под Осло. Нацисты "онемечивают" его, добавив к фамилии второе "н", и регистрируют свой новый генный резервуар под номером 368 "Лебенсборна".

Как и все норвежские трофейные дети, номер 368 в сентябре 1944 года поступил в детский дом "Зонненвизе" (нем. "Солнечный луг" — прим. перев.) в Корен-Залис под Альтенбургом: детей привозили поездом, иногда их набирался целый вагон. Младенцев грузили затем в белье в корзины в открытый прицеп, самому младшему было всего лишь три недели от роду. Трактор тянул прицеп в гору, к детскому дому. "Все такие хорошенькие, светленькие, глазки, в основном, голубые", — вспоминает медсестра Инга Кюльбель.

Когда генерал-полковник Альфред Йодль подписал в Раймсе капитуляцию, а Генрих Гиммлер отравился, в "Зонненвизе" жили еще 90 детей, ни один из них не был старше пяти лет. Суперарийцы быстро превратились в никому не нужных "эсэсовских выкормышей". И норвежские власти вели поиски своих маленьких граждан без особого энтузиазма.

Мать Людвиг в Хаугезунде получает от первой конторы Социального министерства краткое сообщение: сына найти не удалось. В октябре 1950 года дело закрывают. Людвиг Бергман, говорится в заключении, находится в неизвестном месте в Германии.

В послевоенной неразберихе, по оценкам историков, только половина воспитанников "Лебенсборна" вернулась к своим родителям. 150 только норвежских детей осталось в советской оккупационной зоне. В детдоме "Зонненвизе" встречают конец войны трое друзей, которые никогда после этого больше не увидятся. Объединяет их с тех пор одно: имена всех троих впоследствии были использованы Штази.

Людвиг Бергманн теперь уже не помнит детский дом в Корен-Залисе. Вилли Зигфрид Эдегард, номер 3754 "Лебенсборна", вспоминает большую и шумную столовую. Ауд Ригмор Грæфе как сейчас видит куклу, падающую с балкона.

Поначалу всем трое из детдома "Зонненвизе" везет. Жена мясника Адельгейд Хельбиг, жившая по соседству, берет к себе Ауд Ригмор Грæфе, девочку в пальтишке с широкими рукавами и в голубенькой шапочке колпачком. Вилли Зигфрид Эдегард переименован приемными родителями из близлежащего Гайтхайна в Андреаса Фогеля. А Людвиг Бергманн уезжает к Анне и Виктору Клоссек в Рамсдорф, Дорфштрассе 53.

Детям "Лебенсборна" в начинающем антифашистском государстве приходится скрывать свое "прошлое". Приемные родители объясняют Людвигу, что его "реальная" жизнь началась только у них.

Настоящий Бергманн — в комнате, где он родился, в Хаугезунде, 1997г.

ФОТО "DER SPIEGEL"

Всего лишь в часе езды от Людвиг Бергманна, в Требсене под Лейпцигом, в заботливой социалистической атмосфере родительского дома подрастает его ровесник Хайнц Хемпель, отец которого уже в 1947 году стал членом СЕПГ.

Никто не подозревает, что в Берлине уже плетется сеть, которая чуть ли не всю жизнь будет незримо, но прочно соединять ребенка из Норвегии и преемника идеалов социализма.

Еще до того, как ГДР провозгласила строительство социалистического общества, Москва начала создавать в своей оккупационной зоне спецслужбы по советскому образцу. НКВД мастерил первые структуры госбезопасности, а советская военная разведка ГРУ заботилась об укреплении своей резидентуры в восточно-германской группе войск.

Две службы одновременно должны были держать Запад под контролем. Шефом одной из них, позднее называвшейся Главным разведывательным управлением Министерства госбезопасности, вскоре стал молодой и честолюбивый Маркус Вольф.

Конкурентная служба приступает к работе осенью 1952 года в штабе казарм народной полиции, в Берлин-Адлерсхофе. Под руководством советских инструкторов группа владеющих русским языком офицеров тренируется в сборе и анализе западной военной информации.

Поскольку военная разведка с годами действует все успешнее, страдающий хронической подозрительностью Эрих Мильке постоянно засылает людей из Штази в Военную службу информации, которая официально подчиняется Министерству обороны.

Кто первым додумался до грязной идеи использования детей "Лебенсборна" в целях шпионажа — Штази или их коллеги-чекисты из армии, — неясно до сих пор. Во всяком случае, в одну из этих спецслужб попало письмо гражданки Грæфе со странным именем Ауд Ригмор, в котором автор, обращаясь к соответствующим инстанциям в Осло, просила выдать ей свидетельство о рождении, поскольку

Гедезровский школьник Бергманн (справа); смирный, послушный.

ФОТО "DER SPIEGEL"

Агент Хемпель (второй справа) в Норвегии, "в кругу семьи".

ФОТО "DER SPIEGEL"

она собиралась выйти замуж. Защитники социалистической безопасности выяснили, что Ауд Ригмор Грэфе является лицом без гражданства. Они собрали сведения о ее lebensборнском прошлом и, вероятно, почуяли, что подобная биография дает им некие шансы.

Некоторое время спустя вдруг заинтересовались и Людвигом Бергманном: он, без малейшего сопротивления принимавший социалистическую повседневность, вдруг был вызван в участок народной полиции. Там ему предложили подписать документ, который запрещал ему поиск каких бы то ни было контактов с Норвегией. Иначе его ожидали весьма ощутимые наказания.

Бергманн, который давно уже не помышлял о Хаугезунде, воспринял эту процедуру, согласно его воспоминаниям, как типичный для ГДР абсурд. В действительности же это был день рождения его двойника. Из двух биографий и пары выдумок возникла прочная связующая нить для агентурной легенды.

Идеального кандидата на должность агента уже подыскивали: молодой инженер Хайнц Хемпель давно горел желанием отдать все свои силы на благо социализма.

в качестве кандидата. То, что молодой инженер становится при этом агентом, а не функционером, ничуть его не смущает. "Я пришел к убеждению, что должен организовать свою жизнь в соответствии с нуждами партии", — записано в одном из его кадровых документов. 1 апреля 1964 года начинающий шпион, которому между тем исполнилось 33, приступает к службе в отделе спецзаданий.

Перевоспитание бывшего норвежца Людвиг Бергманна происходит в три стадии. Первые шесть месяцев изучается теория: сущность империалистического государства, стратегия НАТО.

Чтобы настроиться на будущую деятельность, Хемпель смотрит фильмы про шпионов: "Только для глаз" ("For eyes only"), "Доктор Зорге передает из Токио" и анализирует их с руководителем. Он изучает тайнопись, азбуку Морзе и съемку фотоаппаратом "Минокс" в условиях плохого освещения. С помощью пластинок Хемпель учит английский язык.

В последующие восемь месяцев он начинает применять изученное. Сначала он подслушивает туристов в Западном Берлине, но уже вскоре получает более сложные задания типа "вхождение в контакт с лицом женского пола из Штраусберга".

Хемпель, учителя которого поговаривают о его "не вполне зрелой личности", сомневается в своей готовности к внедрению на Запад. Однако сроки поджимают. Согласно плану своего руководства, Хайнц Хемпель неудержимо растворяется, из него вырастает некий искусственный продукт — новый Людвиг Бергманн.

Вторая жизнь Хемпеля начинается с вызубривания новой биографии: "Меня зовут Людвиг Бергманн, я родился в Хаугезунде и попал в Корен-Залис в ходе акции "Лейбсборн", — до этого места легенда сходится с биографией настоящего Бергманна.

Из жизни Хемпеля была позаимствована учеба и первая должность на

Сольвейг Бергман, ее сын Людвиг (на своем предприятии при чествовании его как лучшего в бригаде).

ФОТО "DER SPIEGEL"

народном предприятии "Фарбен-фабрик Вольфен", к ней присочинили окончание старших классов вечерней школы в Биттерфельде и учебу в техническом вузе в Лойна-Мерзебурге. За фальшивыми свидетельствами и дипломами дело не стало.

"Приемными родителями" военная служба информации назначает семью Бергер в Галле, проживающую сначала Посадовскиштрассе 10, затем Гагаринштрассе 76. В последующие 18 лет Бергеры проходят в документах как источник "Зандберг", они передают в органы подчеркнуто жизнерадостные письма, в которых содержится зашифрованная информация для гебистов. В благодарность за это им иногда приносят корзиночку с подарками, иногда бутылку спиртного.

Одновременно необходимо вести наблюдение за подлинным Бергманном. Оригинал не создает особых проблем. Людвиг Бергманн выучился в армии на водителя. К этому времени он занимается доставкой мягкой мебели для франкенбергской фирмы "Лизема" (раскладушки, кресла, матрасы) в рабоче-крестьянском государстве, за пять марок в час.

Бергманн не принадлежит ни к какой партии, политикой не интересуется. Он даже политические анекдоты рассказывать боялся, признается он. С этим человеком у Штази проблем не будет. "По своему характеру он вполне лоялен", — запись некоего лейтенанта Линдауэра. Бергманн "не из тех, кто хочет быть на переднем плане". Желания отыскать родственников в Норвегии с его стороны также опасаться не стоит: "Он очень сдержан во всех отношениях."

В 1965 году Военная информационная служба ГДР начинает акцию "Бергманн": агент Хемпель запрашивает в посольстве Норвегии в Бонне подтверждение о его гражданстве и паспорт. Ему выписывают скандинавский загранпаспорт за номером RP B 0268224 и отправляют заказным письмом Бергерам в Галле. Своей семье Хемпель говорит, что едет на стажировку в Советский Союз. Затем один из первых шпионов ГДР с легендой "Лебенсборна" "выезжает в зону действия".

Хайнц Хемпель, он же Людвиг Бергманн, в конце апреля 1966 года уверенно покидает ГДР через берлинский вокзал Фридрихштрассе. Он обменивает деньги и регистрируется в норвежской военной миссии Западного Берлина.

Там его ожидает нервный шок: дежурный офицер сразу же выражает подозрение, что он шпион. Хемпель храбро отпирается. Чтобы больше не мозолить глаза, он тут же отправляется на свою новую родину. Через Гамбург и Копенгаген он летит в Осло, где вскоре находит себе работу в качестве аккордного

Маневры НАТО "Винтекс".

ФОТО "DER SPIEGEL"

R. BOSSU

рабочего на складе фабрики по производству красок "Альф Бьерке". В июле он снимает комнату у одной бездетной норвежской пары и запрашивает новый паспорт, в котором уже не будет указания на его гедеэровское прошлое.

Для укрепления своей легенды Хемпель завязывает в октябре контакт с семьей Бергманов, отправляет им письмо. Пожилая дама после долгих лет неизвестности колеблется между любовью и отчуждением. Она обращается за советом к своему мужу Свену Олофу. Патриарх созывает семью, выслушивает мнения и, наконец, решает: Людвиг — член семьи. Согласие на приезд получено.

К Рождеству Хемпель отправляет посылочку. В ответ на это мать звонит в его фирму и приглашает отпраздновать Новый год в Хаугезунде.

Первое посещение его якобы матери чуть не стало для Хемпеля одновременно и последним. Очевидно, норвежская секретная служба уже взяла его след — граждане, выезжающие из ГДР, автоматически попадают под подозрение.

Полиция Хаугезунда вызывает вновь обретенного сына Бергманов для беседы — подозрение в шпионаже. Мать сопровождает Хемпеля в полицейский участок. Следовательно сообщает, что недавно один польский шпион добровольно признался в своем поддельном lebensборнском происхождении.

Затем пытается блефовать: если и он признается, ему ничего не грозит.

Хемпель сохраняет спокойствие, оспаривает подозрение. Мать, совсем потерявшая голову от счастья после возвращения блудного сына, бросается ему на помощь. Она утверждает, что Хемпель действительно ее сын, ссылаясь при этом на сходство с его "братом" Арне. Никто не обратил внимания на его знание таких деталей семейной жизни, о которых он не мог узнать в годы разлуки.

В июльском отчете 1967 года при встрече в восточно-берлинском центре он гордо напишет: "Твердо глядя мне в глаза, семья сообщила о подозрении в шпионаже". Он же вел себя "уверенно, старался их убедить и успокоить". Военная разведка радостно констатирует: "Мать", а также "братья и сестры" признали его "сыном" и "братом".

И все же шефы не всегда довольны работой своего агента. Он даже, морщат они нос, не сообщил о реакции правительства Осло на шестидневную войну между арабами и израильтянами в июле 1967 года.

В том же году Хемпель приказом переводится из Осло в Мюнстер. Этот вестфальский город представлял большой интерес для разведслужб стран Варшавского договора. Здесь были размещены штаб первого армейского подразделения, северная группа воздушно-десантных войск, а также крупные части британской Рейнской армии.

Задание сложное, рассчитанное на долгую кропотливую работу: Хемпель должен сделать профессиональную и общественную карьеру и подыскать себе жену — для прикрытия. Он становится руководителем отдела одного из химических концернов, но поиски спутницы жизни продвигаются с трудом. Он, правда, еще из Осло послал запрос в одну брачную контору, но подходящую кандидатуру найти нелегко. Дама из Брамше не подходит — слишком далеко от места работы. Флирт с дочерью мюнстерского директора финансовой службы быстро кончается: родители не могут представить себе Хемпеля в качестве зятя.

Хемпеля начинает терзать ощущение, что он не совсем подходит для работы на невидимом фронте. Слишком много от него хотят. Военная разведка терпеливо старается поддержать своего сомневающегося агента. Она награждает его медалью Национальной Народной Армии "За особые заслуги" из золота и бронзы, одновременно требуя увеличения контактов и сведений.

Однако и это не помогает. Даже самые простые задания Хемпелю не удаются. Вот он уже живет в одном доме с бригадным генералом Вангенхаймом, но, вплоть до его выхода на пенсию, не может даже зайти к нему в квартиру.

Попытки сблизиться с пивных с солдатами Бундесвера также ни к чему не приводят. Наконец, на помощь призывается женский состав военной разведки. Хемпелю предлагается наладить контакт с коллегой-агентом по кличке "Шмель". Она дослужилась до секретарши командующего боевой авиационной эскадрильей в Райне.

Но Хемпель отказывается от контакта, он уже влюблен в другую — молоденькую жительницу Мюнстера по имени Аннерозе Питцнер.

Наконец, осенью 1970 года военная разведка сдается. Хемпеля переводят в бадийское местечко Блумберг. Новое задание больше отвечает его манере работать в одиночку: он устанавливает радиосвязь в немецко-швейцарской пограничной зоне, устраивает тайники, продумывает системы встреч и пограничных шлюзов, закапывает радиопередатчики на "крайний случай". У своего работодателя, на химическом предприятии, он упражняется в промышленном шпионаже для индустриально отставшей ГДР. Даже в обеденный перерыв Хемпель не забывает о маскировке: читает норвежскую газету.

Проклятием ему, в конце концов, становится любовь. Страдающий от одиночества шпион восстанавливает связь, которая строжайшим образом была запрещена начальством: со своей мюнстерской Аннерозе Питцнер. Хемпель нарушает самое страшное профессиональное табу: он открывается своей возлюбленной и женится на ней. Шефы в Восточном Берлине вне себя от гнева, но, наконец, они смиряются и с этим.

На свадьбу, состоявшуюся 26 марта 1971 года, приезжает также мать, Сольвейг Бергман, со своей дочерью. В блумбергском отеле "На дубовом холме" пожилая дама, которую Людвиг без

Руководитель Штази
Мильке.

ФОТО "DER SPIEGEL"

Воспитанники "Лебенсборна" и их двойники: поддельная Ауд Ригмор, настоящая Ауд Ригмор, поддельный Эдегард, настоящий Эдегард.

ФОТО "DER SPIEGEL"

колебаний нежно зовет мамой, делает запись в гостевой книге: "Благодарим и надеемся на новую встречу. Сердечный привет из Норвегии".

В дуэте со своей Аннерозой шпион Хемпель сразу же начинает чувствовать себя увереннее. Однако он уже успел обратить на себя внимание военной контрразведки Бундесвера ФРГ (МАД). МАДовцы приметили его еще в ту пору, когда он неумело пытался сблизиться с солдатами Бундесвера в мюнстерских кабачках. Увидев его во взятом напрокат фольксвагене на маневрах НАТО "Винтекс 71", они начинают активную его "разработку".

Хемпель выходит на связь с Восточным Берлином. Немедленно приходит приказ: "лечь на дно". В фольксвагене супружеская пара направляется через Данию в Норвегию. В Осло Хемпель должен "полностью законсервироваться". Он становится научным сотрудником в институте биологии при университете и управдомом в своем жилом блоке.

Затаившийся агент радуется своему семейному счастью: как настоящему, так и поддельному. Аннерозе ждет ребенка, и путь в Хаугезунд, "отчий дом", недалек лежит. Семья Бергеров привыкла к блудному сыну, который любит наведываться, чтобы отдохнуть "в кругу семьи".

Возвращение Хемпеля в лоно своей якобы семьи на пользу не только ему, но и его коллегам. Ведь на Западе, под прикрытием легенды "Лебенсборна", шпионит еще множество других агентов ГДР.

Так, например, господин Пайзер из Кельна женится в марте 1970 года на некоей Ауд Ригмор Грэфе, немного спустя ее след теряется в натовском Брюсселе. Пайзер — восточный агент. Для прикрытия секретная служба устраивает ему свадьбу с иностранкой, посылая ему при этом "скандинавскую гражданку" из ГДР с легендой "Лебенсборна".

Настоящей же Ауд Ригмор Грэфе никогда не было ни в Кельне, ни в Брюсселе. В то время она как раз занималась организацией нового, собственного детского дома, строившегося по соседству с тем, в котором она выросла, с бывшим детдомом "Зонненвизе".

Через несколько дней после небольшого праздника по поводу официального его открытия, на котором ей было выдано свидетельство, подписанное лично Вилли Штофом, председателем Совета Министров ГДР, вдруг, через грязь, шлепает к ее дому незнакомый приземистый человек.

Он "из органов", сообщает он ей, показывает маленькое синее удостоверение и требует ее норвежское свидетельство о рождении. Ауд Ригмор немало озадачена, но свидетельство отдает. Через восемь недель оно возвращается к ней заказным письмом, при нем записка с благодарностью.

И Андреас Фогель, который под именем Вилли Зигфрид Эдегард воспитывался вместе с Людвигом Бергманном и Ауд Ригмор в лебенсборнском детдоме "Зонненвизе", никогда не выезжал на Запад. Только однажды, в 1964 году, он, будучи студентом физического факультета в Лейпциге, написал письмо в Норвегию. В нем он просил соборную церковь в Кристиансанде выдать свидетельство о рождении, необходимое ему для заключения брака.

Пастор Серензен не обратил внимания на то, что пять лет

Перевозка вещей семьи Хемпель из Австрии (1983).

ФОТО "DER SPIEGEL"

спустя еще один Эдегард запросил такой же документ. И ложный Эдегард во Франкфурте-на-Одере, Вильденбрухштрассе 146, получил по почте свидетельство. 6 июля 1969 года двойник, воспользовавшись этим документом, запросил в посольстве в Бад Годесберге норвежский паспорт.

С этим паспортом, 30 января 1970 года, он покидает ГДР, останавливается в Аахене, Нордхофштрассе 12, и пишет норвежскому вице-консулу Маркуссен: он премного благодарен за труды, но теперь решил все-таки остаться немцем, хоть и западным. Поэтому намерен обменять свой норвежский паспорт на западногерманский. Так поддельный норвежец становится поддельным западным немцем.

Последующие годы Эдегард проводит в техническом университете в Аахене, интересуясь, прежде всего, двигателями. Технический университет с 1919 года имеет кафедру аэродинамики и среди специалистов-исследователей считается первоклассным учебным заведением.

Шпион Эдегард снабжен профессионально изготовленными фальшивыми документами. При нем аттестат зрелости с характеристикой ("быстро нашел свое место в коллективе") и справка о сдаче предварительного дипломного экзамена Дрезденского технического университета.

Парень учился на пятерки и четверки. Только по "основам марксизма-ленинизма" у него, к радости консервативных аахен-

Шпион Хемпель.

ФОТО "DER SPIEGEL"

ских профессоров, всего лишь слабая тройка.

Весной 1972 года поддельный Эдегард защищает диплом и получает ставку ассистента у профессора Давида, крупного специалиста в области лазерных генераторов. В последующие за этим годы новоиспеченный инженер поставляет целую кучу ценной информации для промышленности ГДР.

И вдруг, 2 июля 1976 года, Эдегард, вместе с семьей, "уходит". В багажник машины супруги упаковывают коробку с чертежами технического института. Когда университет, десять дней спустя, заявляет об исчезновении сотрудника, полиция подключает госбезопасность. Ее сотрудники находят документы предателя и две специальных лампы, в 500 ватт каждая, для фотографирования документов.

Дальнейший путь супружеской пары теряется в неизвестности. Документы Штази по этим людям уничтожены — в отличие от документов Хайнца Хемпеля.

Вообще-то, Восточный Берлин хочет отозвать своего застрявшего в Осло шпиона, убедившись окончательно в том, что восточного Джеймса Бонда из него уже не получится.

Однако Хемпель хочет еще немного пожить на Западе. Он предостерегает свое руководство от принятия поспешных решений: он рассказал своей жене Аннерозе только часть правды о своей двойной жизни. При поспешном отступлении у нее могут сдаться нервы, и она, пожалуй, может довериться западным спецслужбам.

Хемпель и его жена, между тем, числящиеся курьерами по кличке "Волга", получают последний шанс в Австрии. Военная разведка назначает Хемпеля "резервным элементом" на случай "напряженности или войны". Его задание: в случае чего он должен заниматься саботажем за линией фронта. Но карьера Хемпелю уже не так важна, гражданская жизнь тоже имеет свою прелесть. Он ограничивается закупкой географических карт, выписывает военные журналы, такие, как "SPIND" или

"SOLDAT", и приобретает настенные календари федеральной армии в магазине писчебумажных принадлежностей в переулке Кремзен.

Настоящий Бергманн ведет, между тем, в ГДР довольно скромную жизнь. Он "вкалывает" на автопогрузчике в сталелитейной компании "Рудольф Харлас" и уже смирился с тем, что большего в жизни не добьется и что его семье придется довольствоваться мелкими кредитами в кругу знакомых и танцами под аккордеон.

Два значительных события можно упомянуть в его гедзеэровской жизни. В 1976 году он, к тому времени отец шестерых детей, объявляется лучшим в бригаде. Коллеги тащат его, прямо в грязной спецовке, в красный уголок для шутивого фотоснимка под знаменем. Затем его премируют поездкой в Москву на поезде.

В 1978 году он выигрывает 89 000 марок в лотерею. На 9000 он покупает подержанный "Трабант" и сразу встает на очередь на новый, за 12000. Получает он его незадолго до объединения Германии, в 1989 году.

О своей родине, Норвегии, воспитанник "Лебенсборна" вспомнил только однажды, когда в начале шестидесятых слушал запретное радио Люксембург. В одном из сообщений Красного Креста о розыске пропавших в войну родственников ему послышалось свое имя. Не мать ли его разыскивает? Бергманн решил тогда, что лучше об этом не думать.

Конец агента Бергманна наступает, в июне 1983 года. Хемпеля дважды вызывают для допроса в жандармерию Сент-Эгюд. На допросах он узнает, что уже в течение пяти лет находится под наблюдением австрийских спецслужб. В Восточном Берлине начинают нервничать. Федеральная разведка "раскрыла его при помощи ЭВМ", предполагает центр военной информации. От его ареста, однако, ввиду опасности ухудшения "политических и экономических отношений с Австрией",

Штаб-квартира Штази в восточном Берлине.

ФОТО "DER SPIEGEL"

следует воздержаться.

В начале ноября 1983 года семью по телефону вызывают в Будапешт, якобы для рутинной встречи. Хемпели приезжают в своем новеньком "Ауди 100".

В отеле "Szabadsag" офицер ГБ холодно сообщает шпиону об окончании его деятельности и приказывает немедленно вернуться в ГДР. Жена Аннерозе возмущена, однако "мужественно подчиняется указаниям офицеров", как фиксирует информационная служба. Соотечественники все уже подготовили. Они прикручивают номерной знак ГДР на "Ауди", забирают у Хемпелей австрийские паспорта и вручают им восточно-германские. Под эскортом "Вольво" военной разведки семья отправляется в Берлин. "Ауди", оцененная в 25000 западных марок, передается госбезопасности.

И только теперь, по окончании его деятельности, к агенту Хемпелю приходит слава, впервые за 20 лет. "Химик завода Voest оседает с семьей на Востоке" — под таким заголовком пишет о нем "KRONEN-ZEITUNG" и тут же спрашивает: "Промывание мозгов жене гедезровского шпиона?"

Бергманы в Хаугезунде не могут оправиться от шока, вызванного статьей под названием "Норвежский шпион?" в местной газете "VERDENSGANG". После посещения полиции они рвут на части фотографии и письма человека, который их так жестоко обманул, продолжая, однако, считать его своим завербованным братом.

Хемпель пишет последнее короткое письмецо своему "брату" Арне, которое остается без ответа. Затем шпиону в отставке предписывают еще одно, третье перевоплощение.

Чтобы отделаться от настоящего Бергманна, ему приходится развестись. Сразу после этого он вновь женится на своей Аннерозе под своим настоящим именем Хайнц Хемпель. При этом Хемпель берет фамилию жены, которая в ГДР официально, хоть и не по праву, зовется Бергманн. Хемпель получает свою старую дату рождения и к ней имя Людвиг. С тех пор его зовут Людвиг Хайнц Альфред Бергманн, урожденный Хемпель.

Экс-Хемпель прекрасно адаптируется в социалистической повседневности. Он преуспевает в партийной школе и успешно работает в сфере сбыта и закупок химической продукции в Дрездене.

Страдает только его жена Аннерозе. На полные упреков письма от ее семьи из Мюнстера она жалобно отвечает, что "годы их спаяли".

Начальник разведки Артур Франке лично обращается в Совет Министров ГДР с просьбой о ежемесячном пособии для Людвига Хемпеля, он же Хайнц Альфред Бергманн, и "персональной пенсии в размере 600 марок" для его верной жены по достижении ей пенсионного возраста.

В течение трех лет Штази проверяет экс-агента на подозрительные западные контакты, затем его личное дело закрывают.

Бергманн на могиле матери (1997 г.) с братом Хельге и сестрой Сольвейг: возвращение через 53 года.

ФОТО "DER SPIEGEL"

Теперь для спокойной жизни в относительном материальном благополучии и уверенности в социалистическом завтрашнем дне вроде бы нет никаких препятствий.

И тут внезапно падает бетонная стена между Востоком и Западом, за которой Хемпель-Бергманн чувствовал себя как за каменной.

Служащие военной разведки опасаются, что правозащитники начнут штурмовать их центральный офис на Обершпреештрассе 61-63. Когда из трубы котельной поднимаются белые кольца дыма, в дверь начинают стучать первые представители обществественности. Офицеры успокаивают их: документов здесь не уничтожают, кроме того, со Штази у этого ведомства нет никаких дел. "Восставшие" отступают.

Даже последнего министра обороны ГДР, бывшего врага государства и заядлого пацифиста Райнера Эппельманна, военным опасаться не приходится. "Продолжайте свой честный и добросовестный труд", — подбодрил работников секретной службы этот человек в синей фуражке, вступая на пост.

Без лишней суеты разведка распускает свою агентурную сеть за границей. 23 мая 1990 года мужской хор горланит на короткой волне, 3258 килогерц, последнюю "отходную": "Голову под воду, хвостик над водой!" — сигнал всем агентам, что настало время окончательно "лечь на дно".

Некоторое время спустя новому шефу военной разведки Альфреду Краузе удается убедить доверчивого Эппельманна в том, что все личные дела должны быть уничтожены. В одну из августовских пятниц солдаты ННА отвозят на 6 грузовиках 250 ящиков с документами, среди которых находятся досье Людвига Бергманна, Вилли Зигфрида Эдегарда, он же Андреас Фогель, и Ауд Ригмор Грэфе, в центральный офис, где стоят наготове бумагорезательные станки.

Хайнц Хемпель успокаивается. Почему бы ему и не

продолжить свою жизнь в новой Германии под именем Людвиг Хайнц Альфред Бергманн? Зачем ему рассказывать о себе враждебным органам? И какое это, с юридической точки зрения, имеет значение, что он женился, получил наследство, стал отцом, открывал счета и заключал контракты, подписываясь фальшивым именем?

Хемпель ничем не хочет рисковать, для этого ему слишком хорошо живется: новая должность в отделе внешних связей на одной из дрезденских фабрик по производству лаков, служебная машина, радиотелефон. Супруги покидают серый неприглядный дом на две семьи, расположенный на юге Дрездена, половину которого они занимали, чтобы поселиться в живописном Редбойле, в новостройке, на Эльбе, с видом на виноградники.

В отличие от Бергманна и Фогеля, Ауд Ригмор Грэфе, которая тем времени носит фамилию Харцендорф, хочет выяснить свое прошлое. Вскоре после падения стены она начинает поиски. На выступлении Хельмута Коля перед своими новыми подданными, она, набравшись смелости, вместе со своим знакомым Арно Каубе, который также вырос в детском доме "Зонненвизе", а теперь подыгрывает канцлеру, будучи трубачом в оркестре пожарной команды Корен-Залиса, обращается к скандинавским телевизионщикам. Те советуют ей написать письмо в государственный архив Осло.

Хороший совет. Ауд Ригмор впервые узнает о своем отце, летчике Руди Грэфе. Он умер в 1965 году в саксонском Шварценберге, совсем недалеко от нее. Мать еще жива. Они созваниваются. Ауд Ригмор едет в Норвегию. Как раз вовремя: спустя некоторое время мать умирает.

К женщине из Корен-Залиса стекаются другие дети "Лебенсборна". Она основывает союз, который занимается выяснением судеб этих людей. О том, что ГДР использовала факты их биографий для своих грязных трюков, она догадывается так же мало, как и другие жертвы режима.

Западногерманские службы уже в течение нескольких лет идут по следу этих биографических фальшивок, действуют, однако, в соответствии с основным правилом своего круга: знаешь и помалкивай.

Правда, старые федеральные земли уже чуть ли не в день объединения Германии начинают охоту на бывших восточных агентов. Сотни следователей выезжают к месту работы, допрашивают и арестовывают. При Федеральной службе защиты конституции в Кельне организуют особые штабы, поднимают личные дела и разрабатывают опросные листы.

Однако в список приоритетов "военные дети" не попадают. При этом достаточно одной ссылки на организацию Гаука, на поисковую службу Красного Креста или простого взгляда в Центральный персональный регистр ГДР.

Андреас Фогель, урожденный Эдегард, узнает только в середине мая этого года от редакции "DER SPIEGEL" о том, что его мать живет в Норвегии. Нет еще только адреса. Бывший физик, теперешний владелец кафе-мороженого, в полной растерян-

ности: "Мы, конечно, догадывались, на что эти "друзья" способны, но это просто какой-то беспредел."

Почему он сам никогда не пытался найти свою мать? "Я был ожесточен. Я думал, что я ей не нужен. Она ведь тоже никогда не беспокоилась обо мне." Если он тогда, в середине шестидесятых, имел бы шанс выехать в Норвегию, может быть, он и попытался бы. Но этот шанс у него отняла секретная служба ГДР.

И настоящему Людвигу Бергманну просто не верится, что его биография использовалась в течение 30 лет и до сих пор, в отдельных своих частях, "ведет" вторую жизнь. Он никогда не искал свою семью, предполагая, что мать не хотела о нем вспоминать. Своего двойника, "этого преступника", он видеть не хочет.

Хайнц Хемпель как раз собирается ужинать, когда в дверях раздается звонок корреспондента "DER SPIEGEL". Он открывает — в спортивных сиреневых штанах и зеленой трикотажной рубашке с короткими рукавами. "Ботинки снимать!" — кричит его жена Аннерозе из комнаты. Агент на пенсии уютно устроился: современная музыкальная аппаратура фирмы "Саба", на стене — наборная касса с фигурками, весьма аккуратно накрытый стол и над ним — воинственно настроенная супруга Аннерозе в полезных для здоровья ортопедических шлепанцах: "Уходите! Быстро! Уходите отсюда!"

Хемпель, нервно сглатывая, просит ее успокоиться. Затем, стараясь держаться непринужденно, указывает непрошеным гостям на дверь: "Мне бы не хотелось сейчас говорить на эту тему."

С волнением и страхом спускается Людвиг Бергманн в солнечный майский день с трапа самолета в аэропорту Хаугезунда. Он впервые в своей жизни получил во Франкенберге заграничный паспорт.

Бергманн повязал галстук и надел свою хорошую синюю ветровку. После кратких поисков он узнает в толпе встречающих брата Хельге и сестру Сольвейг, которая 53 года тому назад, в желтом деревянном доме у бухты Хаугезунда, качала его на руках.

Без слов они падают друг другу в объятия, смеются и плачут и начинают что-то говорить, каждый на своем языке.

За кофе и булочками с сыром братья и сестры перерывают фотоальбомы. Фотографий с фальшивым Бергманном Людвиг намеренно не замечает. "Это моя мать", — всхлипывает он вдруг при виде овальной карточки с женщиной в цветастом платье. Очки его запотевают.

На кладбище он прощается с Сольвейг Бергман, которая видела его лишь младенцем.

Через некоторое время и Андреас Фогель получает два сообщения из Норвегии. Первое: адрес его матери Сигне Эдегард установлен. Второе: пожилая женщина 14-го мая умерла...

По материалам журнала
"DER SPIEGEL"

перевод Галины БЛИНУШОВОЙ

Экс-шпион Хемпель (1997 г.).

ФОТО "DER SPIEGEL"

Михаил РОГАЧЕВ

ИНОЙ МИР

В 30-50 гг. Коми АССР была одной из самых обширных «провинций» ГУЛАГа. В этом «ином мире»¹ жили, страдали и гибли сотни тысяч людей, — добывали уголь и нефть, валили лес, строили заводы и железные дороги, и в то же время его ... не было.

По переписи 1939 г. в Коми АССР было 319 тысяч жителей — это официальные данные. А еще 132 тысячи человек (арестованные, заключенные, трудпоселенцы, аппарат лагерей и т. д.) «прошли перепись по линии НКВД» — о них предпочитали помалкивать². Кто добывал ухтинскую нефть? Ухто-Печорский трест, руководство которым при его создании в 1932 г. было возложено на ОГПУ. Кто строил железную дорогу Котлас-Воркута? Севжелдорстрой и Печжелдорстрой. Такие официальные «двойники» были у всех лагерей.

Двойной стандарт, тотальная ложь, возведенные в принцип советской пропаганды, существовали и в «ином мире» (а иначе и быть не могло — система-то одна). «Перевоспитанием» и «культурным обслуживанием» заключенных ведали специальные лагерные подразделения — культурно-воспитательные отделы и части (КВО и КВЧ) в составе лагерных политотделов³. В лагерях выпускались газеты, были клубы, художественная самодеятельность, театры (но заканчивался спектакль и актеры-заключенные возвращались в лагерные бараки). Если верить отчетам, заключенным читались лекции, проводились беседы, устраивались читки газет.

На собрании партактива политотдела Севжелдорлага зам. начальника политотдела Бажанов докладывал: «... среди лагерного населения за 10 месяцев 1943 г. проведено 754 доклада и митинга, 4500 политбесед и информации, 236 прочих бесед, 21252 читки газет, а охвачено этими мероприятиями в общей сложности более 1,5 млн. человек» (скорее всего, и здесь не обошлось без обычной лагерной «туфты»)⁴. Абсурдность и безнравственность лагерной «культурно-воспитательной работы», доказывавшей заключенным «преимущества социализма», очевидна. Но правила игры надо было соблюдать.

Публикуемый ниже документ в особых комментариях не нуждается. Это типичный образец «лагерного мифотворчества». Литературно-художественный монтаж о строительстве Северо-Печорской железной дороги был «составлен коллективом художественной самодеятельности СЖДС НКВД СССР на основе фольклорного материала, песен, частушек, написанных в ходе строительства железной дороги» в марте-апреле 1943 г. (режиссер — А. И. Токман, музыкальное оформление — Л. А. Стукачев, художник — Б. Я. Чупахин). Монтаж составлял первое отделение концерта коллектива художественной самодеятельности клуба пос. Железнодорожный, состоящего из вольнонаемных сотрудников Севжелдорстроя НКВД СССР⁵. Концерт готовился для участников пленума Коми обкома

ВКП/б/. В 1943 г. состоялись два пленума. Вероятно, имеется в виду 10-й пленум Коми ОК ВКП/б/, состоявшийся 4-6 апреля 1943 г., — на нем как раз обсуждался вопрос «о состоянии агитационно-пропагандистской работы в областной партийной организации» (в прениях выступил и начальник политотдела СЖДЛ Штанько)⁶.

Абсурдность ситуации заключается в том, что и самодеятельные артисты, и участники пленума отлично знали, что дорогу строили не «десятки и сотни коммунистов, комсомольцев и непартийных большевиков», а десятки тысяч заключенных. Для справки: в конце 1943 г. в СЖДЛ было всего 516 членов и кандидатов в члены ВКП/б/, из них — 232 — «работники охраны безопасности»⁷. Такие документы лучше десятков научных статей помогают понять эпоху.

Примечания:

1. Так назвал свою книгу воспоминаний о сталинских лагерях польский писатель Густав Герлинг-Грудзинский (см. Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир: Советские записки. — М., 1991.)
2. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги — М., 1992 — С. 25, 229, 250-251.
3. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. — Ч. 1. — М., 1991. — С. 151-153.
4. КРГАОПДФ — Ф. 1876 — Оп. 2 — Д. 145 — Л. 23
5. ЦГА РК — Ф. 605 — Оп. 1 — Д. 1048 — Л. 224-237
6. КРГАОПДФ — Ф. 1 — Оп. 1 — Д. 433 — Л. 3
7. КРГАОПДФ — Ф. 1876 — Оп. 2 — Д. 146 — Л. 19

В публикации использованы фотографии, представленные на выставке Томаша КИЗНЫ «ВРЕМЯ ИМПЕРИИ» («CZAS IMPERIUM»). Каталог выставки опубликован Центром «KARTA» (Ośrodek KARTA), Варшава, 1997.

Литературно-художественный монтаж о строительстве СЕВЕРО-ПЕЧОРСКОЙ железной дороги

ВЕДУЩИЙ: Инициатору строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали, ближайшему соратнику и другу Великого ЛЕНИНА — мудрому и величайшему Полководцу всех времен, нашему любимому товарищу

СТАЛИНУ — СЛАВА !!!

(Сигнал труб. "Песня о Сталине", муз. Покрасс, текст М. Исаковского)

Шумят плодородные степи,
Текут многоводные реки,
Весенние зори сверкают
Над нашим счастливым жильем!

Спойем же, товарищи, песню
О самом большом человеке,
О самом родном и любимом
О СТАЛИНЕ песню споем!

Он вел нас на битву с врагами,
За волю, за радость бороться
Вливал в нас и бодрость и силу
На славном пути боевом!

Спойем же, товарищи песню
О самом большом полководце,
О самом бесстрашном и сильном,
О СТАЛИНЕ песню споем!

Он создал на счастье народа

Закон, нерушимый навеки,

Весенние, ясные зори

Зажег он над нашим жильем!

Спойем же, товарищи, песню

О самом большом человеке,

О самом могучем и славном,

О СТАЛИНЕ песню споем!

ВЕДУЩИЙ: От коллектива художественной самодеятельности СЖДС участникам Пленума Коми областного комитета партии наш пламенный — ПРИВЕТ!

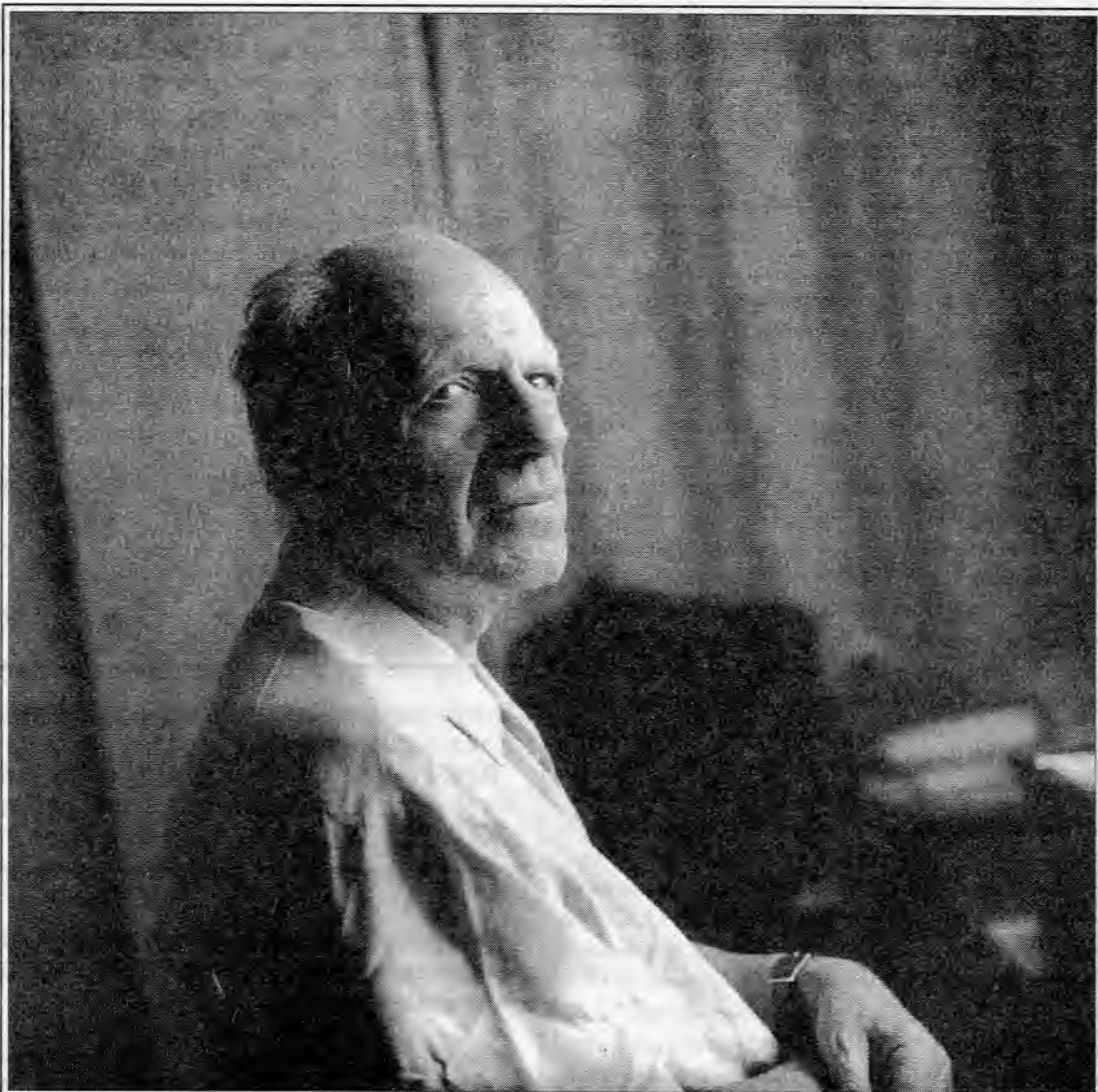
ВЕДУЩИЙ: Строительству стальных путей мы посвящаем наш литературно-художественный монтаж.

Широка и необъятна наша Великая Родина!

Широки и необъятны великие просторы нашего Севера.

(На заднике появляется карта Коми АССР).

ВЕДУЩИЙ: Посмотрите на карту — территория

Поэт Лазарь Вениаминович Шеришевский. Заключенный ГУЛАГа в 1945–1949 гг. Руководитель лагерных литературных театров в Бескудниково (под Москвой), Абези (Коми АССР) и Салехарде (Ямало-Ненецкий НО). Москва, 1993.

ФОТО ТОМАША КИЗНЫ

Автономной Советской Социалистической Республики Коми огромна! Это богатейший край, поверхность которого покрыта лесами, изрезана полноводными реками. Он хранит в своих недрах колоссальные природные богатства: уголь, нефть, асфальтиты, горючие сланцы и многое другое.

(По мере произнесения текста на карте зажигаются лампочки, обозначающие месторождения).

До революции все это не находило себе применения и консервативное царское правительство подавляло всякую свежую мысль о возможности использования колоссальных богатств Севера. Воспитатель Александра III-го генерал-адъютант Зиновьев на записку промышленника Сидорова, хотевшего разрабатывать Ухтинскую нефть, ответил: "Так как на севере постоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немыслимы, то по моему мнению и мнению моих приятелей необходимо весь народ удалить с Севера во внутренние страны государства, а вы хлопчете наоборот, объясняете о каком-то Гольфштреме, которого на севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные". Так относилось царское правительство к народам Севера и его богатствам.

Суровая, далекая окраина
Колючий ветер и звериный вой,
И керки дымные охотника-селянина
В непроходимой чаще голубой

Был этот край от мира отстраненный
В кольце нужды и тягостных невзгод
Но вот восстал народ закабаленный
Пришел семнадцатый Великий ГОД!

Своим могучим дыханием Октябрь согрел и Коми народ. Благодаря заботам великих вождей и гениев революции В.И. Ленина и И.В. Сталина ожил советский север и, наряду с другими народами-братьями, народ Коми под руководством партии взялся за великое дело завоевания своего счастья.

Неумолимая в своей суровости природа севера — непроходимые топи и болота, дикая таежная глушь, отсутствие каких бы то ни было дорог — пугали и отгоняли всякую мысль о возможности использования этих колоссальных богатств, тающихся в недрах земли.

Минули годы упорного труда. Республика стала неузнаваемой, созданы колхозы, построены промышленные предприятия. Только при Советской власти стало возможным использовать богатства Севера на службе нашей Великой Родины.

Делом первостепенной важности стали постройка железной дороги к Ухтинской нефти, Воркутинскому углю и соединение отдаленного севера с центром страны.

По Постановлению Партии и Правительства на территории Коми АССР началось строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали.

Заключительный концерт смотра художественной самодеятельности заключенных Управления исправительно-трудовых лагерей Узбекской ССР. Пятидесятые годы.

Автор фотографии неизвестен

Где спит Диксон, закутанный в тумане,
 Где знойным солнцем крыта Фергана,
 Где обнимает берег океана
 Из дальних стран пришедшая волна
 Где коми оставлял в лесах угрюмых
 Костров сгоревших зольные круги
 Где он о светлых днях грядущих думал
 Под плач суровой сумрачной тайги,
 Где покрывает снегом серебристым
 Январский день и землю и леса,
 Сюда пришли отважные чекисты
 Вести пути и строить корпуса

(песня строителей дороги)
 Где накрылся пургою косматой
 Край лесов и звериных берлог
 Проходили с киркой и лопатой
 Мы — строители новых дорог

ПРИПЕВ:

Пусть по новым перегонам,
 По мостам в пургу и зной
 Пробегают эшелоны
 По путям страны родной
 Если вдаль сквозь тайгу и болота
 Путь широкий и верный пролег,
 Значит здесь воевали с природой
 Мы — строители новых дорог

ПРИПЕВ.

Чтоб в тайге, как в пустыне безводной
 Человек не бывал одинок,
 Завершаем свой труд благородный
 Мы — строители новых дорог

ПРИПЕВ.

ВЕДУЩИЙ: Шел 1937 год, в тайге звенели топоры
 и пилы, стонала от взрывов земля, в таежных
 дебрях вспыхнул электрический свет. Это было
 начало штурма вековой глуши.

Мы, бойцы железной магистрали,
 Глушь таежных дебрей и лесов
 Наполняем песней, звоном стали,
 Громким взрывом наших голосов.

Мы шли через реки, топи и болота,
 Где до нас никто ногою не ступал
 Пусть кипит ударная работа,
 Чтобы труд на пользу дела стал!

В результате упорного труда коллектива стро-
 ительства Северо-Печорской магистрали 7-го
 ноября 1939 года было открыто пассажирское
 движение от станции Айкино до станции Чибью.

(на карте отмечается участок Айкино— Чибью)
 Таежные просторы,
 Природа расцвела
 На север мчится скорый —
 "Полярная Стрела"

Качаются вагоны
 Сигнальный слышен свист
 Мелькают перегоны
 Смеется машинист!

ПРИПЕВ:

Смотри как быстро мчится паровоз!
 Он столько радостей с собой привез!

И эту нашу песню мы в честь его поем,
 Нам северная стужа и холод ни по чем!
 Смотри вперед — уж стали мы смелей
 На сердце сразу стало веселей,

веселей!!!

Край дальний обновленный,
 Где много новостей,
 Зеленые вагоны,
 Писатели, артисты,
 Экскурсии детей
 И семьи наших дружных
 Строителей путей!

ПРИПЕВ.

ЧАСТУШКИ (шуточные)

1. Все теперь реальным стало,
 То, о чем лишь мог мечтать,
 Бездорожье затрудняло
 В этом крае побывать!
2. А теперь, подставив ветру
 Сталью скованную грудь
 Быстро мчится наш курьерский
 Обновляя новый путь!
3. Куда едете, гражданка?
 "В Княж-Погост" — "А я в Чибью,
 Еду к доченьке любимой
 Ей гостинчиков везу"
4. Ах, какой чудесный вечер
 Еду я к своей жене
 В ожидание этой встречи
 Не сидится даже мне
5. А вот я из Ленинграда
 Еду к мужу отдыхать
 Я так счастлива, так рада
 Не могу вам передать!
6. Говорят, набор артистов
 Производится в Чибью
 Там, конечно, я в театр
 Безусловно поступлю
7. Проложить в тайгу дорогу
 Был вопрос не так уж прост
 Прошло времени не много
 Граждане! — "Княж-Погост"!

(Частушки сопровождаются пляской, закрывается занавес).

ВЕДУЩИЙ: 1940-й год, — как никогда назрел
 вопрос о немедленном форсировании строительства
 Северо-Печорской железнодорожной магистрали.
 Во исполнение Постановления о скорейшем
 завершении строительства дороги скоростными
 методами труда народный комиссар Внутренних Дел
 тов. БЕРИЯ приказал: "Севжелдорстрой в 1940
 году выполнить Сталинское задание — закончить
 укладку пути и открыть временное движение от
 Котласа до Кожвы".

И мы пошли вперед, преград в труде не зная
 Творя рекорды с каждым днем
 Расте, вздымайся, трасса молодая
 Тебя окончим этим декабрем!

В борьбе за выполнение приказа Наркома — для
 обеспечения строительства трассы необходимыми

материалами, 8-го сентября 1940 года был открыт автолежневый путь от Ухты до Кожвы.

Перебивая птичьи разговоры,
Тайги нарушив сумрачный покой
Во всех концах гремят автомоторы
Над лесом реет подвиг трудовой
Они везут строительные грузы,
Чтобы скорее кончить магистраль,
Чтоб дальний север нашего Союза
Связала с центром рельсовая сталь
Они идут путем автолежневым
Уверенно к Печорским берегам
И на строительном этапе новом
Большую помощь оказали нам
Взойдет заря и утро огласится
Моторным гулом грузовых машин
Упорный труд в победе отразится
Досрочно, с честью стройку завершим!

ВЕДУЩИЙ: Объятые энтузиазмом развернутого социалистического соревнования, под руководством боевых командиров-большевиков, чувствуя постоянную заботу и внимание Коми Совнаркома и Областного комитета партии, строители магистрали скоростными методами делали насыпь, выемки, клали шпалы, свинчивали рельсы, двигаясь к легендарной красавице Печоре.

6-го октября первый паровоз пришел на 100-й километр!

7-го ноября было открыто рабочее движение поездов на участке Котлас — Княж-Погост.

Десятки и сотни коммунистов, комсомольцев и непартийных большевиков делом подтвердили свою готовность построить в кратчайший срок Северо-Печорскую железнодорожную магистраль, тем самым воплотив в жизнь идею Великого СТАЛИНА.

25-го декабря 1940 года в 18 часов последний пикет пути был уложен.

Задание Партии и Правительства было выполнено!

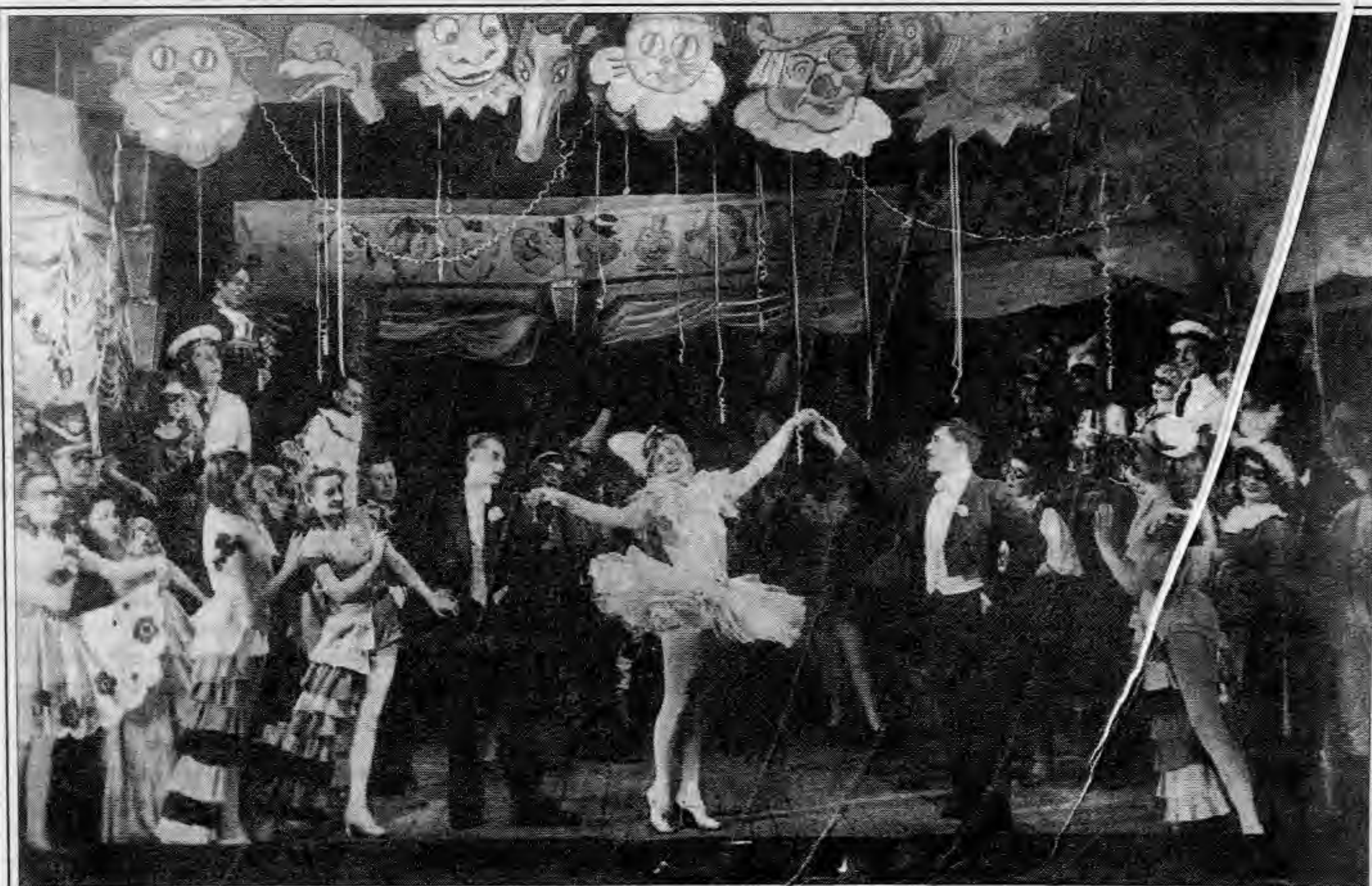
Сквозной стальной путь от Котласа до Кожвы, от берегов Северной Двины до могучей шири Печоры — **БЫЛ ОТКРЫТ!**

"Песня машиниста"

Посмотри, по железной дороге
Как состав быстро мчит машинист,
Он сегодня смелее намного
Подает свой приветственный свист.

ПРИПЕВ:

Видишь вдалеке
Яркая звезда
Мчатся в тайге поезда!
Слышен стук колес
И горят огни
Мы труду поем
В грозные дни

Музыкально-драматический театр Воркутстроя НКВД. Сцена из оперетты "Коломбина". В центре — Валентина Георгиевна Токарская. Воркута. 1946 год.

ФОТО АЛЕКСЕЯ КАПЛЕРА

Посмотри на труд человека
Насыпь и земляные пласты
Сквозь тайгу, через бурные реки
Пораскинулись наши мосты!

ПРИПЕВ.

По стальным путям дальнего Севера, проложенным
руками строителей, пошли составы с ценнейшим
грузом для нашей социалистической промышленности
и мы, строители новых железнодорожных путей,
вслед уходящим эшелонам сказали:

Бегите, спешите вперед паровозы
Звучи веселее, дорожный гудок!
Передайте скорее в города и колхозы
Привет от строителей новых дорог!

ПРИПЕВ: На вахте и ночью и утром

Мы служим народу всегда
По Сталинским ходят маршрутам
Советской страны поезда!

По горам, по лесам, по долинам

Нашу песню неси, паровоз,
Чтобы пела страна,
Чтоб гудела она —

Миллионами вагонных колес!

Мы в жарких боях покорили природу
В тайге и в пустыне пути провели
И служат великому братству народов
Свободные рельсы советской земли!

ПРИПЕВ.

И тучи проносятся мимо,
Дорога светла и рассвет золотист,
Ведет нас к победе наш СТАЛИН любимый
Великой, советской страны Машинист!

ПРИПЕВ.

Северо-Печорская железная дорога вошла в
семью великой железнодорожной державы.

Мы упорно пробивались
До Печорских светлых вод
Нашей воле покорялись
Глушь и трясины болот!
Мы природу взяли силой,
Проложив железный путь,
И Печора нам красиво
Гордо выпятила грудь!

ПРИПЕВ: Не грусти на пути,

Если радости в сердце так много!

Широка и светла

Перед нами легла путь-дорога!

По дорогам Коми края
Над свободною землей
Льется песня боевая
О победе трудовой!
Наше счастье в песнях брызги,
Веселимся с вами мы,
Поезда родной отчизны,
Путь свободный до Москвы!

ПРИПЕВ.

Реют пурпуром восходы,
Зори разгораются
К нам за нефтью эшелоны
Завтра отправляются.

Провели пути на славу
Стройки дни ударные
Мчатся гордые составы
Длинные, товарные!

ПРИПЕВ.

По тропе тайгой дремучей
Там, где зверю не пройти,
Нашей родине могучей
Мы построили пути!
Мы в труде не уставали,
Труд ударный строили,
Дорогой любимый СТАЛИН,
Магистраль построили!

ПРИПЕВ.

(Массовый танец)

(Закрывается внутренний занавес, перед
занавесом ведущий)

ВЕДУЩИЙ: Наступил 1941 год. Народы Советского
Союза, под руководством партии большевиков,
освещенные лучами СТАЛИНской Конституции,
твердыми, уверенными шагами продвигались на
пути построения бесклассового социалистического
общества, построения счастливой, зажиточной
жизни.

Но 22 июня 1941 года в спокойную летнюю ночь
мирная жизнь городов и сел была вероломно
нарушена гитлеровской Германией, по-разбойничьи,
из-за угла напавшей на нашу любимую Родину.

По призыву Великого СТАЛИНА советский народ,
как один, поднялся на защиту своего любимого
отечества, на защиту великих завоеваний Октября.

Перед коллективом строителей Северо-Печорской
железной дороги встала огромная задача —
построенный участок пути от Котласа до Кожвы
соединить на севере с Воркутой и на юге с центром
страны. Для этого необходимо было перешагнуть
водные пространства могучих северных рек,
построить в кратчайший срок железнодорожные
мосты через многоводные реки — Печору и Северную
Двину.

Строители дороги по-боевому принялись за
выполнение ответственной задачи. В результате
упорного труда в условиях напряженного военного
времени были построены самые северные в мире
железнодорожные мосты, обеспечившие бесперебой-
ное движение угольных маршрутов для нашей
социалистической промышленности.

В ответ на исторический доклад И. В. СТАЛИНА
в день 25-й годовщины Великой Октябрьской
социалистической революции, коллектив северного
железнодорожного строительства прилагает все
свои силы для выполнения нового Правительст-
венного задания.

Успешное наступление Красной Армии на фронтах
Отечественной войны налагает все большую ответ-
ственность на работников тыла, заставляет еще
больше мобилизовывать все наши усилия на помощь
фронту для разгрома ненавистного врага, для
нанесения ему последнего смертельного удара,
для освобождения советской земли от немецких
оккупантов.

Не может не громить врага
В любой нужде, при временной любой невзгоде
Народ — уверенный в вожде
И вождь — уверенный в народе.

На протяжении гигантского фронта от побережья Азовского моря до снежных вершин крайнего Севера, под Верховным главнокомандованием величайшего полководца — Маршала Советского Союза — Иосифа Виссарионовича Сталина героическая Красная Армия в упорных боях шаг за шагом освобождает советскую землю от гитлеровской нечисти.

Бой кипит, льется кровь, танков гул громовой,
За свободу и честь мы деремся!
Сгинет Гитлер со всей фашистской ордой
Скоро, скоро победы добьемся.

(Открывается занавес. На сцене весь ансамбль в военной форме исполняет красноармейский марш, — муз. Листова).

Враги войну ввязали новую,
Труба на бой последний нас зовет
Счастливой доли завоеванной
Никогда не отдаст наш народ!

ПРИПЕВ: И грозным шагом
В стальных машинах
Могучая армия идет
Под алым стягом,
Стальной лавиной —
За Родину! за Партию!
За СТАЛИНА — ВПЕРЕД!

Тверда как сталь отчизна светлая
Союз Республик наших нерушим!
Орлиной силой несметной
Черных ворон мы сокрушим!

ПРИПЕВ.

Дорог победных много пройдено,
Дорог победных много впереди!
Мы все по зову светлой Родины
Смело ринулись в бой как один!

И грозным шагом,
В стальных машинах
Могучая армия идет
Под алым стягом,
Стальной лавиной
За Родину! за Партию!

За СТАЛИНА — ВПЕРЕД!

(На сцене лозунг — "Вперед за нашу Победу!")

КОНЕЦ.

Сыктывкар

(В тексте сохранены орфография и пунктуация оригинала)

Спектакль агитбригады "Живая газета", сыгранный в лагере при шлюзе №2 Беломоро-Балтийского канала. Июль 1932 г.

Автор фотографии, вероятно, АЛЕКСАНДР БУЛЛА

Снимки из фондов Национального музея Республики Коми

Клуб 2-го лагпункта. Пос. Абезь Интинского района. 1939 г.

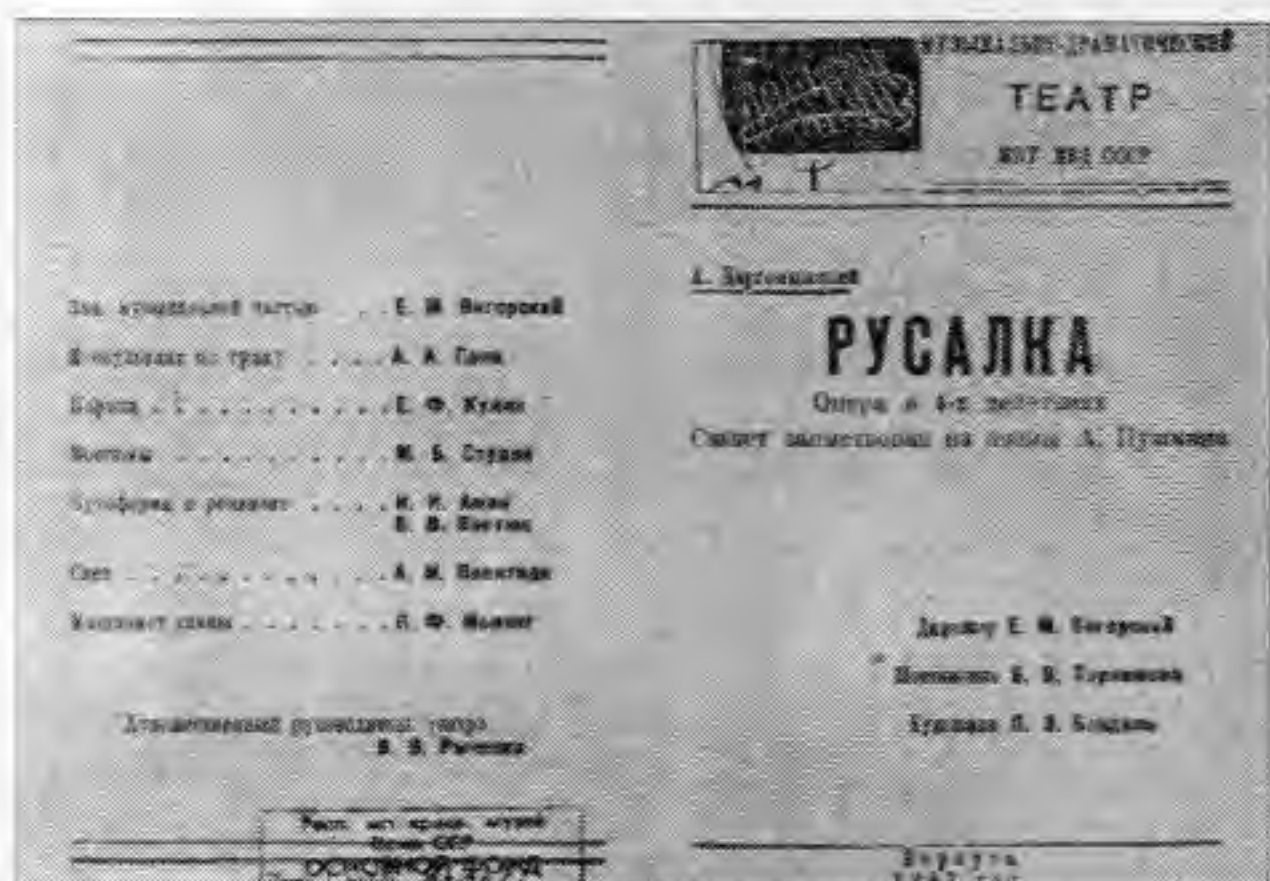
Выступление артистов бригады Культурно-воспитательного управления МВД СССР. 1955 г.

Оркестр Культурно-воспитательного отдела Речлага МВД СССР. Руководитель Василий Бендер. 1955 г.

Землянка III части. Пос. Абезь Интинского района. 1939 г.

Афиша спектакля Музыкально-драматического театра Культурно-воспитательного управления МВД СССР. Воркута, 1947 г.

Столовая-клуб 1-го лагпункта. Пос. Абезь Интинского района. 1940 г.

Николай МОРОЗОВ

К вопросу о численности жертв геноцида

Предметная область, которая содержит данную проблему, определена давно. При этом масштабы геноцида всегда оценивались с количественной и качественной сторон. Например, турки в 1911-1914 годах вырезали 2 миллиона армян. Пол Пот в 1974-1975 годах уничтожил 2 миллиона кампучийцев. Немцы в 1940-1944 годах уничтожили 6 миллионов евреев. Сколько же людей уничтожили большевики в 1917-1953 годах?

Общей официальной статистики на этот счет не существовало и не существует по сей день. Отношение большевиков к статистике было скептическим. Маркс говорил о трех видах информации: правде, лжи и статистике. Сталин отменил результаты переписи населения 1937 года, потому что они не совпали с цифрой 193 миллиона человек, указанной им самим заранее. Понадобилась перепись 1939 года, где все совпало, а

вредители-статистики были уничтожены. Тем не менее результаты переписи по линии НКВД были засекречены.

Как только они были опубликованы, я сверил их с архивными данными о количестве заключенных в лагерях Коми АССР, хранящимися в республиканских архивах Республики Коми. К удивлению, цифры примерно совпали — около 125000 человек, или почти 10% от общего числа заключенных в целом по стране. Тогда я предположил, что это соотношение примерно совпадало за весь период 1929-1952 годов. Возьмем списочный состав заключенных лагерей по годовым отчетам ГУЛАГа (данные опубликованы В. Н. Земсковым) и по архивным данным Центрального государственного архива Республики Коми и Коми республиканского архива общественных организаций и движений. Картина будет следующей:

Годы	Численность з/к по стране	Численность з/к по Коми АССР	%
1929	179000	2300	0,01
1930	212000	14050	6,62
1931	268700	12932	4,81
1932	334300	16186	4,84
1933	510307	21908	4,29
1934	725483	22212	3,06
1935	839406	25000	2,98
1936	820881	25000	3,05
1937	996367	30276	3,04
1938	1317195	125242	9,51
1939	1344408	99979	7,44
1940	1500524	198787	13,25
1941	1415596	259522	18,33
1942	983974	160933	16,35
1943	663594	99564	15,00
1944	715506	123229	17,22
1945	600897	138823	23,10
1946	808839	204705	25,31
1947	1108057	212200	19,15
1948	1216361	210000	17,26
1949	1416300	250000	17,65
1950	1533767	247131	16,11
1951	1711202	205916	12,03
1952	1727970	229739	13,29
Ср. %			11,4

Как видно из приведенной таблицы, предположение подтвердилось. Следует еще раз подчеркнуть, что мы берем только заключенных лагерей, без колоний, тюрем и спецпоселений. Известно, что в Автономной области Коми (зырян) в 1932 г. были расселены 50000 крестьян-«кулаков». В 1933 г. их осталось 20000. В 1940-1941 гг. подоспела в Коми АССР волна польских спецпереселенцев (35000 человек). В 1945-1946 годах и далее до начала 50-х не иссякал этот ручеек из десятков тысяч репрессированных немцев, западных

украинцев, молдаван, румын, литовцев, латышей и эстонцев, финнов и карелов...¹

В 1920 г. население РСФСР составляло 158 млн. человек, а в 1926 г. — 147 млн. За 6 лет население уменьшилось на 11 млн. человек. Но гражданская война уже кончилась. При нормальном правительстве естественный прирост за этот период должен был составить 18 млн. человек. Но прироста не было. Следовательно, потери составили 29 млн. человек — почти по 5 млн. в год!²

По данным профессора Курганова, в 1917-1923 гг. большевики уничтожили 1550000 человек: 160000 ученых, художников, учителей, студентов, писателей, поэтов и т.д., 50000 государственных служащих и предпринимателей, 40000 священнослужителей, 1300000 рабочих и крестьян. **Голод 1921-1922 гг. унес жизни 6000000 человек.**

В 1923-1930 гг. погибли 2000000 человек. Голод 1930-1933 гг. уничтожил 7000000 крестьян. В 1930-1933 гг. при "раскулачивании" погибли 750000 человек, в 1933-1937 гг. — еще 1600000 человек. В результате Большого Террора 1937-1938 гг. погибли 635000 рабочих, крестьян, служащих и интеллигентов, 340000 коммунистов, 30000 армейских офицеров и солдат. В 1937-1947 гг. погибли 2700000 человек. В лагерях содержались 20000000 человек. **Следовательно, геноциду подверглись 22 600 000 человек.**³

Густав Герлинг-Грудзинский, бывший политзаключенный сталинских лагерей, приводит следующие подсчеты: в ленинградской тюрьме "Кресты" в ноябре 1940 года содержались около 40000 заключенных, а в целом по СССР в тюрьмах и лагерях находились не менее 18-25 млн. человек.⁴

Йозеф Чапский приводит цифру 20 млн. человек, В. Андерс — 12 млн. (на 1941 г.). Американские авторы Даллин и Николаевский подсчитали, что в 30-50-е годы в советских лагерях и тюрьмах содержались 8-20 млн. человек. Француз Жак Росси, со ссылкой на Д. Домбэ, приводит свою статистику: в 1912 г. в России было 183000 заключенных, 1924 — 86000, 1927 — 200000, 1937 — 16 миллионов, 40-50-е годы — 17-22 миллиона, 70-е годы — около 3 миллионов, 80-е годы — около 4-х миллионов человек.⁵

Один из наиболее известных экспертов — Р. Конквест считал, что было арестовано в 1937-38 гг. 7-8 млн. человек и что в 1938 г. в лагерях находились 7 млн., тюрьмах — 1 млн. человек. В 1952 г., по его мнению, в лагерях "сидели" 12 млн. человек. В 1937-1938 годах были казнены 2 млн. человек.⁶

Н. С. Хрущев в своих мемуарах заявил, что, когда умер Сталин, в лагерях находилось до 10 млн. человек. Близкую цифру называет В. А. Чаликова — в 1937-1950 годах в лагерях находились 8-12 млн. человек.⁷

Советские авторы Наумов В. и Коротков А. на основании архивных данных утверждают, что в 1937-1938 годах были арестованы 1 372 392 человека, из них расстреляны 681692, а в 1940 г. арестованы 87109 человек, расстреляны 4500. Эти цифры свидетельствуют, по их мнению, об ослаблении репрессий после начала второй мировой войны. Авторы как бы не замечают сотен тысяч поляков, депортированных в ГУЛАГ из восточной Польши. Одна Катень свидетельствует, что репрессии не ослабевали никогда.⁸

Хрущева опровергает и В. Н. Земсков. В феврале 1954 г., пишет он, генеральный прокурор СССР Руденко, министр внутренних дел Круглов и министр юстиции Горшенин подготовили справку для Хрущева о численности осужденных за "контрреволюционные" преступления с 1921 по 1 февраля 1954 гг. Всего за этот период коллегией ОГПУ, тройками НКВД, ОСО, военной коллегией Верховного Суда и военными трибуналами были осуждены 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642980, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220, к ссылке и высылке — 765180 человек. На 1.02.1954 г. в лагерях и

тюрьмах содержались 467946 "контрреволюционеров", в ссылке после отбытия наказания — 62462.⁹

По официальным данным КГБ, пишет В. Савицкий, в 1930-1953 гг. были репрессированы 3 778 000 человек, из них 786000 расстреляны.¹⁰

Следовательно, считает Земсков, Хрущев знал истинную цифру — 2,5 млн. заключенных на момент смерти Сталина, и намеренно увеличил ее в четыре раза. Одно из двух — либо Хрущев действительно сильно преувеличил, либо сильно преуменьшили сталинские псы. Почему мы должны верить псам, а не Хрущеву? Ведь наверняка Хрущев знал больше, чем кажется Земскову.

Таким образом, поскольку даже после открытия архива ГУЛАГа картина остается неполной и неточной, неопределенность в предметной области "количество жертв ГУЛАГа" сохраняется.

Сыктывкар

Примечания

1. Шабалова Л. С. *Жить, чтобы выжить. // Родники пармы: Научн.-попул. сб. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. — С.120-131.*

По стране в 1993 г. на спецпоселении находилось 1317000 "кулаков", к 22.06.1941 — 930220, на 1.10.1945 — 6068000, на 1.01.1954 — 17348. "Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: "Их надо депортировать". / Сост. Бугай Н. Ф. — М.: Дружба народов, 1992. — С.19.

2. Коняев Н. Живые против мертвых, люди против нелюди. // *Молодая гвардия. — 1996. — N 2. — С.140.*

3. См.: Их называли КР: репрессии в Карелии 20-30-х годов: Сб. / Сост. А. Цыганков. — Петрозаводск: Карелия, 1992. — С.6.

4. Герлинг-Грудзинский Г. *Иной мир: Советские записки. / Пер. с польского Н. Горбаневской. — М., 1991. — С.18.*

5. Chapsky Jozef. *Na nieludzkiej ziemi. — Paris: Institut Literacki, 1962. — S.95.*

Anders Wladislav. *Hitler's Defeat in Russia. — Chicago, 1953. — P.243.*

Dallin D.J., Nikolaewsky B. *Forced Labour in Soviet Russia. — New Hawen, 1947. — P.11.*

Росси Ж. *Справочник по ГУЛАГу. В 2 ч. Ч.2. — М.: Просвет, 1991. — С.449.*

6. Конквест Р. *Большой террор. — Рига: Растниекс, 1991.*

Стив Коэн вслед за Р. Конквестом утверждал, что к концу 1939 г. число заключенных в тюрьмах и концлагерях СССР выросло до 9 млн. человек по сравнению с 30 тыс. в 1928 и 5 млн. в 1933-1935 гг. (Коэн Стивен. *Бухарин: Полит. биограф., 1888-1938. — М., 1988. — С.158.*)

7. Чаликова В. А. *Архивный юноша. // Нева. — 1988. — N 10. — С.158.*

Дм. Волкогонов считал, что в 1937-1938 годах были арестованы 3,5-4,5 млн. человек, Р. А. Медведев — 5-7 млн.

8. Наумов В., Коротков А. *Лаврентий Берия — ласковый палач. // Московские новости. — 1994. — 4-11 сент. — С.23.*

9. См.: *Социс. — 1991. — N 6. — С.11-12.*

10. Савицкий В. *Искушение. // Новое время. — 1990. — N 38. — С.17.*

Валентин ДЬЯКОНОВ

"Я, ЛАТЕРНАЯ ПЫЛЬ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ..."

"Миллионы безвинных людей поглотил в тридцатые годы и позже ГУЛАГ. Миллионы честных, смелых, сильных, здоровых, умных, талантливых... В нем погибли великие ученые и простые труженики, нежные мужья и жены, заботливые отцы и матери. И с каждой смертью Россия становилась беднее, Россия становилась меньше..."

Не хватит венков, чтобы возложить их на безымянные могилы узников ГУЛАГа, на несбывшиеся замыслы, несостоявшиеся жизни. Рассказ о судьбе Валентина Дьяконова — один из таких венков...

Журналистские пути-дороги свели меня с ним в Астрахани, где бывшие узники сталинских лагерей избрали его председателем общества "Мемориал". То, что он рассказал, не давало мне покоя, жило во мне, как будто не его, а меня травили собаками, не он, а я умирал от непосильной работы, глядел в голодные глаза детей политических заключенных...

И я взялся за перо и записал его истории так, как он мне их рассказал, ничего не прибавил и ничего не убавил. Даже его "я" оставил. Мне хотелось, чтобы современный читатель увидел тот ад, который прошел он, глазами свидетеля, глазами человека, который бросил вызов системе и победил ее.

И еще мне хотелось, чтобы эта работа увидела свет при жизни бывших узников Севжелдорлага, чтобы знали они, уходя, что живые помнят об их судьбе..."

Юрий
МАРТЫНЕНКО

"Не жалеи!..."

...Меня перебросили на катер-буксир "Печорец" мотористом. По Вычегде, Печоре, Сысоле, Северной Двине таскаем мы баржи с грузами — сеном, солью, пиломатериалами.

Везде бываем, все видим. На одну тему постоянно думаем: как бы подкормиться.

Нашли способ. Идет вверх теплоход с баржами. Причаливаем к нему, ведем переговоры.

— Нас потащишь?

— Что дашь?

— Керосин. 20 ведер.

— Идет!

Мы, если бы пыхтели вверх своим ходом, двадцать бочек этого керосина сожгли. Сэкономленное топливо меняем

на солезаводе на соль. Соль в верховых селах — на другие продукты. Живем.

Детский этап однажды поручили доставить в сельхоз "Межог". В сельхозе — лагпункт. В нем больше тысячи детей. Мы везем еще двести. Мальчики. Девочки. От двух до восьми лет. С ними двенадцать "мамок". Дети с разных лагпунктов, в основном — политических заключенных. Дети насилия.

Приказ по ГУЛАГу: разлучать малолеток с матерями, содержать отдельно от преступниц. Значит, их будут воспитывать не мамы — врачи, учителя, инженеры, музыканты, домохозяйки, рабочие, крестьянки, а профессиональные проститутки, воровки, подружки убийц, налетчиков, блатарей, воров.

Пристали к берегу. Высокий пригорок, лес, длинная песчаная отмель, пляжик.

Ребятишки с барж сошли на берег. Охрана с "мамками" ушла в лес. Пьют, ругаются, поют песни. "Мамки" визжат. Отдыхают.

А детишки купаются на мелководье. Август. Вода теплая. Солнце нагрело песок. И трава зеленая, цветы. И кудрявые облака на небе. Дети дурачатся, смеются.

Подошел я к ним. Они побаивались, сторонились меня. Заговорил. Что тут началось! "Па-па-а!" — кричат. Виснут на руках. Плачут. "Па-поч-ка!" Обнимают. "Ты мой?" —

Освободившиеся из лагеря заключенные с полярными куропатками. Слева — Станислав Кялка (второй человек неизвестен). Воркута 1955 год.

Автор фотографии неизвестен.

спрашивают. В глазах-глазках — надежда и тоска. Жажда ласки. С баржи "мамка" кричит:

— Не жалеи! Не жалеи их! Ты сегодня пожалеешь. А им каково будет завтра? Ты об этом подумал? Они же от тоски зачахнут, от воспоминаний!

Принесли кашу в термосах. Дети тут же выстроились в очередь. Дисциплинированные. Послушные. У каждого в руках мисочка и кусок хлеба. Без капризов. С одним желанием — ласки. Что с ними сделали, не понимают.

Едят сосредоточенно, быстро, серьезно. Ни крошки на землю не уронят.

Привезли их в лагерь. Бараки. Зона. Вахта. Вышки. В бараках — грязные, худые дети. В лохмотьях, коленки — голые. Кричат, дерутся. Обслуга — женщины, растрепанные, в рванье, из которого вываливаются груди, с синяками под глазами. Дышат перегаром.

— А-а. Еще привезли.

Наши жмутся друг к дружке. Молчат. Там, где их содержали до перевода в сельхоз, наверное, было лучше.

Начальник лагеря, хвастливый толстяк, рассказывает нам без предисловий, как застрелил двух пьяных возчиков.

— Овес воровали. На месте кончил. Оформили как нападение на начальника.

На ребятишек не глянул. Зато на "мамках", на каждой, задержал взгляд. Остался доволен.

— Спасибо. Хороших привезли. Своих теперь на свеклу отправлю. Прочу сук.

Зашел я перед отходом в барак.

— Стоять!

Дети стоят.

— Можно сесть!

Дети садятся на табуреты.

— Раздеться!

Раздеваются.

— Отбой.

Легли на нары.

Ушел на катер. Копался в машине. Смотрел на проплывающие мимо зеленые берега. А в ушах все стоял крик "мамки": "Не жалеи!"

"Пусть вас видит наш Бог"

Еще один рейс с пассажирами на баржах. Пассажиры молчат. Зарылись в сено и не шелохнутся...

В Сыктывкаре поляк подошел к нашему капитану Вите Развожжаеву — маленький, в полушубке, каскетке.

— Пан капитан! Пан капитан! Я — Адам Пжежесмицкий! Вы — политические?

— Что вы хотите?

— Есть семья. Ее надо вывезти из Коми в Вологодскую область. В Яренск. Есть немножко золота, спирт. Здесь нас на работу не берут. Решение властей. А там возьмут. Здесь мы помрем. Скоро осень. Зимой мы помрем.

Пока он так говорил, женщины подошли — в конфедератках и мужских ботинках. Под глазами темные круги. Скелеты, обтянутые кожей. Битые, изнасилованные, голодные, но еще живые. В глазах, сквозь пепел, — мольба.

— Сколько вас?

— Семья.

— Не возьмем.

Помкапитана вмешался — Иван Назаров.

— Нет, возьмем! Если не возьмешь... Про тебя плохо говорят в "хозяйстве".

Виктор сник.

Ночью причалили к берегу. Пассажиры полезли на баржи. Зарывались в сено. Шли. Шли.

— Бог ты мой! Сколько их? — Под сотню! Вот это семейка!

Мы рискуем. Я в рубке был. Адам пришел в рубку.

— Мы из Польши. Интернированные. Из местечек. Польские евреи. Я — поляк. Они — евреи. Вот спирт. Вот два кольца. Все, что есть.

Матрос Коля Готылюк потянулся к кольцам. Я ударил его по рукам. Турков Иван, старший моторист, мой начальник, прижал его к стенке:

— Не смей!

— А ты, Адам, убери спирт.

Готылюку, коку:

— Отдай им хлеб. Весь.

Кок замешкался.

— Ты что, сам не голодал?

Кок ушел. Ворчал, но хлеб принес. И еще — бидончик растительного масла. Отдали Адаму. Адам заплакал.

— Пань! Родные. Как с Польши мы, первый раз — люди. А так все — псы, нелюди. Нас сюда умирать привезли. У нас девочки — пятнадцать, шестнадцать лет. Мы нищенствовали. Просили. Кто мы в чужом краю!

Коля Готылюк отвернулся, когда увидел, как они делают хлеб дрожащими руками, как едят его.

До Яренска часов десять ходу. Перелески. Безлюдье. Тишина. Причалили к пологому берегу. Высадили пассажиров. Развернулись. Пора отчаливать. Женщина, седая старая еврейка, обняла Виктора.

— Пусть вас видит наш Бог и поможет вам.

Отходим.

А они стоят на берегу. Безмолвные, как изваяния. Провожают нас. Машут руками. Плачут.

И вот уже слились темные фигурки с темным лесом. Нет их. Белый платочек в чьей-то руке мелькнул. И платочка не видно уже.

"Хозяйство"

Продукты мы получали по продовольственному аттестату в любой зоне. Аттестат давали на семерых. Но можно семь исправить на двадцать семь или получить по одному аттестату продукты несколько раз, сведя с помощью уксусной эссенции записи.

Приходили на катер какие-то люди.

— Что у вас? — спрашивали.

— Хлеб. Двадцать булок.

Забирали хлеб. Забирали все и еще выговаривали:

— В "хозяйстве" вами недовольны. Мед на водку поменяли.

Было такое. Коля Готылюк с Виктором добыли где-то мед и сменяли на водку. В "хозяйстве" узнавали про все наши дела.

Продукты переправлялись в центральный следственный изолятор, доходягам, пеллагрикам в лазарет — через людей из хозорганов, управления дороги, различных контор "Севжелдорлага". Везде были люди из "хозяйства".

Поднялась как-то на борт Надежда Николаевна Полозова — уполномоченный по снабжению "Севжелдорлага". Большой человек. Вся Коми — ГУЛАГ. Исполком, райком — только вывески. Истинные хозяева северной земли в ГУЛАГе работают. Полозова — оттуда.

— Вы поступаете в мое распоряжение.

Она ехала по колхозам, совхозам рассчитаться за прошлогоднее сено, картошку, заключить новые договоры на поставки.

Загрузили баржу солью, мукой, сахаром, всяким ширпотребом — и в долгий путь.

Поселили большого начальника в каюте старшего моториста. На катере запахло духами.

Знакомимся. Читает стихи: Мандельштам, Гейне — на русском и на немецком. Стою на вахте. А ей делать нечего — читает, рассказывает про свою жизнь. Я внимательно слушаю.

Узнаю, что Полозов — негодяй: когда начались гонения на немцев Поволжья, он развелся с женой-немкой, и она, только, чтобы спастись, не сгинуть в лагерях, вышла замуж за другого человека. Потом где-то на дорогах войны уполномоченный по снабжению "Севжелдорлага" Зак подобрал растерявшуюся, брошенную женщину, женился на ней, увез на север, пристроил к делу. Она быстро вникла в механику и алгебру снабжения, продвинулась по службе, стала помощником мужу, а когда он ушел на фронт, заняла его должность.

— Вот так и кончилась жизнь моя с ним — без любви, ради того только, чтоб не оказаться в мясорубке.

Что мне сказать на это? Молчу...

Виктор, капитан, мной недоволен:

— Завяжи с Надеждой. Мы связаны с "хозяйством".

Узнает она — нам вышка.

А она, оказывается, знала. Как-то завела разговор:

— Есть двенадцать лишних мешков муки. В Княж-Погосте перегрузите на дрезину. И — в Жешерт.

— Ты знаешь про "хозяйство"?

— И Зак знал. В Жешерте муку примет диспетчер Котловский. Сергей Петрович Котловский.

— Кто такой?

— Узнаешь. У вас будет время поговорить.

И вот мы, выполнив поручение Полозовой, разговариваем с Котловским.

Он — герой Польши. Пилот ФАИ — была такая организация. СССР и Германия в нее не входили. Окончил летное училище в Гатчине. Служил в армии Пилсудского. Принимал новые самолеты. Ас-летун. Подполковник. Перевозил ценности, документы, государственных деятелей. Жил красиво, весело. Опасные рейсы, деликатные задания. Работал на жемчужной линии. Перевозил жемчуг с Тасмании в Сидней.

1 сентября 1939 года получил телеграмму из Польши: "Напоминаем о вашем долге". Полетел через Индонезию, Индокитай, страны Востока в Польшу. Прилетел в Белосток. А там — красноезвездные самолеты.

Ночь пробыл с женой, а утром собрался в комендатуру. Жена в слезы: "Не ходи!" Он не послушал ее: "Что я без самолета?" В комендатуре с ходу заявил: "Я прилетел воевать с немцами". Ему также без обиняков ответили: "В Москве решат, с кем вам воевать".

В Москве решили быстро: "Пилот капиталистической державы Котловский до особого решения изолируется". Он возмутился: "Матка боска! Какое решение? Я хочу воевать!"

Наказание отбывал вместе с советскими военными начальниками, у которых немецкие фамилии. Их не спасли ни звания, ни партбилеты, ни ордена. Его — ни золотые погоны летчика ФАИ, ни знакомство с советским асом шеф-пилотом Грозовым.

"Зачем? Зачем? — спрашивает он у меня. — И я, и они могли бы воевать. И тогда, может быть, немцы не дошли бы до Москвы!"

Не знаю, что ответить ему...

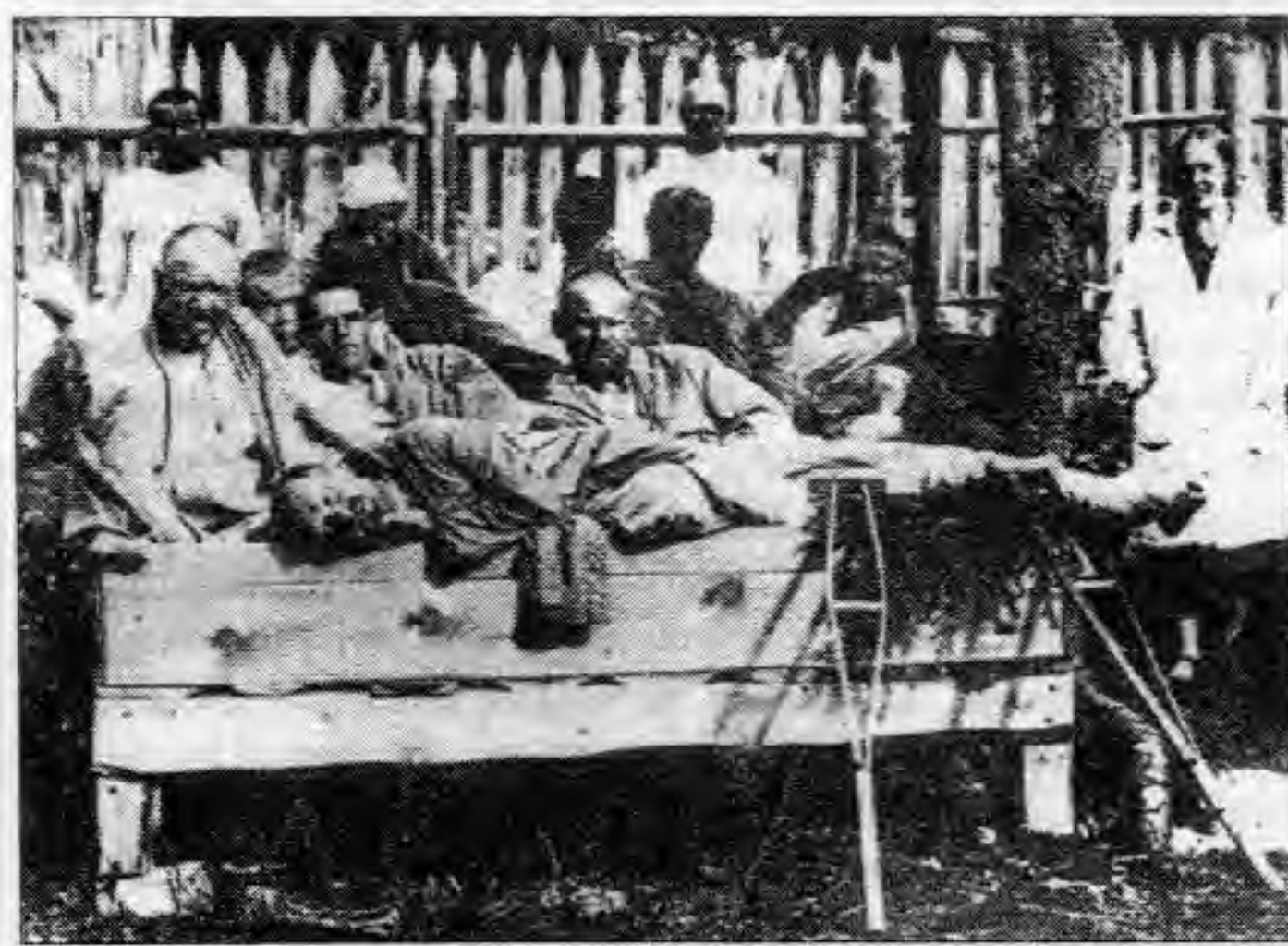
(главы из книги воспоминаний)

Астрахань

Конвоирование заключенных на теплоход "Глеб Бокий", отплывающий на Соловецкие острова. Кемь, 1927 год.

Кадр из пропагандистского фильма "Соловки". Оператор Г.С. Савченко, режиссер А.А. Черкасов,

Заключенные в лагерной больнице. Беломоро-Балтийский канал. 1931-1933 гг.

Автор фотографии, вероятно, Александр БУЛЛА

В материале использованы фотографии, представлявшие на выставке Томаша КИЗНЫ "ВРЕМЯ ИМПЕРИИ" ("CZAS IMPERIUM"). Каталог выставки опубликован Центром "KARTA" (Ośrodek KARTA), Варшава, 1997 г.

Альгирдас ШЕРЕНАС

ПЕСОПОВАЛ

Лесоповал — злая судьба заключенного. Чем бы ни занимались лагеря, без лесоповала не обойтись. Угольный Инталаг рубил лес на рудостойки в Лем-ю, в Ухтижемлаге по речке Изваиль были разбросаны лесопункты, Устьвымлаг и Локчимлаг были полностью лесными, Севжелдорлаг, Жешартстрой, Верхне-Чоповский ИТЛ заготавливали лес как для нужд ГУЛАГа, так и на экспорт.

Тяжело и опасно работать на угольной шахте, тяжело добывать нефть и прокладывать железнодорожные пути, но валить лес в сорокаградусный мороз — очень тяжело.

Зимнее утро. В зоне еще темно. Из бараков понуро выходят эки на построение, недоспавшие и недоевшие. Бригадир и нарядчики с фонарями, матерясь, бегают вдоль серой массы людей, сбивая колонну. Пересчитывают десятки, записывают отсутствующих — больных, посаженных в карцер, вызванных на следствие. На улице мороз с туманом. Эки одеты в бушлаты, ватные брюки, обуты в стоптанные, прожженные кострами валенки, на головах матерчатые шапки-ушанки на тонкой ватной подкладке, шеи закутаны вафельными полотенцами или старыми портянками. В сильные морозы положено лицо закрывать маской — куском материи с прорезями для глаз, носа, рта. Фельдшер медпункта раздает вазелин для смазывания лица.

Вроде разобрался. Колонна двинулась к вахте. Здесь надзиратели передают работяг конвою. Опять пересчитывают, опять долгое стояние на морозе и ветру. В инструменталке разбирают пилы и топоры, иногда инструменты увозят на подводе. До делянки идти 4-5 километров. Колонна понуро плетется, подгоняемая конвоирами: "Не растягиваться, туды твою мать!" В лесу темно, работяги тащат сушняк, разводят два костра — маленький для конвоя, большой — для себя. Светает... Разомлевшие от тепла мужики, проваливаясь в глубоком снегу, бредут на делянку, границы которой обозначены флажками или натянутой проволокой.

Обычно работают парами — вальщик и его помощник. Помощник обтаптывает снег вокруг дерева, чтобы легче было пилить и не оставлять высоких пней. Определяют наклон дерева и направление ветра. В лагерях эта мера безопасности часто не соблюдалась и несчастных случаев было много. Стараются валить так, чтобы при падении дерево не зацепило другое, не повисло на его ветвях. Вальщик подрубает ствол со стороны падения и, согнувшись, быстрыми, уверенными движениями пилит. Чтобы пилу не зажало, помощник длинным шестом напирает на ствол в сторону его падения. Наконец раздается характерный треск и, поднимая снежное облако, сосна, пружиня верхушкой, как бы нехотя плюхается в снег.

Помощник обрубает сучья (эту работу иногда выполнял третий человек — сучкоруб), отпиливает вершину. Сучья складывают в кучу, которую потом сожжет кострожег. Как ни крутись, а руки, ноги мерзнут, силы покидают истощенное тело — пора передохнуть, если есть махорка — перекурить. В полдень привозят обед — жидкую баланду без единой жиринки и водянистую кашу. Короток зимний день, в три часа уже начинает темнеть. Бригадир обходит работяг,

подсчитывает сваленные кубометры. Чтобы выполнить норму, необходимо свалить не менее двадцати спелых деревьев. Даже при хорошем лесном массиве опытным лесорубам трудно ее выполнить.

Темнеет, работать становится опасно, да и силы на исходе. Собираются мужики у костра, греются, ждут, когда конвой подаст команду строиться.

Горе новичку на лесоповале. Лучковая пила не слушается, гнется, полотно дрожит, дерево зажимает его. Наконец, как бы нехотя, валится и зацепляется за верхушки соседних елей. Новичок не знает, что делать, он бестолково суетится, утопая в снегу, пытается столкнуть окаянную лесину, попусту тратит остатки сил. Вместо положенных двадцати стволов с великим трудом валит только пять. Бригадир из блатных кроет отборным матом, бьет по голове мерной палкой: "Ты что подводишь бригаду, сука!" Страшнее усталости, холода и побоев — сознание своей неполноценности, никчемности и сознание того, что из-за тебя мужики не получают добавочного черпака супа и довеска хлеба, не запишут им зачетов. Конечно, новичок все преувеличивает, — без туфты мало кто в силах выполнить норму, но это он поймет потом, когда наберется опыта и постигнет премудрости лагерной жизни. А теперь нет никого, кто бы ободрил, пожалел, подучил, — все смотрят на тебя с презрением и злостью ("филонит, сука!"), хотя сами когда-то были такими же новичками. На работу идет он как на плаху, готов отрубить себе пальцы, обморозить ноги, лишь бы хоть недельку полежать в лазарете. А ведь по своей природе не лодырь он. Но до лагеря столько лесу и в глаза не видел. На своей далекой родине с восхода до захода солнца косил травы, ходил за плугом, выращивал хлеб. Что же тогда говорить об очкарике-интеллигенте, всю жизнь просидевшем за древними рукописями...

На лесоповале работали и женщины. В Лем-ю (Минлаг) приходившие им на смену лесорубы-мужики находили около деревьев нежные послания на русском, украинском, литовском языках... Бедные женщины-каторжанки, даже в таких адских условиях они не теряли романтических чувств...

Сыктывкар

ФОТО ИЗ ЖУРНАЛА "KARTA" (ВАРШАВА)

Николай МОРОЗОВ,
доцент Сыктывкарского госуниверситета,
кандидат исторических наук

"Это сильная книга..."

Рецензия на книгу Альгирдаса ШЕРЕНАСА "Воркутинские лагеря смерти"

Автор книги знает о лагерях и ссылке в Коми АССР не понаслышке. Сам из бывших ссыльных, он прошел дорогами гугаговского ада, многое видел и слышал сам, многое ему рассказали свидетели, многое — архивные документы. Материал для книги собирался долгие годы, последние пять лет ушли на его обработку, обдумывание того, что хотелось сказать читателям.

Предметная область (ГУЛАГ) разбита автором на несколько логически связанных блоков. Описание лагерных комплексов (Ухтинского, Воркутинского, Абезь-Интинского, Заполярного, Усть-Вымского) дается на основе архивных материалов и воспоминаний бывших политзаключенных и ссыльных, причем основное внимание уделяется именно архивным данным. Мемуары настолько субъективны, что историческим источником по сути дела не являются. А. Шеренас вполне сознательно отделяет себя от источников информации, очень критически к ним относится. Он также сознательно отделяет себя от читателей, от их мнения. Главное для него — донести правду о страшной системе геноцида до молодежи и людей среднего возраста, чтобы не были забыты ни жертвы, ни палачи.

Именно обилием документированных фактов, строгим научным комментарием архивных документов сильна книга. Автором изучены материалы из архивов местных краеведческих музеев, Центрального государственного архива Республики Коми, бывшего партийного архива, архивов МВД и КГБ, ведомственных архивов. Особый интерес вызывают материалы Коми республиканского архива ЗАГС, широко использованные автором. Это — убедительные материалы, хотя и к ним необходимо критическое отношение. На их основе автор приводит любопытные сведения о заболеваемости и смертности заключенных. Есть данные о национальном составе заключенных, в том числе немало сведений о поляках.

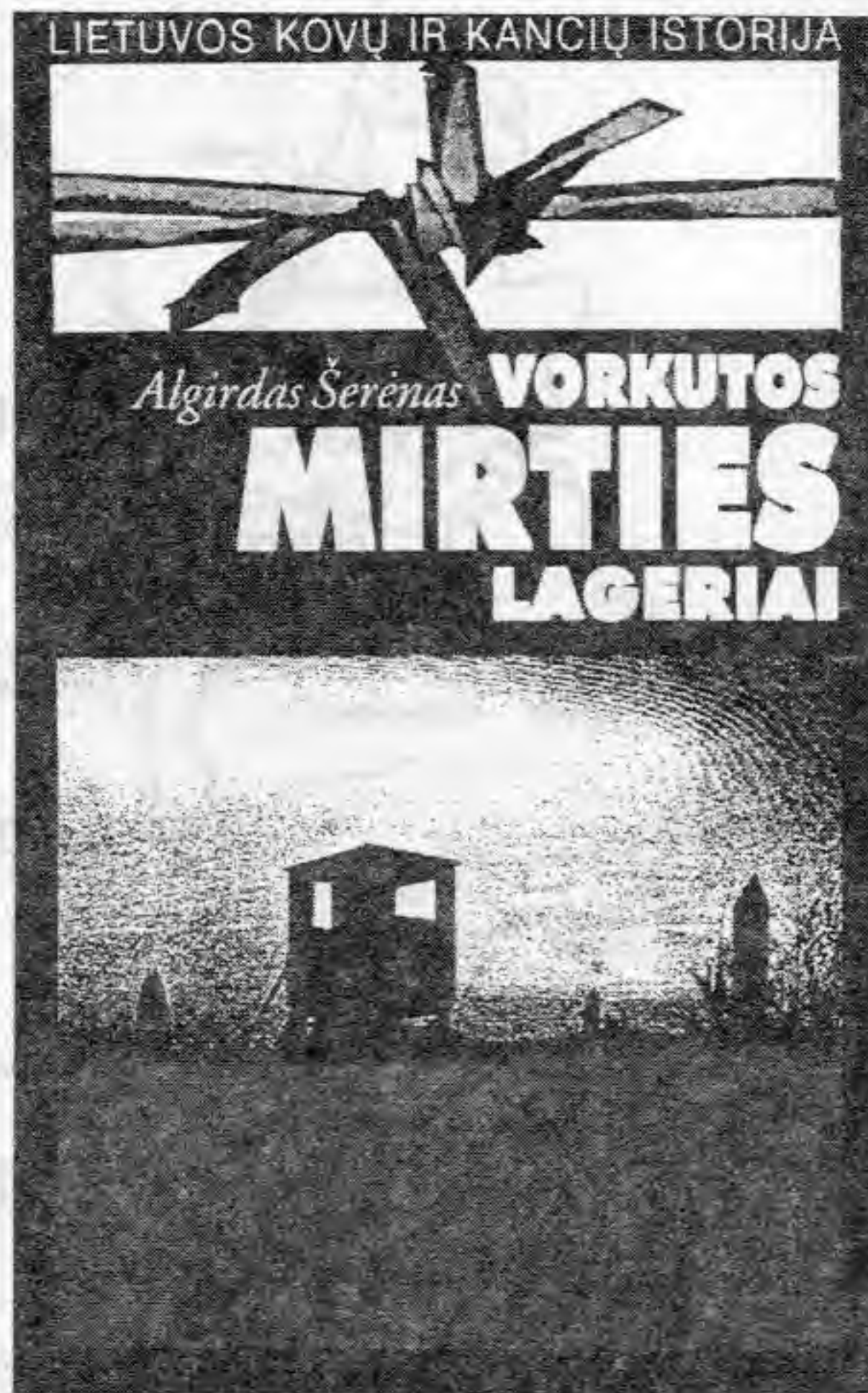
Там, где архивы молчат, говорят живые и умершие свидетели — генерал Ионас Иодишюс, историк Лев Карсавин, жена президента Литвы Она Стульгинскене, Степонас Рудженис, Пранас Жижмарас и многие другие. Личные дела и учетные карточки заключенных и ссыльных — те, которые можно было получить, не нарушая установленных законом процедур, — были внимательно изучены и учтены.

А. Шеренас — не только бесстрастный комментатор и исследователь. Он глубоко переживает все, что ему удалось узнать, увидеть и услышать. На заброшенных и забытых эковских кладбищах, у мемориальных памятных знаков, на местах старых ОЛПов, лагпунктов и подкомандировок он слышит голос той эпохи, которую пережили наши деды и отцы, матери и сестры. Поэтому так близко к сердцу он принимает все, что происходит сейчас в России, Коми, Литве, Польше. Тревога за будущее литовского народа не покидает его ни на

минуту. Поэтому его книга — сильный удар по ностальгическим красно-коричневым и розовым реваншистам.

Конечно, книга "Воркутинские лагеря смерти" не лишена и недостатков. С одной стороны, это недостатки, вытекающие из самого комплекса архивных документов. Нам достались для анализа далеко не все документы. Известно, что большая их часть была уничтожена, многие — сфальсифицированы. С другой стороны, есть досадные опечатки в датах рождения или смерти отдельных людей. Географические названия из-за трудностей транскрипции приведены в некоторых случаях искаженно. Несмотря на недостатки, это — сильная книга сильного человека, искренняя и правдивая. Она должна быть переведена на другие европейские языки.

Сыктывкар

Альгидрас Шеренас "Воркутинские лагеря смерти":
На литов. яз. — Вильнюс: изд-во Центра геноцида и
резистенции Всемирного общества литовцев, 1997, —
672 с. — 1500 экз.

Сергей ШИМОВОЛОС

Места лишения свободы Нижегородской (Горьковской) области 1918-1953 гг.

История ГУЛАГа ознаменована для Нижнего Новгорода созданием одного из первых, а возможно, и самого первого концлагеря в 1918 году. Политических в то время стали сажать в тюрьмы Нижнего Новгорода и Арзамаса. В конце 20-х стали создаваться колонии в Сарове, Городец, Буреполоме. В 30-е годы колонии создавались для использования бесплатной рабочей силы на местах крупных строек (в Дзержинске, Сормово, Балахне).

В конце 30-х стали образовывать "кустовые" уголовно-промышленные объединения, ориентированные на лесоповал: Бурлаг, Варнавлэг, Керженские ИТК. На юге области многие колонии входили в Сарлаг, центр которого располагался в Мордовии.

Расцвет ГУЛАГа приходится на 40-е, когда Унжлаг был расширен до 28 лагпунктов. До 1935 года Унжлаг носил название Ветлужско-Унженское отделение Темлага, с 1935 г. — Ветлаг. Остается добавить, что все 18 нынешних нижегородских колоний находятся на месте бывших лагерей ГУЛАГа, со своей неразрывной историей и традициями.

1. Концлагерь ВЧК, 1918 г.
2. Горьковская следственно-пересыльная тюрьма (СИЗО).
3. ИТК массовых работ (при Мостотресте), 33-35 гг.
4. ИТК-13 (Сормово), (в 38-39 гг. — ИТК-6), 37-39 гг.
5. Ново-Сормовская ИТК-7 (при заводе № 92), 38-39 гг.; ИТК-14 — 48-53 гг.
6. Сормовская ИТК-2 (Стройгаз), 41-45 гг.
7. Сормовская ИТК-6 (при з-де "Красное Сормово"), 46-53 гг.
8. ИТК-2 (при Горьковском СМУ-5 "Жиркомбината"), 46-48 гг.
9. ИТК-6 (при заводе "Красная Этна"), до 42 г.
10. ИТК-16 (с 55 г. — УЗ-62/5), с 44 г.
11. Горьковская ИТК-2 (при СМУ-5 Станкостроения), 46-48 гг.
12. Автозаводская ИТК-9, 38-39 гг.
13. Автозаводская ИТК-3, 40-51 гг. (в 43-48 гг. — Автозаводский ОЛП; 48-51 гг. — ИТК-3).
14. Автозаводская ИТК-11, 49-51 гг.
15. Новинская ИТК-19, с 43 г.
16. Дзержинская ИТК-8 (при заводе № 96) 38-39 гг., (в 43-45 гг. — ИТК-20).
17. Дзержинская ИТК-8, 43-47 гг.; лагпункт ИТК-9, 48-53 гг.
18. Дзержинская ИТК-10 (2 лагпункта), 44-45 гг.
19. Дзержинский ИТК-17 (при заводе № 80 им. Свердлова), лагпункты (при заводе № 96), 42-45 гг.
20. Борский ОЛП (ИТК-16 "Моховые горы", 1942 г.
21. Борская ИТК-7 (при Стеклозаводе), 46-51 гг.
22. ИТК-3 (г. Балахна), 30-е гг., в 41-45 гг. — Балахнинская ИТК-7 (2 лагпункта — при Балахнинском бумкомбинате, картонной фабрике — 44 г.).
23. Дзержинская ИТК-17 (при заводе № 397), лагпункты (при Решетихинской сетевязальной фабрике), 46-48 гг.
24. Правдинская ИТК-7, 40-41 гг.
25. Городецкая трудколлония — с 1927 г.
26. ИТК-2 (г. Городец), 48-52 гг.
27. ИТК-11 (г. Кстово), 36-38 гг.
28. Кстовский ОЛП, 42 г.
29. Кстовская ИТК-10, 49-52 гг.
30. Сеймовская стройколлония (ИТК-10), 36-38 гг.
31. Богородская ИТК-18, 42-43 гг.

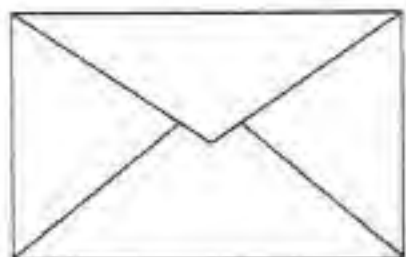
32. Богородская ИТК-14, 46-48 гг.
33. Павловская ИТК-9, 40-45 гг.
34. Керженская ИТК-10, 47-48 гг.
35. Семеновская ДТК, 44-54 гг.
36. Заветлужская ИТК-10 (при Красноярском мехлесопункте "Главрыбторга"), 40-42 гг.
37. ППП "Сельская маза", 42 г.
38. Лысковский ОЛП, 42-43 гг.
39. Лысковская ИТК-6, 43-45 гг.
40. Оранский ОЛП, 43 г.
41. Оранская ДТК, с 50 г.
42. Воротынский ОЛП, 42 г.
43. Варнавинский ИТЛ "Главгидро-Волгодонстроя" МВД СССР (Варнавлэг, ст. Ветлужская), 49-53 гг.
44. 1 ОЛП Унжлага.
45. 2 л/п 1 ОЛП Унжлага.
46. Больница № 1 Унжлага.
47. 2 ОЛП Унжлага.
48. 3 ОЛП Унжлага.
49. 6 ОЛП Унжлага.
50. 5 ОЛП Унжлага.
51. Больница № 3 (ОЛП-22 Унжлага).
52. 19 ОЛП Унжлага.
53. Больница № 2 Унжлага.
54. 7 ОЛП Унжлага.
55. 8 ОЛП Унжлага.
56. 9 ОЛП Унжлага.
57. 11 ОЛП Унжлага.
58. 12 ОЛП Унжлага.
59. Минеевское ЛО, 46-55 гг.
60. Уренская ИТК-8 (ст. Уста), 50-53 гг.
61. Уренская ИТК-11 (г. Урень), 45-48 гг.
62. ИТК-15 (Шахунский р-н, с. Черное), (48-53 гг. — ОЛП при Горьковском леспромайроне), до 53 г.
63. ИТЛ "Дальний", ЛО ИТК-4.
64. 5 лагпункт Буреполомского ИТЛ "Козлы" (Козловский).
65. ЛО ИТК-4 "Шерстки", с 33 г.
66. Буреполомская колония Нижегородского края (с 43 г. — ИТК-4), с 29 г.
67. Кулебакская ИТК-15, 41-48 гг.
68. Выксунская ИТК (в 45 г. — ОЛП-13).
69. Мухомовская ИТК-13 (при совхозе "Идеал"), 47-48 гг.; с 48 г. — ОЛП-86 "Воркутуголь".
70. Саровский ИТЛ, с 30-х гг.
71. Ардатовская ДВК, с 43 г.
72. Вачская ДТК, 43-45 гг.
73. ОЛП при строительстве № 1051 (при ст. Севостлейка), 42-44 гг.
74. Арзамасское отделение Сарлага (с 35 г. — Арзамасская ИТК-9, с 38 г. — Арзамасская ИТК-1; вкл: следственная тюрьма № 2 (с 42 г.), Арзамасский ППП (до 41 г.), 35-54 гг.
75. Следственная тюрьма г. Арзамаса.
76. Арзамасская ДТК, с 44 г.
77. Шатковский ОЛП.
78. Верхне-Талызинская ИТК-12, 47-53 гг.

Сокращения:

- ЛО — лаготделение
 ОЛП — отдельный лагерный пункт
 ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
 ИТК — исправительно-трудовая колония
 ППП — пересыльно-питательный пункт
 ДВК — детская воспитательная колония
 ДТК — детская трудовая колония

Составитель: Сергей Шимоволос

Нижний Новгород

Утерянные возможности

В 1991 году я приехал в Москву в июле месяце, чтобы подготовить документы для перезахоронения праха русского поэта и моего друга Юрия Галанскова, который был замучен в Мордовии в лагере № 17 "а" 4 ноября 1972 года.

Когда было уже все готово и я собирался, грянули августовские события. Все трое суток я был на баррикадах. Потом приехал В. К. Буковский, прошли пресс-конференции, встречи, и наконец я уехал в Мордовию.

...Тяжело все это было, я не мог смотреть на прах Галанскова и ушел в лес. Вернулся, когда гроб был заколочен. Предстоял путь назад в Москву, а там митинг на площади Маяковского, где Юра читал свои стихи в далекие 60-е годы, и похороны на Котляковском кладбище, где ему предстояло упокоиться уже навеки.

Перед отбытием я решил посетить два лагеря, где когда-то мы сидели с ним. С нами была киногруппа из Свердловска под руководством режиссера Бориса Евсеева, (который, кстати, и оплатил "Икарус" для поездки в Мордовию).

В лагере меня встретили хорошо. Я узнал ээка, который во Владимирской тюрьме помогал нам с Буковским переправлять информацию на волю. Он был болен туберкулезом и считал себя обреченным. Говорил с сожалением о том, что начинается новая жизнь, а ему остаются в ней только последние дни. Ему вторили и другие ээки. Они верили, что в стране восторжествовала справедливость, что не будет лжи, подлости, насилия, что теперь все заживут по-иному. Ээки говорили, что хотят завязать с преступным прошлым, просят освободить их и хотят строить вместе с народом новую жизнь.

В другой зоне было то же самое. Но все-таки наш с Буковским знакомый спросил у меня: "Мочить ментов или как?" Я ответил ему, что милиционеры такие же жертвы тоталитарной системы, как и мы, что они теперь станут другими, может, и лагерей вообще не будет. Просил передать во все зоны, чтобы сидели тихо, никого не трогали, не грызлись между собой и ждали информации из Москвы.

Попрощавшись, мы выехали в Москву. Я рассказал обо всем Буковскому, и мы пришли к выводу, что в лагерях сложилась уникальная ситуация. Решили оповестить об этом власти. После похорон Юры Буковский встретился с зам. министра МВД РФ Дунаевым А. Ф. Потом была еще одна встреча, на которой я тоже присутствовал. Я предложил Дунаеву свою программу гуманизации мест лишения свободы. Министр предложил нам съездить со съемочной группой ТВ России во Владимирскую тюрьму и два близлежащих лагеря и отснять там передачи. Скажу прямо, что зам. министра мне понравился, у нас выявились общие взгляды на проблемы мест лишения свободы, наметились пути решения сложных ситуаций, с таким человеком я согласен был работать.

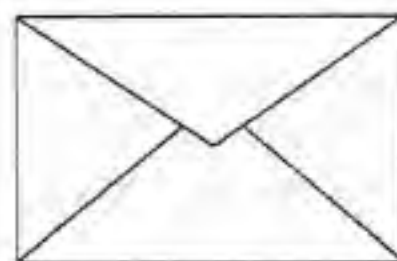
14 сентября с группой ТВ России я выехал в город Владимир. Все повторилось, как и в Мордовии. Я побывал в камере, где сидели мы с Буковским и другими политэками, побывал в рабочих камерах. Да, во Владимирской тюрьме ээки к тому времени уже свой хлеб зарабатывали. Говорили они о том же: что верят новой власти и ждут, что она простит им их грехи и выпустит на волю, божились, что к прошлому возврата не будет. Я просил ээков не допускать эксцессов, чтобы не сорвать начатое хорошее дело. Они обещали сидеть тихо. Я им говорил, что мы добьемся комиссии по пересмотру дел, которая будет также освобождать под подписку об отказе от старой жизни.

Приехав в Москву, я написал докладные Президенту РФ, министру ВД и Генеральному прокурору. Все складывалось вроде бы хорошо. Но тут неожиданно произошли смены в правительстве, сняли с должности Дунаева и еще ряд работников высших сфер. Начатое дело повисло в воздухе. Пока я устанавливал новые контакты, время шло, надежды таяли, ситуация в лагерях накалилась, терпение ээков лопалось. Правительство, Президент ничего не предпринимали для улучшения ситуации в лагерях и тюрьмах, а может быть, такая накаленная ситуация была кому-то и выгодна.

Потом, мы помним, как лагеря и тюрьмы взорвались бунтами, захватами заложников, убийствами офицеров и надзирателей. В зоны вводились танки и спецназ. Уникальная ситуация была упущена, снова разгорелась гражданская война, которая все годы советской власти незаметно для общества шла в лагерях и тюрьмах СССР. А ведь можно было если не покончить с преступностью, то намного сократить число преступников, уменьшить количество лагерей и тюрем, изменить сознание людей в сторону уважения власти и закона.

Простится ли нам это? Я хочу принести свои извинения тем ээкам, которые поверили тогда нам, поверили в новую жизнь. Нас тоже обманули, но надежды на то, что Справедливость победит, терять не стоит, иначе тогда и жить незачем.

Витольд АБАНЬКИН
Ростов-на-Дону

Два воспоминания о БАМе

Мне было восемь лет, мы жили около города Свободного. Слово "БАМ" мы знали как страшное слово, которым пугали нас — детей.

Я помню массы этих людей, которые долбили скалы и прокладывали по вечной мерзлоте, по болотам железнодорожную магистраль. Когда кому-то из ээков удавалось оторваться от кайла и шпала, они брели в поселок железнодорожников в поисках еды. Им подавали кто что мог. Давали им и старые вещи, которыми можно было обматывать ноги.

Очень многие из них были больны малярией. Сердобольные люди давали им хинин. Помню, как их знобило, как тряслись руки, когда им перепадала чашка горячего чая...

Много о страданиях этих людей мне рассказывала мама. Она работала посудницей в столовой, остатки пищи они собирали и передавали каким-то образом бамовцам.

Взрослые рассказывали, что на огромной скале, недалеко от нашей станции, бамовцы высекали из камня большой портрет Сталина, который, дескать, не знает и не ведает о нечеловеческих условиях на строительстве Байкало-Амурской железной дороги.

В начале 70-х слово БАМ "засияло" вновь. Молодежь призывали попробовать завершить то, что оказалось не под силу ээкам. Теперь местные прозвали бамовцев-комсомольцев "бичами", ибо отношение к людям по-прежнему было античеловеческим.

Перед глазами такая картина: на перроне города Иркутска высятся горы писем, бандеролей, пачки газет и посылок по всей длине станционных построек. Люди со всей страны пишут, родители хотят порадовать своих детей посылочкой, а они валяются сотнями тысяч под открытым небом, — не дошли до почт, которые, видимо, и не построили...

Так дважды, ребенком и уже взрослой, довелось мне косвенно прикоснуться к тому, что столь громко звучало по стране: БАМ! БАМ! БАМ!

Вера АУЛОВА
г. Сасово, Рязанская область.

Людмила АЛЕКСЕЕВА

Председатель Московской Хельсинкской группы (Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений MOSCOW HELSINKI GROUP)

"Карте" – историко-просветительскому правозащитному журналу, издающемуся в Рязани, – пять лет.

По тематике этот журнал уникален для России, а по качеству превосходит некоторые родственные ему московские издания.

В российских условиях особенно ценно, что столь превосходный журнал издается не в столице. Это показывает огромный интеллектуальный и организационный потенциал провинции и может стать вдохновляющим примером для других регионов."

Сергей КОВАЛЕВ

**депутат Государственной Думы РФ,
Сопредседатель общества "Мемориал"
(Москва)**

"В течение последних нескольких лет я внимательно и с интересом слежу за деятельностью рязанского правозащитного и просветительского журнала "Карта". На мой взгляд, значение этой деятельности далеко выходит за пределы региона; опыт работы рязанского журнала является чрезвычайно ценным для российской провинции в целом..."

Марк ГОЛЬДМАН

Исполнительный директор Липецкого Общества Прав Человека

"Наше общество уже более двух лет получает правозащитный журнал "Карта". Это издание по независимости мнения, широте охвата явлений, качеству редактирования и полиграфии представляет собой исключительное явление вообще, а в российских условиях – в особенности.

Журнал поднимает вопросы трагической истории России тоталитарного прошлого и "странного" настоящего, прокладывая тем самым дорогу в демократическое и правовое будущее.

Удивительно, что такой журнал издается вдали от столичных информационных и иных баз и, по моему мнению, заметно превосходит столичные издания по многим параметрам.

Я поздравляю "Карту" с пятилетним юбилеем и желаю от всей души успехов в ее многотрудной деятельности."

Наталья ДУБЦОВА

Ведущий архивист Государственного архива Рязанской области, зав. научно-справочной библиотекой ГАРО

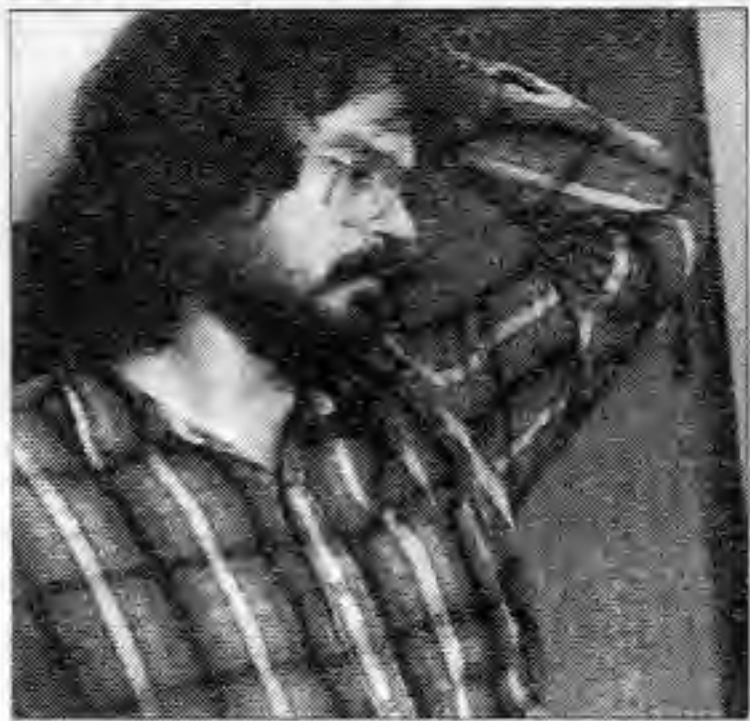
"Меня, как архивиста, радует, что в статьях, публикуемых в "Карте", используются фонды нашего архива. Не имея возможности самостоятельно публиковать документы, мы рассчитываем только на издания, подобные журналу "Карта". Материалы, которыми без сотрудников "Карты" было бы суждено еще долго оставаться невостребованными, с помощью журнала находят своих исследователей.

Кроме того, эти публикации дополняют наш научно-справочный аппарат.

Я думаю, что тесное сотрудничество журнала и архива помогает как изменению истории рязанского края, так и развитию правозащитного движения в области.

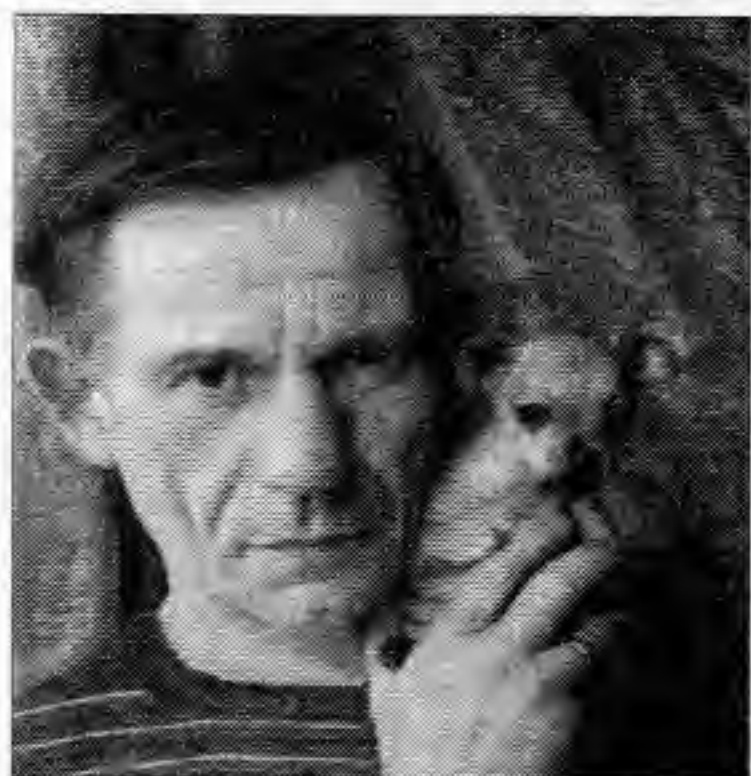
Завершая это маленькое интервью, хочу внести предложение. Неплохо бы "Карте" подарить архиву рубрику, в которой документы ГАРО публиковались бы в "чистом", а не в переработанном виде.

Поздравляю рязанский журнал "Карта" с пятилетним юбилеем!"

Главный редактор "Карты"
Андрей Блинушов

Редакционная коллегия:

Сергей Романов

Петр Митцнер

Виталий БОГДАНОВ

Заместитель главного редактора газеты "Экспресс-Хроника"

"Независимый исторический и правозащитный журнал "Карта" — одно из немногих изданий в России, реально способствующий правовому и историческому просвещению, а также осознанию обществом ценности прав человека.

Это небольшой, но уникальный журнал на своих страницах дает возможность выступить независимым правозащитником, юристам, ученым, представителям неправительственных организаций. "Карта" служит хорошей трибуной для тех, чьи голоса не слышит или не хочет слышать не совсем демократическое еще государство.

Интересны регулярно публикуемые в журнале очерки по истории репрессий тоталитарных государств и статьи, вскрывающие механизмы и закономерности тоталитаризма в разных странах. Такого рода материалы особенно ценны для сегодняшней России, едва-едва оправившейся от тоталитаризма и, как иногда кажется, готовый снова погрузиться в него.

Журнал "Карта" — высокоорганизованное издание. Хороший дизайн, качественно подготовленные материалы делают "Карту" привлекательной не только для тех, кто профессионально занимается вопросами права, истории, правами человека, но и, что особенно ценно, для рядового читателя из любого региона России.

"Карта" — пример удачного сотрудничества множества людей (часто из разных стран), которым небезразличны права человека и демократические ценности.

Заслуживает внимания и то, что один из старейших независимых журналов такого рода на территории бывшего Советского Союза ("Карта" основана в 1992 году) издается в провинциальном городе, но затрагивает отнюдь не местные проблемы."

Станислав ВЕЛИКОРЕДЧАНИН

Председатель Совета НГО

"ХРИСТИАНЕ ПРОТИВ ПЫТОК И ДЕТСКОГО РАБСТВА",
Ростов-на-Дону.

"С 1995 года я регулярно получаю Российский исторический и правозащитный журнал "Карта", издаваемый в Рязани.

На мой взгляд, в России пока нет аналогов этому журналу. Редакция освещает самые болевые точки жизни нашего общества, чем способствует становлению гражданского правового общества в России и его выздоровлению от еще живучих проявлений тоталитаризма.

В журнале регулярно публикуются материалы, публикация которых в других средствах массовой информации связана с большими трудностями из-за политической и экономической обстановки в стране.

Я поздравляю коллектив редакции с пятилетним юбилеем и полагаю необходимым и весьма полезным дальнейшее издание Российского исторического и правозащитного журнала "Карта".

Михаил РОГАЧЕВ

Заместитель директора и преподаватель истории Коми республиканского академического лицея при Сыктывкарском государственном университете

"Российская "Карта" за пять лет заняла прочное место в нашей историографии. Заявив о себе как о журнале, посвященном новейшей истории, издание закономерно, на мой взгляд, эволюционировало в сторону расширения тематики, став историческим и правозащитным.

Публикуя документы, связанные с правозащитной деятельностью, нарушением прав человека, журнал делает очень важное дело, — именно таких публикаций крайне не хватает в обществе, более полувека развивавшемся в рамках тоталитарной системы.

Об исторической части журнала, как учитель-историк, могу сказать одно — ряд публикаций использовал на уроках, поскольку аналогов им в то время не нашел (к примеру, о берлинском восстании 1953 года). Мне представляется, что редакция правильно ориентируется прежде всего не на теоретические статьи, а на "мозаику фактов" истории ГУЛАГа, сопротивления тоталитаризму, судеб человеческих в тоталитарных государствах. Мы же крайне мало знаем об этих страницах нашей истории!"

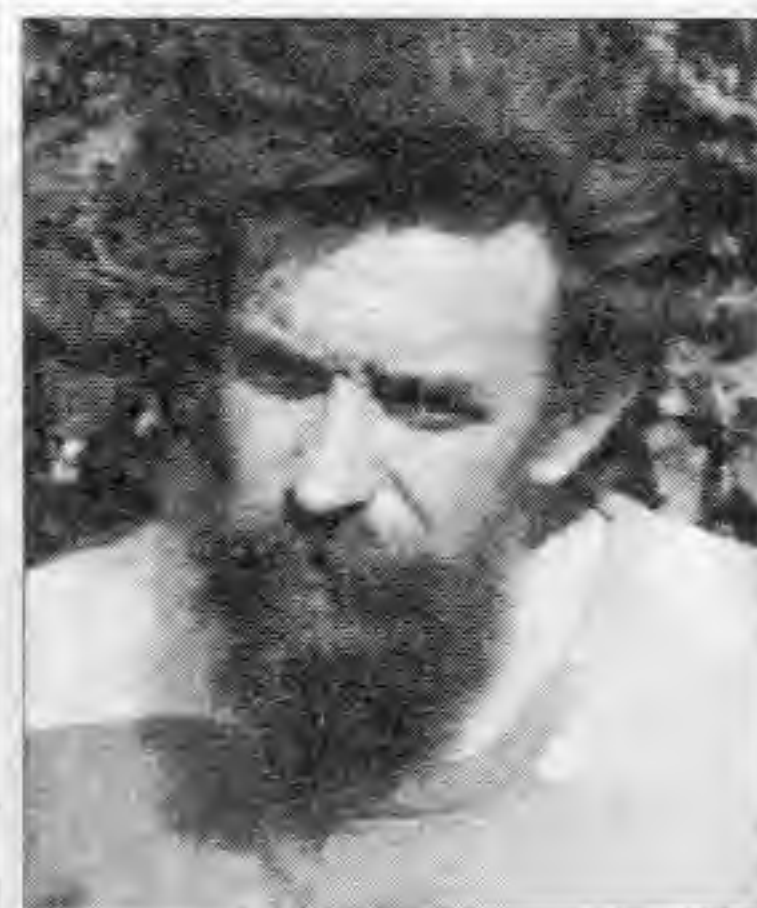
Юлия Серeda**Сергей ПЛЮЩЕНКОВ**

глава Заярской сельской администрации

"Мне в "Карте" интересны прежде всего материалы о репрессивной политике советского государства в отношении инакомыслящих (раскулачивание, спецпоселения, строительство БАМа и прочих строек сталинизма-коммунизма, особенно гигантских), а также судьбы военнопленных: немцев, поляков и других.

Хотелось бы также больше видеть на страницах "Карты" материалов о депортациях и переселении народов в годы Великой Отечественной войны.

Вместе с редакцией тешу себя надеждой стать, со временем, обладателем полной "Карты ГУЛАГа" (Бог даст?)"

Виктор Лозинский**Елена ЗЮБРОВСКАЯ**

Председатель Комитета Солдатских Матерей Дона

"Два года назад Комитет Солдатских Матерей Дона начал получать издаваемый в Рязани независимый исторический и правозащитный журнал "Карта".

Журнал очень интересен тем, что он затрагивает самые болезненные точки жизни нашего общества, знакомит читателя с горькой историей преследований инакомыслящих коммунистическим режимом, рассказывает о прошлом и настоящем правозащитного движения в нашей стране. В журнале часто затрагиваются темы, обсуждение которых вообще невозможно в других средствах массовой информации.

Существование таких изданий, как журнал "Карта", способствует становлению в нашей стране гражданского и правового общества".

Вадим Шубин

Поминовение жертв политических репрессий.
Рязань, 1992 г.

На семинаре группы "Правозащитная сеть".
Москва, 1997 г.

Интервью с А. Есениным-
Вольпиным. Бостон, 1994 г.

Раскопки места захоронения
расстрелянных. г. Пронск, Рязанская
обл., 1995 г.

Кладбище лагеря НКВД 178-
454 восстановлено. Рязань,
1994 г.

Чечня, район села Бамут, 1995 г.

Открытие мемориала на кладбище спецгоспиталя
НКВД. г. Скопин, Рязанская обл., 1996 г.